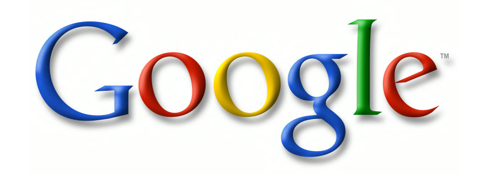
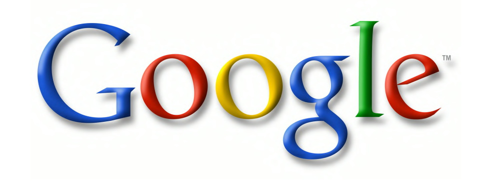
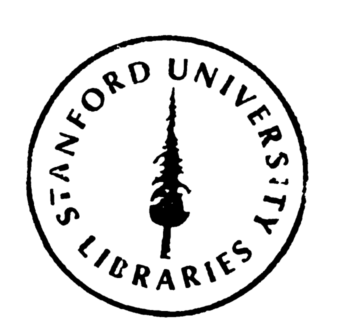
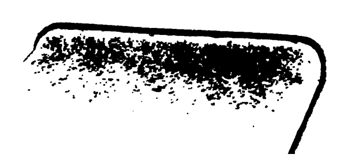

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

А. Котляревскаго

КНИГА

О ДРЕВНОСТЯХЪ И ИСТОРІИ

ПОМОРСКИХЪ СЛАВЯНЪ

въ XII вѣкѣ.

ПРАГА 1874. Типографія К. Л. Клауди.

Russian
Misc.

МАТЕРЬЯЛЫ

для

СЛАВЯНСКОЙ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТИ

I

СКАЗАНІЯ ОБЪ ОТТОНѢ БАМБЕРГСКОМЪ.

СКАЗАНІЯ

объ

Оттонѣ Бамбергскомъ

въ отношеніи

СЛАВЯНСКОЙ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТИ.

Изслѣдованіе

А. КОТЛЯРЕВСКАГО.

ПРАГА.
Типографія К. Л. Клауди.
1874.

ОСИПУ МАКСИМОВИЧУ

БОДЯНСКОМУ,

моему первому учителю

въ Славяновѣдѣніи.

Предлагаемая обработка „Жизнеописаній“ Оттона бамбергскаго столь существенно и, можетъ быть, для себя невыгодно — отличается отъ другихъ однородныхъ изслѣдованій своимъ направленіемъ и задачею, что мы считаемъ необходимымъ предпослать ей нѣсколько вводныхъ, объяснительныхъ словъ.

Ближайшею цѣлью нашей было дать новое изданіе этихъ важныхъ источниковъ славянской исторіи и древности, изданіе— исполненное со вниманіемъ къ требованіямъ славянской науки и приспособленное къ ея нуждамъ.

Такую задачу мы думали разрѣшить прежде всего—полною передачею матерьяла, относящагося къ славянскому быту и исторіи; затѣмъ—критическимъ разборомъ и обозрѣніемъ его.

Какихъ пріемовъ держались мы при выборѣ и извлеченіи матерьяла—читатель усмотритъ ниже [стр. 16—17]; въ отношеніи же критической части труда—считаемъ должнымъ сказать слѣдующее.

Два пріема, совмѣстные и равно необходимые, предстоятъ тк. нзв. низшей критикѣ при оцѣнкѣ и разборѣ извѣстій древнихъ памятниковъ. Она, во первыхъ—изъ нихъ самихъ установляетъ общіе критеріи или правила, на основаніи которыхъ опредѣляется степень достовѣрности и внутренняго достоинства сообщаемыхъ фактовъ; во вторыхъ—подвергаетъ разбору и осмотру каждое отдѣльное показаніе посредствомъ сопоставленія съ другими однородными и близкими извѣстіями всѣхъ наличныхъ источниковъ.

Настоящій трудъ нашъ ограничивается исполненіемъ только первой части этой критической задачи; удовлетворить требованіямъ послѣдней—мы надѣемся въ особыхъ, отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ, начало которыхъ появляется въ свѣтъ одновременно съ этимъ сочиненіемъ.

„Жизнеописанія“ Оттона принадлежатъ къ такому роду историческихъ произведеній, богатое содержаніе которыхъ само по

себѣ позволяетъ нѣкоторые общіе выводы и заключенія о предметѣ; потому мы собираемъ въ заключительной главѣ всѣ достовѣрныя извѣстія нашихъ памятниковъ въ видѣ систематическаго обозрѣнія внутренняго быта и историческихъ отношеній страны. При разборѣ послѣднихъ нельзя было обойтись безъ того, чтобы, не коснуться и вспомогательныхъ средствъ, предлагаемыхъ нѣкоторыми другими источниками.

Такимъ образомъ, наше изложеніе идетъ въ слѣдующемъ порядкѣ и содержитъ:

а] вводную историческую замѣтку о личности и дѣятельности Оттона бамбергскаго;

б] критическій обзоръ его „Жизнеописаній" т. е. общую историко-литературную оцѣнку ихъ, какъ источниковъ славянской исторіи и древности;

в] полное и связное изложеніе славянскаго матерьяла памятниковъ;

г] критическое распредѣленіе всѣхъ дотолѣ осмотрѣнныхъ извѣстій, имѣющее цѣлью опредѣлить степень достовѣрности и установить правила оцѣнки ихъ, слѣдуя которымъ историкъ или изслѣдователь древности, каждый по своимъ нуждамъ и задачамъ, могутъ употребить ихъ въ дѣло;

д] сводъ достовѣрнаго, явнаго и скрытаго — матерьяла, какъ общій выводъ изо всего предыдущаго. Это—сжатое обозрѣніе матерьяльнаго и нравственнаго быта, образа жизни и историческихъ обстоятельствъ славянскаго Поморья, насколько они открываются изъ „Жизнеописаній" Оттона. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эта глава есть систематическій предметный указатель къ славянской ихъ части; наконецъ —

е] „Приложенія", гдѣ нашли мѣсто извлеченія изъ нѣкоторыхъ памятниковъ, объясняющія предшествующее изложеніе.

Небольшой трудъ нашъ чуждъ всякихъ притязаній на какія нибудь законченныя изслѣдованія предмета: его задача — облегчить подобную работу посредствомъ подбора, приведенія въ порядокъ и перваго критическаго объясненія матерьяла двухъ замѣчательныхъ памятниковъ славянской исторіи и древности.

Этою, а не иною—мѣрою мы и просимъ нашего читателя [если таковой найдется!] мѣрить предлагаемое изслѣдованіе.

Римъ 1874, 2 Апрѣля нов. ст.

А. К.

Историческая поминка.

[105.. — 1139]

Въ исторіи послѣднихъ временъ нѣмецкой Имперіи мы встрѣчаемъ одно имя, которое съ равнымъ почтеніемъ называютъ лѣтописи политической жизни, лѣтописи церкви, образованности и искусства. Какъ бы въ противовѣсъ бурнымъ стремленіямъ и раздорамъ вѣка, своеобразная личность одиноко идетъ впередъ дорогою мира и плодотворной примиряющей любви; на этомъ скромномъ пути она оставляетъ прочные, хотя и не одинаково видные, слѣды своей неутомимой человѣчественной энергіи, и потому справедливо вызываетъ признательность современниковъ и потомства.

Мы говоримъ объ Оттонѣ I, епископѣ бамбергскомъ.

Оттонъ принадлежалъ къ тѣмъ замѣчательнымъ личностямъ цѣльной природы, которые, отдаваясь извѣстной идеѣ, умѣютъ и найти средства къ ея выполненію, и достигнуть желаемаго. Онъ обладалъ преимущественно практическими талантами въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова: съ умомъ образованнымъ, яснымъ и проницательнымъ онъ соединялъ характеръ твердый, дѣятельный и находчивый, но въ то же время—ровный, спокойный, чуждый крайностей и проникнутый гуманисмомъ, способный соглашать противорѣчія и вносить миръ среди вражды и разлада. Хотя душа и чувство его не были закрыты для увлеченія, но вообще онъ строго держался твердой почвы дѣйствительности; самые идеалы его, безспорно чистые и возвышенные, не переходили за черту выполнимаго, вездѣ онъ умѣлъ соблюсти мѣру и стремился только къ возможному, осуществимому благу. Вотъ почему его дѣятельность приносила такіе обильные плоды, и онъ такъ рѣдко испытывалъ горечь неуспѣха или обманутой надежды.

На дорогу жизненнаго опыта Оттонъ вышелъ довольно рано: нужда заставила его, еще юношу, отказаться отъ изученія „выс-

шихъ наукъ“ того времени и побудила искать дѣятельности. Провѣдавъ, что въ Польшѣ нуждаются въ ученыхъ, онъ переселился туда и сталъ наставникомъ мужской школы. На первое время новое положеніе было тѣмъ хорошо, что, обезпечивъ существованіе Оттона, дало ему средства восполнить пробѣлы своего образованія; вскорѣ, однако, миролюбивый характеръ, умъ, ученость и достоинство жизни его пріобрѣли общее уваженіе и открыли ему болѣе широкую дѣятельность. Положеніе наставника юношества ставило его въ прямыя, непосредственныя отношенія ко многимъ знатнымъ и вліятельнымъ лицамъ государства; узнавъ его способности, они нерѣдко прибѣгали къ его совѣту и поручали ему дѣловые переговоры. Такъ сталъ онъ извѣстенъ и самому князю Владиславу Герману, который принялъ его ко двору и сдѣлалъ своимъ капелланомъ. Къ сожалѣнію, біографы не входятъ въ подробности этого періода жизни Оттона; можно, однако, думать, что и тогда уже его вліяніе на общественныя дѣла было довольно значительно: такъ извѣстно, что, стремясь тѣснѣе связать Польшу съ Германской Имперіей, онъ подалъ Владиславу Герману мысль вступить въ бракъ со вдовствующею сестрою Императора Гейнриха IV, Юдитою, и самъ, въ качествѣ польскаго посланника, съ достоинствомъ и успѣхомъ выполнилъ это предпріятіе; извѣстно также, что и дальнѣйшія сношенія Польши съ Имперіей происходили при его прямомъ участіи и посредничествѣ. Въ такихъ обстоятельствахъ узналъ его Гейнрихъ IV; онъ полюбилъ молодаго, способнаго капеллана и, желая доставить ему дѣятельность, болѣе достойную его талантовъ, перезвалъ къ себѣ. Съ этого времени Оттонъ принимаетъ участіе въ судьбахъ нѣмецкой Имперіи. Съ Императоромъ особенно сближало его одинаковое направленіе религіознаго чувства. Если вѣрить біографу, Оттонъ скоро возвысился до званія канцлера Имперіи и хранителя печати, и его заботѣ поручена была постройка знаменитаго собора въ Шпейерѣ. Счастливое окончаніе этого труднаго, но славнаго дѣла доставило ему епископскую каѳедру. Въ 1102 г. скончался Рупертъ, епископъ бамбергскій, и Гейнрихъ, оставивъ безъ уваженія искательство многихъ знатныхъ людей, назначилъ ему въ преемники Оттона и утвердилъ его „кольцомъ и посохомъ“.

Бамбергская епископія была средоточіемъ церковной и политической дѣятельности того времени; Оттонъ, тк. обр., становился однимъ изъ главныхъ лицъ въ Имперіи. Положеніе его было трудное и по обширности обязанностей, и по историческимъ обстоятельствамъ: споръ Папы и Императора объ инвеституръ епископовъ посредствомъ кольца и посоха находился въ самомъ разгарѣ

Требовались необыкновенныя дарованія, чтобы найтись и удержаться съ достоинствомъ среди борьбы и выйти изъ нея съ добрымъ именемъ, требовалось много самоотверженія, чтобы въ такое страстное время—не отдаться личнымъ интересамъ и не пренебречь ради ихъ служеніемъ общему благу. Съ большинствомъ духовныхъ того времени Оттонъ вполнѣ раздѣлялъ начала, поставленныя знаменитымъ Гильдебрандомъ: императорская инвеститура епископовъ представлялась ему нарушеніемъ святыни, и авторитетъ Папы стоялъ въ его мнѣніи гораздо выше авторитета Императора; но въ тоже время онъ не могъ забыть, чѣмъ былъ обязанъ послѣднему, и потому стоялъ всторонѣ отъ борьбы и входилъ въ нее только тогда, когда видѣлась хотя малѣйшая возможность соглашенія интересовъ церкви и государства и только затѣмъ, чтобы согласить эти интересы и внести миръ среди враждующихъ сторонъ. Политика мира вполнѣ отвѣчала естественнымъ наклонностямъ Оттоновой природы, и если—какъ нерѣдко бываетъ при столкновеніи двухъ интересовъ, она не всегда сохраняла Оттона отъ подозрѣній и упрековъ въ двусмысленныхъ поступкахъ, то все же удержала за нимъ высокое положеніе и тѣмъ дала средства выполнить тѣ, направленныя къ благу человѣчества, задачи и предпріятія, которыми особенно славно имя Оттона. Не останавливаясь на важныхъ трудахъ его по возстановленію бамбергской епископіи, трудахъ, которые снискали полную признательность исторіи, укажемъ только на образовательную и художественную его дѣятельность: ученыя занятія находили въ немъ дружественнаго покровителя, двухъ извѣстныхъ историковъ времени [Еккегарда и Вольфрама] онъ сдѣлалъ настоятелями своихъ монастырей, и ихъ усиліями здѣсь принялись и утвердились науки; въ особенности же старался онъ распространить образованіе среди народа на родномъ ему языкѣ, и самъ былъ отличнымъ народнымъ проповѣдникомъ. Съ именемъ Оттона исторія искусства соединяетъ нѣкоторые знаменитые памятники благороднаго романскаго стиля: соборы [напр. шпейерскій и бамбергскій], церкви и монастыри, которые не только воздвигнуты на его средства, но и можно сказать при его личномъ художественномъ участіи, какъ знатока и любителя архитектуры и искусства вообще. Біографы его подробно разсказываютъ о его любви къ изящнымъ постройкамъ, любви, источникомъ которой было столько же религіозное воодушевленіе, сколько и образованный вкусъ и развитое чувство художника.

Оттонъ стоялъ уже на склонѣ своей жизни, когда новая сильная и смѣлая идея овладѣла его душею: онъ рѣшился итти къ отдаленному народу Сѣвера, чтобы вывести его изъ мрака язы-

чества на свѣтъ божественной истины. Оттона не устрашили опасности труднаго предпріятія, съ самоотверженіемъ и свѣжестью юноши онъ взялся за него, твердою настойчивостью, умомъ и любовью побѣдилъ препятствія—и полный успѣхъ увѣнчалъ его славный подвигъ.

„Епископъ Оттонъ былъ преемникомъ Оттона Великаго въ дѣлѣ миссіи Востока; но не мечомъ заставилъ онъ Поморянъ принять Христіанство, а проповѣдью и, можетъ быть еще болѣе—дѣлами любви и добра. Дѣло Епископа было прочнѣе, чѣмъ дѣло могучаго оружіемъ Императора. Равнымъ образомъ, Оттонъ бамбергскій былъ и сознавалъ себя преемникомъ св. Адалберта и сродныхъ съ нимъ по направленію духа иноковъ—пустынииковъ, но онъ началъ и исполнилъ свое дѣло не въ томъ смыслѣ, какъ понимали его эти подвижники, стремившіеся только къ вѣнцу мученичества: онъ дорожилъ успѣхомъ, о которомъ они мало заботились, онъ дружественно отнесся къ народу, котораго желалъ обратить, они же казалось отступились и отвратились отъ порочнаго свѣта“ [Giesebrecht, Gesch. d. deut. Kaiserzeit, III. 1869. p. 1000].

Житія Оттона,
какъ историческіе источники.

Жизнь еп. Оттона, обильная и внѣшними происшествіями и многими подвигами нравственнаго величія, по его смерти [† 1139], недолго оставалась предметомъ однихъ устныхъ признательныхъ воспоминаній: еще были въ живыхъ его товарищи, прямые свидѣтели и участники трудовъ его, какъ появились три отдѣльныхъ описанія его жизни, произведенія священника Эбона, схоластика Герборда и неизвѣстнаго инока прифлингенскаго монастыря.

Важныя вообще, какъ источники исторіи среднихъ вѣковъ, „Жизнеописанія“ Оттона бамбергскаго и въ ряду источниковъ исторіи и древности балтійскихъ Славянъ занимаютъ не только видное, но можно сказать—первенствующее мѣсто. Тогда какъ всѣ анналисты, неисключая даже Титмара и Саксона Грамматика, издалека собираютъ ходячіе слухи о Славянахъ, или знакомятся съ славянскимъ бытомъ такъ сказать внѣшнимъ образомъ, во время войны и оффиціальныхъ отношеній, спутники Оттона, отъ которыхъ идутъ свѣдѣнія его жизнеописателей, имѣютъ возможность наблюдать жизнь Славянъ въ свободныхъ, естественныхъ ея проявленіяхъ и при обстоятельствахъ, которыя прямо вводятъ ихъ въ среду народнаго быта и его порядковъ. Правда, наблюденія эти не чужды случайнаго характера и нѣкоторой монашеской брюзгливости: высшая цѣль миссіонеровъ часто заслоняла ихъ этнографическую любознательность, но при всемъ томъ—они съумѣли подмѣтить въ жизни Славянъ многія важныя черты и передать ихъ правдиво и отчетливо.

Важность сообщаемыхъ „Жизнеописаніями“ Оттона свѣдѣній давно замѣчена и оцѣнена наукою, но лишь съ недавняго времени историческая критика располагаетъ этими памятниками въ настоящемъ, чистомъ видѣ ихъ. Когда стали приводить въ извѣстность источники средневѣковой исторіи, открыли и нѣсколько жизне-

описаній Оттона; но то были не первичныя, современныя изображаемымъ событіямъ, произведенія, а болѣе позднія компиляціи и передѣлки ихъ. Самыя замѣчательныя и важныя изъ нихъ принадлежали аббату Андрею Лангу [писалъ въ концѣ XV ст.] и тк. наз. Анониму. Заключая въ себѣ повѣсти несомнѣнной достовѣрности и древности, Сборники Андрея и Анонима надолго удовлетворили историческую пытливость ученыхъ, и компиляція или передѣлка долго шла за непосредственный источникъ. Предпріятіе Перца [Monumenta Germaniae historica] возбудило новые поиски въ этомъ отношеніи, но они не привели къ успѣшному результату. Первоначальныя „Жизнеописанія" не отыскались. Тогда, съ пособіемъ уже извѣстнаго, обратились къ рѣшенію вопроса о составѣ сборныхъ. Разсмотрѣвъ, со вниманіемъ къ самымъ мельчайшимъ подробностямъ, текстъ андреевскихъ Сборниковъ и сличивъ съ ними передѣлку Анонима, Клемпинъ пришелъ къ заключенію, что Андрей буквально списалъ два произведенія Эбона и Герборда, современниковъ Оттона. Весь гагіографическій трудъ компилятора заключался въ томъ, что онъ смѣшалъ отдѣльныя части двухъ древнѣйшихъ источниковъ, вставилъ особое сочиненіе ученика Герборда и прибавилъ ко всему этому свои вступительныя посвященія[1]. Разысканіе Клемпина не ограничилось однимъ общимъ заключеніемъ: онъ отмѣтилъ и указалъ и несомнѣнные признаки, по которымъ можно было опредѣлить, что́ собственно принадлежало Эбону и что́ написано Гербордомъ. Такъ открылись средства возстановить утраченные тексты древнѣйшихъ памятниковъ[2]. Этотъ трудъ и былъ предпринятъ для собранія Перца — Р. Кэпке. Онъ провѣрилъ заключенія Клемпина по многимъ рукописямъ сборныхъ „Жизнеописаній", устранилъ дополненія компиляторовъ и, приведя въ естественный историческій порядокъ отрывки, напечаталъ свою реставрацію памятниковъ въ XII томѣ „Monumenta Germaniae historica"[3]. Вскорѣ затѣмъ счастливый случай помогъ Гизебрехту младшему [Вильгельму] отыскать и отдѣльный текстъ Гербордова Діалога. Открытіе оправдало вполнѣ заключенія Клемпина и реставрацію Кэпке: послѣдняя, и то только въ „Діалогѣ", отступала отъ настоящаго текста главнымъ образомъ во внѣшнемъ расположеніи матеріала; во всемъ же существенномъ, исторически важномъ —они сходились буквально. Но вмѣстѣ тѣмъ открытый памятникъ предлагалъ нѣсколько новыхъ историческихъ данныхъ, опущенныхъ

1. Klempin: „Biographien des Bischof Otto und deren Verfasser" въ Baltische Studien, Bd. IX, 1 Heft, Stett. 1842, pag. 9—83.
2. Ibidem, pag. 28—31, 82.
3 Scriptorum, tomus XII, H. 1856, pag. 746—822.

Андреемъ и потому — не вошедшихъ и въ реставрацію Кэпке. Важность этихъ данныхъ побудила послѣдняго предпринять новое изданіе Гербордова произведенія[4]. Въ то же время и Ф. Яффé издалъ въ свѣтъ и свою рецензію текста обоихъ памятниковъ, не отступающую впрочемъ ни въ чемъ существенномъ отъ рецензій Кэпке[5].

Такъ, можно сказать, только теперь наука получила возможность правильно воспользоваться двумя столь важными источниками славянской древности!

Разсмотримъ отдѣльно каждое „Жизнеописаніе“ съ точки зрѣнія источника славянской древности и исторіи.

1. Эбонъ. О личности Эбона извѣстно немногое: онъ былъ монахъ и священникъ въ монастырѣ св. Михаила въ Бамбергѣ и здѣсь, около 1151—2 г., предпринялъ описать, въ назиданіе потомству, дѣянія Оттона. Трудъ свой Эбонъ раздѣлилъ на три книги: въ первой онъ изложилъ событія жизни, церковной и политической дѣятельности Оттона до времени его поморской миссіи, во второй — онъ сначала разсказываетъ о прежнихъ неудачныхъ попыткахъ христіанской проповѣди въ славянскомъ Поморьѣ, о томъ, какъ у Оттона явилась мысль и созрѣла рѣшимость снова предпринять это трудное дѣло, затѣмъ — подробно передаетъ весь ходъ перваго путешествія; въ третьей книгѣ заключается повѣсть о второмъ путешествіи бамбергскаго епископа къ Поморянамъ, кратко указываются черты послѣдней монастырской дѣятельности Оттона и обстоятельства его кончины. Судя по нѣкоторымъ мѣстамъ біографіи[6], Эбонъ засталъ Оттона еще въ живыхъ, видѣлъ и зналъ его лично, но этотъ личный источникъ свѣдѣній біографа — не богатъ и не разнообразенъ: или Эбонъ не былъ очевидцемъ блестящаго періода дѣятельности Оттона, или же онъ стоялъ совершенно въ сторонѣ отъ событій, только всѣ, принадлежащія его личному опыту и наблюденію, извѣстія ограничиваются немногими замѣтками о мелкихъ домашнихъ происшествіяхъ жизни Оттона, напротивъ все важное — почерпнуто изъ постороннихъ источниковъ. Опредѣлить ихъ — не трудно. Оставляя въ сторонѣ первую книгу, какъ чуждую нашему предмету, во второй

4. Monumenta Germaniae historica, Script. t. XX и отдѣльно: in usum scholarum Herbordi Dialogus de Vita Ottonis. Han. 1868.

5. Въ V. т. его изданія: Bibliotheca rerum Germanicarum. 1869. B. p. 580—841. и отдѣльно: Ebonis Vita Ottonis B. 1868 и Herbordi Dialogus de Ottone episcopo Bambergensi, Ber. 1868.

6. Онѣ указаны Клемпиномъ: Die Biographien des B. Otto. 1. ст. p. 117—122. и Кёпке: Monum. Germ. histor. t. XII. Scr. p. 742—2.

мы замѣчаемъ три различныхъ источника: разсказъ о прошлой миссіонерской дѣятельности въ странѣ Поморянъ, о поводахъ, побудившихъ Оттона къ путешествію и приготовленіи къ нему [с. 1, 2 и полов. 3-ей]—принадлежитъ священнику Удальрику[7]; все описаніе перваго путешествія идетъ, по всей вѣроятности, отъ самихъ спутниковъ Оттона; наконецъ, 12-я глава книги заключаетъ въ себѣ отдѣльное посланіе Оттона къ папѣ Каликсту II. Вся третья книга, за вычетомъ б. м. незначительнаго заключенія [cap. 24—26], списана съ показаній того же Удальрика[8]. Такъ какъ историческая цѣнность произведенія Эбона стоитъ въ прямой зависимости отъ степени достовѣрности его источниковъ, то мы обязаны внимательно осмотрѣть послѣдніе. Удальрикъ, священникъ основанной Оттономъ церкви св. Эгидія, находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ своимъ епископомъ, былъ ему „familiarissimus“ [III, 18]; когда Оттонъ задумалъ итти къ Поморянамъ, онъ прежде прочихъ избралъ себѣ въ товарищи Удальрика и его перваго призвалъ для обсужденія предпріятія [II, 3]. Внезапная болѣзнь помѣшала ему, однако, принять непосредственное участіе въ первомъ путешествіи Оттона, зато во второмъ—онъ является прямымъ сподвижникомъ поморянскаго апостола и раздѣляетъ всѣ труды его. Такимъ образомъ, показанія Удальрика, какъ лица близкаго къ Оттону и непосредственнаго очевидца всего происходившаго и встрѣчавшагося во время втораго его путешествія, не могутъ не внушать довѣрія, тѣмъ болѣе, что онъ былъ наблюдатель хорошо образованный и правдиваго характера[9]. Извѣстія Удальрика, сколько можно судить по пересказу ихъ у Эбона, сосредоточивались главнымъ образомъ на личности Оттона, дѣлахъ его и событіяхъ, непосредственно къ нему относившихся. Отдавшись интересамъ своего патрона, Удальрикъ какъ будто сдерживаетъ свои побочныя воспоминанія, онъ рѣдко вдается въ нихъ и еще рѣже медлитъ на ихъ подробностяхъ, онъ замѣчаетъ и указываетъ только необыкновенное и потому такъ часто минуетъ важное, хотя и обыкновенное. Отсюда—нѣкоторая нагота или сжатость разсказа его, переходящая иногда въ темноту. Вообще, жизнеописатель въ Удальрикѣ значительно перевѣшиваетъ

7. „Huius apostolatus que fuerit occasio, scire uolentibus aperiam, sicut ex ore serui Dei Vdalrici.. audiui.“ L. II, c. 1. cfr. praef.

8. „de secundo eius [sc. Ottonis] apostolatu in Pomerania, sicut fidelis cooperator ipsius Vdalricus presbyter Sti Egidii michi innotuit, scripto tradere curaui“.. III, 1.

9. Свѣдѣнія объ Удальрикѣ собраны у Клемпина l. c. p. 126—137; cf. Jaffé: Ebonis Vita Ottonis, B, 1869, Prooem, p. 4.

наблюдателя—путешественника, но при всемъ томъ показанія его имѣютъ для насъ очень важное значеніе: они отмѣчены чертами такой внутренней правды, которая исключаетъ всякую мысль о нарочномъ искаженіи или подкраскѣ существовавшаго; что передаетъ онъ, то было дѣйствительно прямымъ плодомъ его опыта; образованность даетъ ему правильную мѣру оцѣнки явленій и порядковъ чуждаго быта, и если иногда онъ слишкомъ довѣряетъ слуху, или позволяетъ себѣ личныя объясненія, то дѣлаетъ это совѣстливо и тѣмъ даетъ средства отличить дѣйствительные факты отъ случайныхъ толкованій ихъ или нетвердаго слуха. Не то слѣдуетъ сказать объ отдѣлѣ Эбонова труда, въ которомъ излагаются ходъ и обстоятельства перваго путешествія Оттона. Отъ кого бы жизнеописатель ни получилъ эти свѣдѣнія: списалъ ли онъ ихъ съ разсказа одного какого нибудь спутника Оттона, собралъ ли изъ разныхъ источниковъ[10], во всякомъ случаѣ, этотъ свидѣтель—былъ темнымъ свидѣтелемъ, эти источники—были источники мутные. Кромѣ ошибокъ и неточностей въ передачѣ происшествій, разсказъ носитъ на себѣ такіе признаки поблекшаго, ослабѣлаго воспоминанія, которые прямо указываютъ, что свидѣтель не принадлежалъ къ числу точныхъ, образованныхъ наблюдателей: кругъ его умственныхъ интересовъ—узокъ, онъ не дорожитъ дѣйствительностью и ея подробностями, онъ ищетъ только чудесъ и любитъ разсказывать о нихъ съ особенною обстоятельностью, такъ что, устранивъ изъ этой части біографіи чудесное, историкъ получитъ сухой, безсвязный и очень неточный разсказъ о первомъ путешествіи Оттона. Есть, правда, и здѣсь кое-какія черты, которыми долженъ воспользоваться изслѣдователь славянской древности, есть цѣлый случайный разсказъ [с. 13], важный для него по своимъ подробностямъ, но первыя должны быть предварительно провѣрены по другимъ источникамъ, послѣдній же—единственное мѣсто во всей второй книгѣ, гдѣ обнаруживается голосъ прямаго дѣйствователя. Что касается до письменнаго акта или посланія Оттона, внесеннаго Эбономъ въ XII-тую главу книги, то подлинность его не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, но содержаніе—требуетъ критики. Оттонъ даетъ Папѣ отчетъ о

10. Кромѣ Северина, о которомъ говорится ниже, въ первомъ путешествіи принимали участіе: Верингеръ, священникъ изъ Эренбаха [Ebo: II, 3], Германъ „barbare locutionis sciolus sensuque et ingenio satis acutus" [Eb. II, 13], священникъ Гильтанъ [Herb. II, 24], клерикъ Симонъ [ib. II, 28], переводчикъ Адальбертъ [Ebo: II, 3], три польскихъ священника и сотскій Павлицкій [ib. II, 9]. Какъ видно изъ разсказа у Оттона были еще и другіе спутники, но они не названы.

результатахъ своей миссіи и представляетъ перечень своихъ наставленій Поморянамъ и Лютичамъ, между прочимъ—онъ запрещаетъ имъ и исполненіе нѣкоторыхъ языческихъ обычаевъ. Можно подумать, что такія запрещенія указываютъ на факты славянскаго язычества, ибо запрещать всего ближе то, что практически существуетъ въ самой жизни; но это мнѣніе—будетъ поспѣшно. Дѣйствительно, въ актѣ есть нѣсколько прямыхъ указаній на славянскіе языческіе обычаи, но есть и общія запрещенія, цѣликомъ взятыя изъ апостольскихъ и церковныхъ постановленій[11] и только примѣненныя или обращенныя къ Славянамъ въ силу общаго среднимъ вѣкамъ понятія о томъ, что явленія язычества—вездѣ одни и тѣже, т. е. вездѣ исходятъ отъ духа злобы. Возвратимся къ Эбону. Естественно—представляется вопросъ, какъ воспользовался біографъ своими источниками: передалъ ли онъ ихъ въ томъ самомъ видѣ, какъ получилъ, или измѣнилъ ихъ сообразно какимъ нибудь своимъ особеннымъ взглядамъ и видамъ. Этотъ вопросъ разрѣшается только приблизительно. Эбонъ былъ человѣкъ до извѣстной степени образованный: онъ хорошо знаетъ священное писаніе, знакомъ также и съ классическими писателями, но общій уровень его воззрѣній на міръ и исторію не возвышается надъ монастырскими понятіями того времени, его интересы—интересы анахорета, его умъ наклоненъ къ сверхъестественнымъ объясненіямъ, его поэтическая фантазія легко отдается чудесному и предпочитаетъ его мелкой дѣйствительности; но въ тоже время Эбонъ—человѣкъ правдивый, любящій истину и далекій отъ всякаго умышленнаго обмана, хотя бы это былъ даже „fraus pia". Потому если позволительно, и даже должно—думать, что подъ его благочестивымъ перомъ нѣкоторыя извѣстія источниковъ могли сократиться, ослабѣть въ своихъ краскахъ и принять чуждое имъ освѣщеніе, то положительно слѣдуетъ отвергнуть мысль о какомъ нибудь намѣренномъ съ его стороны искаженіи этихъ извѣстій. Природа Эбона была слишкомъ проста для такаго поступка.

2. Гербордъ. Если Эбонъ при описаніи жизни Оттона еще могъ располагать нѣкоторымъ запасомъ личнаго наблюденія и опыта, то Гербордъ въ этомъ дѣлѣ былъ уже вполнѣ предоставленъ руководству стороннихъ свидѣтелей: онъ былъ чужестранецъ и вступилъ въ монастырь св. Михаила шесть лѣтъ спустя по смерти Оттона[12]. Какія причины побудили его взяться за трудъ новаго жиз-

11. Срав. слѣдующее изъ епистолы Оттона: „[interdixit] ne quid inmundum comedant, non morticinum, non suffocatum, neque ydolotitum, neque sanguinem animalium," съ текстомъ „Actorum" XV, 20 et c. 29.

12. ...„ego aduena sum apud nos et peregrinus; ante annos tantum bisenos et

неописанія Оттона, объ этомъ онъ не говоритъ, но можно полагать, что произведеніэ Эбона неудовлетворяло его: онъ нашелъ непосредственнаго свидѣтеля и участника первой миссіи, который разсказывалъ ему о ходѣ событій несравненно обстоятельнѣе Эбонова источника; онъ недоволенъ былъ и простыми монашескими воззрѣніями Эбона и его литературными пріемами, и потому, кажется, рѣшился представить новое изображеніе подвиговъ лица, составлявшаго предметъ религіознаго почтенія и гордости бамбергскаго духовенства. Своему произведенію Гербордъ далъ форму Діалога между Тимономъ, пріоромъ монастыря св. Михаила и Сефридомъ, пресвитеромъ—монахомъ той же обители, первый разсказываетъ о домашнихъ событіяхъ, второй—о путешествіи и дѣятельности Оттона у Поморянъ, а также и обо всемъ, сюда относящемся. Подобно произведенію Эбона и Гербордовъ Діалогъ раздѣленъ на три книги: во второй также излагаются событія перваго путешествія Оттона, въ третьей, до XXXII главы, идетъ разсказъ о второмъ путешествіи, первая книга содержитъ обзоръ церковной, монастырской и политической дѣятельности бамбергскаго епископа въ разные періоды его жизни; наконецъ, заключительныя главы третьей книги, страннымъ образомъ, посвящены описанію рожденія, воспитанія и жизни Оттона до вступленія его на епископскую каѳедру. Источники Гербордова Діалога указаны имъ самимъ: прежде другихъ—это Тимонъ и Сефридъ, оба лица дѣйствительныя. Конечно, нельзя думать, что они передавали событія и вели бесѣду тѣми самими словами, какія имъ усвоены у Герборда; этого нельзя допустить уже и потому, что значительная доля разсказа о второмъ путешествіи, какъ увидимъ, заимствована изъ письменнаго, сторонняго источника, но нельзя также отвергать, что Тимонъ и Сефридъ избраны въ дѣйствующія лица Діалога не случайно, а по своему непосредственному участію въ предметѣ рѣчи, потому именно, что біографъ былъ имъ одолженъ важнѣйшими свѣдѣніями. Это естественное предположеніе вполнѣ оправдывается и со стороны личности Тимона и Сефрида, и со стороны самаго Гербор-

unum Dei et uestra misericordia in consorcium uestre fraternitatis adoptatus... Ipsum [sc. Ottonem] autem in carne non uidi; eo quod ante hoc tredecennium introitus mei ad uos sex ille annos iam habebat in tumulo", lib. I, Prooem. Этими показаніями опредѣляется время написанія Діалога: Оттонъ скончался въ 1139 г.. Гербордъ вступилъ въ монастырь шесть лѣтъ спустя. слѣд.— въ 1145. тринадцать лѣтъ спустя онъ началъ писать Діалогъ. слѣдов. въ 1158 г. но онъ окончилъ его позднѣе, чрезъ годъ: ибо въ III кн. гл. 5 онъ упоминаетъ объ Удальрикѣ, какъ о покойникѣ, а послѣдній скончался 23 Марта 1159. Jaffé: Ebonis Vita etc. p. 4. Prooem.

дова разсказа. Тимонъ былъ воспитанникъ Оттона[13] и пять лѣтъ находился у него въ услуженіи, съ тѣхъ поръ до самой своей смерти [† 1162] онъ не оставлялъ монастыря и, всегда будучи близокъ къ епископу, долженъ былъ быть хорошо знакомъ и съ его монастырской дѣятельностью и съ обыкновеніями его частной жизни. Согласно съ этимъ и всѣ разсказы Тимона въ Діалогѣ касаются или монастырской и домашней стороны жизни Оттона, или вообще его характера. Иное находимъ мы у Сефрида: какъ человѣкъ, проживній пятнадцать лѣтъ вмѣстѣ съ епископомъ [14], онъ также хорошо зналъ обстоятельства его частной дѣятельности и жизни, но для него дороже были другія воспоминанія [15]. Когда Оттонъ снаряжался въ первое путешествіе къ Поморянамъ, онъ просилъ Удальрика избрать ему вѣрнаго и способнаго къ дѣлу слугу. Тотъ указалъ на Сефрида клерика, который съ высокими умственными качествами соединялъ важное по тому времени искусство писать [16]. Оттонъ одобрилъ этотъ выборъ: и хотя Удальрикъ принужденъ былъ за болѣзнью остаться дома, но Сефридъ отправился съ Оттономъ и раздѣлилъ всѣ труды, опасности и утѣхи труднаго предпріятія [17]. Воспоминанія Сефрида объ этомъ первомъ путешествіи составляютъ содержаніе второй книги Гербордова Діалога: здѣсь на каждомъ

13. „iste est, quem aiunt ipsius [sc. Ottonis] mimulum fuisse quinquennem; habuit dominus super eum oculos bonos, eo quod illustri esset parentela et ab ipsis cunabulis ad monasterium translatus“. Herb. I. Prooem.

14. ... „quid te [sc. Sefr.] illius [Ottonis] operum morumue lateret, qui annos ferme quindecim nunquam ab eius contubernio abstitisti“. Herb. I, Pr.

15. ... „que hoc spatio gessit, tu, ut cooperator omnium, oculis presentibus aspiciebas; que uero ante adoptionem tui — presulatu in ipso uel etiam ante presulatum — gesserit, tam ipsius, quam aliorum haut dubio relatu conperta retines uniuersa“. ib.

16. „Est inquit [Vdalricus] adolescens officio clericus nomine Sefridus, ingenio acutus, strenuus et fidelis; qui etiam cartis in itinere, cum necesse est, scribendis promtus et impiger erit. Hunc, meo iudicio, idoneum huic peregrinationi, tue pater dilectioni offero. Quod pius Otto gratanter suscipiens: „recte, ait, iudicasti. Hic deinceps precipuum inter familiares meos, te suggerente, locum obtinebit“. Ebo, II, c. 3. Есть основаніе думать, что Сефридъ до вступленія своего въ монастырь воспитывался при дворѣ Гейнриха IV; въ этомъ смыслѣ, кажется, слѣдуетъ понимать слова Герборда: „ille [sc. Sefridus], quid in peregrinis et barbaris nacionibus egerit episcopus, quia horum conscius est magis, et quomodo apud principem in curia degerit, uel qua oportunitate in curiam uenerit et inde ad pontificatus dignitatem homo curialis et in curia enutritus, aptius explanabit“. I, Prooem. Сравни Klempin, l. c. p. 184 sq.

17. „Sefridum tamen, bone indolis adolescentem, pro amore pii nutritoris Vdalrici in comitatu suo admittens, intime dilectionis uisceribus et tunc et deinceps eum fouere non desiit“. Ebo, II, 3

шагу видѣнъ образованный очевидецъ событій, обстоятельный наблюдатель и вѣрный свидѣтель. Нѣкоторыя происшествія переданы такъ живо и съ такими правдивыми подробностями, что кажется, будто бы Сефридъ записывалъ ихъ по горячему слѣду: образованная любознательность его не довольствуется внѣшнимъ наблюденіемъ явленій диковинныхъ, бросающихся въ глаза, она умѣетъ отыскать и замѣтить и простыя, но важныя черты; умѣетъ схватить самую сущность ихъ. Понятно, какъ дороги для насъ должны быть его показанія! Можно полагать, что Сефридъ принималъ участіе и во второмъ Оттоновомъ путешествіи, но въ описаніи происшествій его Гербордъ принялъ въ главные руководители другаго свидѣтеля: онъ заимствовалъ изъ книги Эбона важнѣйшія показанія Удальрика, о которыхъ было говорено выше. Не желая, б. м., подвергнуться упреку въ заимствованіи, а иногда и вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ предметомъ, Гербордъ не рѣдко передаетъ въ неточномъ видѣ извѣстія своего источника, но взамѣнъ того онъ разсказываетъ о нѣкоторыхъ происшествіяхъ независимо и обстоятельнѣе Эбона и нерѣдко пополняетъ его новыми данными, которыя, быть можетъ, идутъ отъ Сефрида и отличаются свойственною ему правдивостью[18]. Отсюда видно, что хотя III книга Діалога и не имѣетъ той высокой цѣны, какъ II-ая, но все же заключаетъ въ себѣ такія извѣстія, которымъ никакъ нельзя отказать въ важности. Гербордъ былъ далеко образованнѣе Эбона: съ обширною начитанностію въ классикахъ онъ соединялъ богословскую ученость, кромѣ того, обладалъ критическимъ умомъ, который не удовлетворяется простымъ фактомъ, но ищетъ причинъ его. Какъ историкъ, онъ стоитъ гораздо выше Эбона, и нѣтъ причинъ думать, чтобы онъ много стоялъ ниже своего предшественника въ желаніи точно передать извѣстія источниковъ и въ стремленіи къ правдивости. Правда, какъ мы замѣчали, онъ искажаетъ нѣкоторыя извѣстія Удальрика, но, кажется, не съ намѣреніемъ исказить самый фактъ, а по особой, въ средніе вѣка нерѣдкой, причинѣ: какъ образованный литераторъ, онъ стремится сообщить своему разсказу изящную литературную форму: простыя показанія своихъ источниковъ онъ распространяетъ въ картины, оживляетъ ихъ драматическими положеніями дѣйствующихъ лицъ и психологическимъ анализомъ поступковъ и побужденій ихъ. Словомъ, онъ хочетъ предложить не только назидательное, но и занимательное чтеніе. Этимъ стремленіемъ къ изящной литературной формѣ

18. Отличія въ разсказѣ Герборда отъ Эбона, а также и самостоятельныя дополненія перваго указаны будутъ ниже; въ изданіи Кэпке—на поляхъ, у Яффе же—въ выноскахъ отмѣчено все, что Гербордъ заимствовалъ у Эбона.

должно, по нашему мнѣнію, объяснить и тѣ длинныя ораторскія рѣчи, которыя Гербордъ нерѣдко влагаетъ въ уста дѣйствующихъ лицъ: здѣсь видѣнъ только ложный историческій пріемъ, а не намѣренное искаженіе дѣйствительности. Понятно, что при такомъ способѣ передачи извѣстій источниковъ, при отсутствіи личнаго знакомства автора съ дѣломъ, историческія ошибки и оступи были неизбѣжны: и ихъ у Герборда—довольно[19], но отъ ошибокъ до умышленнаго искаженія фактовъ еще далеко, а тѣмъ болѣе такихъ фактовъ, которые принадлежатъ совершенно чуждому міру и не возбуждаютъ никакаго желанія нарушить ихъ истину. Не замѣчая, чтобы Гербордъ завѣдомо и съ намѣреніемъ искажалъ показанія своихъ источниковъ, мы не имѣемъ права отказать ему въ довѣріи, но не можемъ, въ то же время, и положиться на него безусловно: критика здѣсь необходима, она должна быть разборчива, но не имѣетъ нужды быть подозрительной.

Изъ нашего разсмотрѣнія произведеній Эбона и Герборда открывается, что они другъ друга взаимно пополняютъ. Обстоятельства перваго путешествія Оттона переданы у Герборда подробно и со свею обстоятельностью очевидца и внимательнаго наблюдателя, у Эбона же разсказъ о нихъ неточенъ, наблюденія поверхностны и, за немногими исключеніями, очень кратки; наоборотъ — второе путешествіе, его происшествія и обстоятельства изложены у Эбона съ основательностью непосредственнаго свидѣтеля, у Герборда же они въ главномъ пересказываются со словъ послѣдняго и притомъ не всегда точно. Большаго вниманія заслуживаютъ дополненія къ нимъ Герборда, идущія быть можетъ, отъ Сефрида. Итакъ, во всемъ, что касается первой миссіи — предпочтеніе должно быть отдано Герборду, касательно же второй — Эбону; тѣмъ не менѣе не могутъ быть оставлены безъ вниманія и извѣстія Эбона о первомъ путешествіи и оригинальныя прибавленія Герборда ко второму: при всей краткости и кажущейся незначительности ихъ, они, какъ свидѣтельства очевидцевъ, хотя бы глухія и неотчетливыя, не только представляютъ важное объяснительное пособіе, но, по отчетливой критической провѣркѣ ихъ другими извѣстіями, получаютъ и самостоятельное значеніе.

3. Прифлингенскій монахъ. Вслѣдъ за Гербордовымъ

19. Нѣкоторыя изъ нихъ указаны Яффе въ его изданіи, pag. 10 sq; но намъ кажется, что пок. талантливый историкъ слишкомъ несправедливъ къ Герборду, причисляя его трудъ къ отдѣлу лживыхъ источниковъ p. 15; гораздо вѣрнѣе и безпристрастнѣе оцѣнили его Кэпке: p. XIII отд. изд. и 740 въ Monum. Germ. hist. t. XII и Клемпинъ: Die Biographien etc., 1. cit, p. 121 sq.

Діалогомъ появилось вскорѣ и третье жизнеописаніе Оттона, судя по всѣмъ признакамъ — составленное какимъ нибудь монахомъ прифлингенскаго монастыря [20]. Произведеніе это имѣетъ незначительную историческую цѣнность: большую часть своихъ извѣстій авторъ заимствовалъ изъ Эбона и Герборда, то буквально списывая ихъ свидѣтельства, то передавая ихъ въ сокращеніи [21]. Въ описаніи нѣкоторыхъ обстоятельствъ онъ, однако, отступаетъ отъ этихъ источниковъ и, кромѣ того, иногда приводитъ такіе факты, которые вовсе неизвѣстны ни Эбону, ни Герборду. По собственнымъ словамъ прифлингенскаго біографа — онъ получилъ эти свѣдѣнія отъ извѣстныхъ духовныхъ лицъ [22], но кто были они — остается неизвѣстнымъ. Всего ближе думать, что они не были изъ числа настоящихъ свидѣтелей, а принадлежали къ посторонним почитателямъ Оттона, которыхъ въ то время было не мало, особенно въ бамбергской епархіи. Имъ извѣстно было о дѣлахъ и подвигахъ поморянскаго апостола очень многое; даже болѣе, чѣмъ было въ дѣйствительности, потому что главнымъ источникомъ ихъ свѣдѣній служило устное сказаніе. Разсказы о чудесныхъ приключеніяхъ бамбергскихъ миссіонеровъ въ отдаленной странѣ язычниковъ распространялись быстро въ средѣ монаховъ и духовенства; переходя изъ устъ въ уста, они, естественно, не могли сохранить своего первоначальнаго вида и облекались поэзіей; мало того — рождались новыя легенды, далекія и отъ дѣйствительности и даже отъ правдоподобія. Такъ сложился цѣлый рядъ монастырско-поэтическихъ сказаній объ Оттонѣ [23]; и эти то устныя легенды послужили источникомъ всѣхъ оригинальныхъ извѣстій прифлингенскаго біографа, покрайней мѣрѣ — они имѣютъ рѣшительно сказочный, поэтическій, но никакъ не историческій характеръ. Что касается до разногласій біографа съ Эбономъ и Гербордомъ, то имъ нельзя придавать особенно важнаго значенія: они объясняются отсутствіемъ историческаго смысла и основательнаго знакомства съ

20. Klempin: Die Biographien, etc. l. c. p. 208 sq. Произведеніе написано между 1160 и 1163 гг., оно впервые напечатано по рецензіи Эндлихера въ „Vierter Jahresbericht der Gesellschaft für pommersche Geschichte und Alterthumskunde.“ Stet. 1830, p. 122—172, потомъ повторено Кэпке въ Monumenta Germaniae historica, Scr. XII, H. 1856, pag. 883—903.

21. Klempin: Die Biographien, etc. loc. cit. p. 212 sq; Köpke: Monum. XII, p. 744, not. 70—2.

22. ...„ne quis aestimet fabulosa, quae scribimus, ea tantum, quae uel ipsi pro certo cognouimus, uel quae a notis religiosisque personis nobis comperta narramus“. Prol.

23. Klempin: Die Biographien, etc. l. c. p. 238—9.

предметомъ; чувство уваженія къ исторической истинѣ и стремленіе слѣдовать ей — совершенно незнакомы прифлингенскому монаху: онъ знаетъ только требованія разсказа и имъ однимъ хочетъ удовлетворить, передавая особенно видное, извѣстное и поучительное изъ жизни Оттона; потому его перо свободно распоряжается сторонними показаніями и легко отдаетъ предпочтеніе какому нибудь глухому легендарному разсказу предъ ясными свидѣтельствами письменныхъ источниковъ.

По всему этому — произведеніе прифлингенскаго монаха не имѣетъ для насъ значенія источника въ собственномъ смыслѣ: самостоятельная часть его основывается на слишкомъ зыбкой почвѣ устныхъ преданій и лишена исторической достовѣрности. Но и устная молва можетъ заключать въ себѣ извѣстную долю истины, особенно, когда она идетъ вслѣдъ за самими событіями; отвергнуть вполнѣ ее нельзя; потому изслѣдователь, кажется, въ правѣ допустить показанія прифлингенской біографіи въ качествѣ второстепеннаго, дополнительнаго пособія; во всякомъ случаѣ — онъ обязанъ отмѣтить особенно важныя правдоподобныя черты столь древняго памятника, хотя бы и приходилось оставить истину ихъ подъ сомнѣніемъ.

Переходя къ извлеченію славянскаго матерьяла изъ этихъ трехъ или вѣрнѣе—двухъ важныхъ историческихъ памятниковъ, считаемъ необходимымъ напередъ точно опредѣлить внѣшніе пріемы такой работы.

Славянская часть „Жизнеописаній“ Оттона передается нами вполнѣ, въ сводномъ изложеніи: русскій текстъ представляетъ связное историческое обозрѣніе поморскаго путешествія и проповѣди бамбергской миссіи, а помѣщаемыя въ выноскахъ обширныя извлеченія изъ латинскихъ подлинниковъ заключаютъ въ себѣ всѣ, хотя чѣмъ нибудь замѣчательные, факты славянскаго быта и древностей: это — полное, упорядоченное собраніе матерьяла. Хотя главною цѣлью нашей были сводъ и передача фактовъ, но и здѣсь мы по возможности старались удовлетворить требованіямъ критики, и потому устранили изъ изложенія всѣ очевидныя гагіографическія преувеличенія, всѣ раскрасы и литературныя распространенія, принадлежащія не исторической дѣйствительности, а личнымъ воззрѣніямъ и литературнымъ пріемамъ біографовъ; когда же среди этой, вообще исторически непригодной, реторики монашескаго піэтизма и псевдоклассическаго авторства — не нарокомъ мелькаетъ хоть малѣйшій намекъ на славянскую

жизнь и ея порядки, онъ отмѣчается какъ въ пересказѣ, такъ и въ латинскихъ извлеченіяхъ. Если тексты біографовъ сильно отклоняются другъ отъ друга, мы сводимъ ихъ въ русскомъ изложеніи, или слѣдуемъ одному, болѣе обстоятельному и достовѣрному, а въ выноскахъ сопоставляемъ оба подлинника цѣликомъ; если же отличія въ текстахъ незначительны по объему, но могутъ имѣть для насъ какой нибудь интересъ или значеніе, избираемъ одинъ главный текстъ и въ скобкахъ приводимъ всѣ существенныя отклоненія другаго. Событія и обстоятельства, которыя не заключаютъ въ себѣ прямой для насъ важности и не относятся къ области славянскаго быта, передаются сокращенно только въ русскомъ пересказѣ. Относительно послѣдняго считаемъ долгомъ замѣтить, что, несмотря на всѣ усилія наши удержаться въ границахъ точнаго историческаго изложенія, самая задача труда полагала иногда непобѣдимыя къ тому затрудненія: стремясь къ строгой исторической достовѣрности, слѣдовало устранить многія частныя черты источниковъ, сомнительныя или недостовѣрныя въ примѣненіи къ извѣстнымъ событіямъ, но полныя внутренней, бытовой правды и драгоцѣнныя для археолога. Не отвергнувъ произвольно многаго важнаго, мы не могли поэтому—изложить исторію поморской дѣятельности Оттона и довольствуемся передачей событій и обстоятельствъ ея на основаніи прямыхъ источниковъ. Только тамъ, гдѣ видѣлась возможность ненарушить бытовой правды фактовъ, требованія исторической критики имѣли для насъ всю обязательную силу свою.

Нѣкоторыя разнорѣчивыя показанія источниковъ имѣли нужду въ объясненіяхъ, и такъ какъ внесеніе послѣднихъ въ русскій пересказъ нарушило бы связную послѣдовательность его, то мы отвели имъ мѣсто въ выноскахъ.

До миссіи.

Призваніе языческихъ народовъ въ христіанское общество, распространеніе между ними истинной религіи и христіанскихъ обычаевъ — составляло духовную и политическую потребность времени. Среди заботъ о водвореніи общественной безопасности и мирной жизни, среди тяжелыхъ думъ о предстоящей кончинѣ міра и дня Страшнаго Судилища — идея христіанской миссіи получила дѣятельное, воодушевляющее значеніе: въ исполненіи ея воины и политики видѣли свой прямой долгъ и вѣрное средство укротить „неистовство" язычниковъ, а благочестивые люди — вѣрили найти исполненіе заповѣди Спасителя [Ев. Марка XIII, 10] и искупленіе грѣховъ.

На Сѣверѣ Европы миссія пріобрѣтала тѣмъ большее значеніе, что подъ ея покровомъ шло исполненіе политическихъ разсчетовъ и предпріятій: религіозныя цѣли тк. скз. освящали практическія стремленія. Вотъ почему, въ эту новую обѣтованную землю стремились не только скромные подвижники съ знаменьемъ мира и любви, но и цѣлыя полчища крестоноснаго воинства, огнемъ и мечомъ распространявшаго духовную свободу и политическое порабощеніе. Войны Саксовъ, Даніи и Польши съ балтійскими язычниками имѣютъ столько же политическій, сколько и крестовый характеръ: онѣ предпринимаются подъ знаменіемъ христіанства и въ первое условіе пощады и мира ставятъ побѣжденнымъ трибутъ и принятіе новой религіи. Правда, нерѣдко христіанская идея совершенно заслонялась корыстными побужденіями и становилась однимъ лишь благовиднымъ оффиціальнымъ предлогомъ: но для лучшихъ людей эпохи она всегда сохраняла живое значеніе нравственнаго долга и вызывала къ дѣятельности, достойной добраго признанія исторіи.

Къ числу такихъ людей принадлежали князь польскій Болеславъ III, Кривоустый [1102—1139] и епископъ бамбергскій Оттонъ I.

Правленіе Болеслава было рядомъ продолжительныхъ и жестокихъ войнъ и съ внѣшними врагами и съ внутренними нарушителями государственнаго порядка. Съ одной стороны на Польшу нападали Чехи, Мораване, Угры; съ другой — дикій и жестокій народъ Русскихъ, которые, заручившись помощью Половцовъ, Пруссовъ и Поморянъ — очень долго сопротивлялись польскому оружію, но послѣ многихъ понесенныхъ пораженій — принуждены были, вмѣстѣ съ своимъ княземъ [Святополкомъ], просить мира. Миръ былъ скрѣпленъ бракомъ Болеслава съ дочерью русскаго князя [Сбыславою?]; но — не на долго: чрезъ нѣсколько лѣтъ умерла русская княгиня, оставивъ Болеславу одного только сына [Владислава]; а за этимъ возобновились вскорѣ и непріязненныя отношенія между тестемъ и зятемъ [24].

Въ совѣтѣ Болеслава сидѣлъ воевода Петръ [Властъ], человѣкъ очень остраго ума, сильный и храбрый. Видя большія затрудненія укротить Русскихъ оружіемъ, онъ совѣтовалъ употребить хитрость и предложилъ свои услуги на такое дѣло. Взявъ тридцать сильныхъ воиновъ, онъ перебѣжалъ къ русскому князю [Володарю галичьскому], притворился — будто бы недоволенъ Болеславомъ и умѣлъ пріобрѣсти расположеніе князя, который сблизился съ нимъ и часто поручалъ ему исполненіе дѣлъ. Однажды русскій князь былъ на охотѣ и, увлекшись, отдалился отъ своихъ; его окружали только Петръ съ своими польскими товарищами. Воспользовавшись такимъ удобнымъ случаемъ, Петръ захватилъ силою русскаго князя и представилъ Болеславу, который вскорѣ взялъ за его освобожденіе такую огромную сумму денегъ и такія богатства, что обезсиленная и доведенная до нищеты Русь — смирилась и уже болѣе

24. „Erant, cum quibus diuisim diuersis temporibus certamen [Bolezlaus] habebat, e parte una Polonie: Bohemi, Moraui, Vngari; ex alia: Rutheni, gens crudelis et aspera; qui, Flauorum, Pruscorum et Pomeranorum freti auxiliis, acrius diutiusque illi resisterunt. Sed frustra; quia, tandem superati ab eo et contriti, post multas clades pacem ab eo postulare cum rege suo decreuerunt". Herb. II, 3. „Rex et omnes principes Ruthenorum, sine amicitia et pace ducis non se quietos fore perpendentes, uiam inueniende mutue pacis et gratie: illius prudentie ac fidei commitendam presumpserunt. Ille uero—hanc honestissimam ratus uiam statuende atque firmande pacis—filiam ipsius regis petiuit et accepit uxorem... Colebant ergo se mutuis beneficiis socer et gener... Verum ea perfunctoria et breuis erat tranquillitas. Nam post annos paucos Ruthenissa uxor Bolezlai moritur, unum tantum ei filium relinquens; unde quasi rupto uinculo, quo tota inter generum et socerum constabat amicicia, dudum consopita bella paulatim recrudescunt". Herb. II, 4.

не тревожила Поляковъ войнами. Въ условіяхъ мирнаго договора, который былъ заключенъ Болеславомъ съ русскимъ княземъ и лучшими людьми земли, стояло обязательство неподавать помощи Поморянамъ [Herb. II, 3—4][25]. Это племя „языческое, ненавистное и необузданное“ дѣлало безпрерывно набѣги на польскія земли. Стремясь доставить миръ государству и обезопасить его предѣлы, Болеславъ рѣшился или совершенно искоренить безпокойное племя, или мечомъ привести его къ истинѣ Христіянства и покою. Достигнуть этого было не легко: Поморяне имѣли на окраинахъ своей земли многіе, природой и искусствомъ укрѣпленные, города и крѣпости; при грозившей опасности они сносили сюда свое имущество и были готовы къ вооруженному отпору. Не смотря, однако, на сильное сопротивленіе — поморскіе походы Болеслава были удачны и вели за собою, какъ выражается Саксонъ Грамматикъ [p. 629] „бремя невыносимаго опустошенія“. Въ особенности славны были взятія городовъ Штетины и Наклы. Штетина, метрополія всего Поморья, со всѣхъ сторонъ окруженная водою и болотами—казалась неприступною; Болеславъ въ зимнее время 1121 г., не безъ

25. „Bolezlaus, feritate gentis permotus, cum suis consilium habuit, quonam modo rediuiua mala hec propulsare potuisset. Habebat autem Petrum quendam milicie ductorem, uirum acris ingenii et fortem robore, de quo dubium, utrum in armis an in consiliis maior fuerit, qui erat prefectus a duce super uiros bellatores. Hic ascitus consilio: „si suis tantum—inquit—Rutheni uiribus dimicarent, illos a nobis conteri difficile non esset. Sed habent Flauos, habent Pruscos; habent eciam Pomeranos, gentem ydolatram inuisam ac nimis indomitam. Quos omnes simul in arma prouocare quam durum sit, inexperti non sumus; quamuis ante de his triumphos habuerimus. Quocirca meo animo consilium incidit: Ruthenos arte melius superari. Et ne quis impossibile hoc estimet, ecce uadam ad illos, et incruentam nobis de tirano uictoriam reportabo“... Assumptisque uiris quasi triginta robustissimis, ficta necessitate Petrus ad regem transfugit Ruthenorum; eumque, arte sermonis circumuentum quod male de duce sentiret, estimare fecit... cum die quadam fictus transfuga ipsiusque socii cum rege in saltu uemorum uenandi gratia uagarentur, rex, nichil mali suspicatus, occasione ferarum longius a menibus abscesserat, elongatisque aliis, Petrus cum suis circa illum remanserat. Qua fretus oportunitate, capto rege, incruentam, ut pollicitus erat, de Ruthenis uictoriam domino suo duci reportauit. Mirumque dictu, effera gens illa hoc facto ita edomita est, ut nunquam postea uiuente duce nec quidem de bello cogitarent. Nam pro ereptione sui tirannus, quicquid maiorum suorum studio ac solercia in thesauris collectum habere poterat, dare coactus est, aurum argentum et queque preciosa in uasis et uestibus et uariis opum speciebus quadrigis et camelis in Poloniam apportantibus; ita ut Ruthenia tota insolita paupertate contabesceret. Deinde, ubi federa mansure pacis iureiurando tam rex quam optimates Ruthenorum solidauerant, eciam hoc polliceri fide firmissima rogati sunt, ne Pomeranis ultra forent auxilio“. Herb. II, 4.

опасности, провелъ свои войска по льду и безпрепятственно занялъ городъ. Укрѣпленную и сильную Наклу онъ взялъ приступомъ и предалъ огню, а окрестныя мѣстности такъ опустошилъ огнемъ и мечемъ, что, три года спустя, туземцы показывали спутникамъ Оттона въ разныхъ мѣстахъ—развалины, пожарища и груды труповъ, какъ будто пораженіе случилось недавно. Разсказывали, что Болеславъ предалъ смерти 18 тыс. воиновъ, а 8 тыс. съ женами и дѣтьми увелъ плѣнными въ свою землю и разселилъ по граничнымъ городамъ и крѣпостямъ, поручивъ имъ защиту государства противъ внѣшнихъ враговъ и наказавъ обратиться въ Христіанство[26].

26. Pomeraniam insultibus crebris concutere, uastare ac populari cepit [sc. Boleslaus]. Et quia paganismo tenebantur, dux eos aut penitus elidere aut ferro ad fidem christianismi conatus est impellere. At illi suis fisi uiribus, eo quod ciuitates et castra natura et arte firma in introitu terre haberent quam plurima, se inexpugnabiles fore arbitrati sunt; omnemque substantiam suam in uribibus collocantes, armorum presidia preparare moliuntur. Sed... [Deus]... ingenium et uires contra eos Bolezlao ministrauit, ita ut multis et magnis cladibus eos frequenter afficeret. Nam et ciuitatem Stetinensem, que stagno et aquis undique cincta, omni hosti inaccessibilis putabatur, que eciam tocius Pomeraniae metropolis fuit, hiemali tempore strictam per glaciem non sine periculo exercitum ducens, inopinata clade percussit. Naclam quoque ciuitatem munitam et fortem ualde fregit et succendit, et omnem in circuitu regionem eius igni et ferro uastauit adeo, ut ruinas et adustiones et aceruos cadauerum interfectorum incole nobis [т. е. спутникамъ Оттона] per diuersa loca monstrarent post annos tres acsi de strage recenti. Tam grauissime autem in illarum ciuitatem expugnatione subacti sunt, ut, quos neci et captiuitati dux superesse passus est, cum suo principe christianos se atque tributarios fore, quod iurare licuit, pro lucro ingenti ducerent. Ferunt autem, quod, decem et octo milibus uirorum pugnatorum nece traditis, octo milia cum uxoribus et paruulis ad terram suam captiuos abduxerit. Et in periculosis marchiarum locis, in urbibus et castris eos collocans, quo terre sue presidio forent et cum hostibus suis, gentibus scilicet externis, bella gererent indixit; hoc addito, ut, abdicatis ydolis, christiane se religioni per omnia conformarent", Herb. II, 5. О частыхъ походахъ Болеслава противъ Поморянъ подробно передаетъ Мартинъ Галлъ во II и III книгѣ своей Chronicon Polonorum. Разсказъ Герборда не имѣетъ характера строгаго хронологическаго повѣствованія: это—простое припоминаніе отношеній Болеслава къ Поморью для объясненія послѣдующаго, cf. Fabricius: Studien zur Geschichte der wendischen Ostseeländer, II, H. B. 1859, p. 15—19 Цѣль нашего труда позволила намъ ограничиться только передачею Гербордова разсказа. Касательно города Наклы, нынѣ не можетъ быть сомнѣнія, что это имя слѣдуетъ читать: Nacla, Nakiel [у Мартина Галла], а не Radam, какъ читалъ сначала Кэпке и Клемпинъ, ср. предисловіе послѣдняго къ сочиненію Kratz'a: Die Städte der Prov. Pommern, Ber. 1865, p. XXIV sq., cf. 1-2 in notis.

„Поморское грубое варварство“ [cruda barbaries] должно было покориться: жители и князь [Вартиславъ] обязались платить дань и принять Христіанство. Тщетно, однако, Болеславъ искалъ между епископами своей земли—дѣятелей для предстоящей миссіи: имъ, кажется, слишкомъ памятны были прежніе печальные опыты подобныхъ предпріятій, чтобы отважиться на новый, потому они отказывались подъ разными предлогами и извиненіями [Herb. II, 5]. Въ началѣ 1122 года ко двору Болеслава неожиданно пришелъ епископъ Бернгардъ, испанецъ по происхожденію, и объявилъ князю о своемъ намѣреніи проповѣдывать Евангеліе въ языческой странѣ Поморянъ. Болеславъ былъ радъ этому, но, кажется, не считалъ Бернгарда способнымъ выполнить трудную задачу и предвидѣлъ неуспѣхъ; онъ нескрывалъ опасности предпріятія: „народъ поморскій, говорилъ онъ, имѣетъ дикіе, звѣрскіе нравы и скорѣе готовъ претерпѣть смерть, чѣмъ подчиниться игу Христіанства“[27]. Бернгарда, однако, не устрашили опасности: его душа горѣла желаніемъ или обратить невѣрныхъ, или украситься вѣнцомъ мученика ради Христа; онъ просилъ только дать ему проводника и переводчика и, получивъ ихъ, какъ истинный послѣдователь Спасителя, необутыми ногами и въ одеждѣ бѣдняка, вышелъ на предстоявшую ему дѣятельность. Успѣхъ не отвѣчалъ его ожиданіямъ. Граждане города Волына, куда прибылъ онъ и гдѣ проповѣдывалъ умѣя судить только по внѣшности, встрѣтили его по одеждѣ и спросили: кто онъ и отъ кого посланъ? Когда Бернгардъ назвалъ себя слугою истиннаго Бога, создателя неба и земли, посланнымъ отъ него для того, чтобы обратить ихъ отъ заблужденія язычества на путь истины, Волынцы пришли въ негодованіе: ихъ простой смыслъ не могъ соединить идеи высшаго божества, полнаго славы и богатства—съ видомъ крайней бѣдности, въ которой явился его посланникъ; они приняли Бернгарда за обманщика, пришедшаго ради матерьяльной поживы и требовали, чтобы онъ удалился[28]. Напрасно Бернгардъ предлагалъ доказать свое боже-

27. „tantam gentis illius esse ferocitatem, ut magis necem inferre, quam iugum fidei subire parata sit“. Ebo: II, 1.

28. „Ille [sc. Bernhardus] despecto habitu et nudis pedibus urbem Iulin ingreditur ibique constanter fidei katholice semina spargere cepit. Ciues autem ex ipso eum habitu despicientes, utpote qui non nisi secundum faciem iudicare sciebant—quis esset uel a quo missus, inquirunt. At ille seruum se ueri Dei, factoris celi et terre, profitetur et ab eo se missum, ut illos ab errore ydolatrie ad uiam ueritatis reducat. Illi uero indignati: „Quomodo—inquiunt, credere possumus, te nuncium summi Dei esse, cum ille gloriosus sit et omnibus diuiciis plenus, tu uero despicabilis et tante paupertatis, ut nec calciamenta habere possis. Non recipiemus te nec audiemus. Summus

ственное призваніе посредствомъ чуда, прося зажечь какое нибудь жилище и бросить самаго его въ огонь, онъ утверждалъ, что выйдетъ оттуда здравъ и невредимъ; жрецы и старѣйшины, по совѣщаніи, рѣшили, что это человѣкъ безумный и безнадежный: „тѣснимый нуждою, говорили они, онъ недорожитъ жизнью и, предлагая намъ зажечь какой нибудь домъ, желаетъ отмстить свою неудачу: пожаръ необходимо распространится, и весь городъ погибнетъ. Намъ не слѣдуетъ слушать безумца, но негодится также и предать его смерти: онъ—бѣдный странникъ, а убійство странниковъ, это дознано опытомъ сосѣдей, навлекаетъ бѣдствія; лучше, безъ обиды, посадивъ въ ладью—устранимъ его изъ нашихъ предѣловъ"[29]. Пока шло совѣщаніе, Бернгардъ, сгорая любовью мученичества, схватилъ сѣкиру и началъ рубить священный, удивительной величины столбъ[30]. Волынцы не снесли подобнаго оскорбленія, они бросились на проповѣдника и избили его до полусмерти; но лишь только пришелъ онъ въ себя, какъ снова принялся проповѣдывать: тогда жрецы силою увлекли его изъ средины толпы, посадили вмѣстѣ съ капелланомъ и переводчикомъ въ ладью и отправили въ море, запретивъ съ угрозою приближаться къ предѣламъ ихъ земли. Бернгардъ возвратился къ Болеславу и со слезами разсказалъ свою печальную исторію; для него ясна была причина неудачи: „незная духовныхъ потребностей, Волынцы судятъ по внѣшнему виду—говорилъ онъ; они отвергли

enim Deus nunquam tam abiectum nobis legatum dirigeret; sed si re uera conuersionem nostram desiderat per idoneum et dignum sue potestati ministrum nos uisitabit. Tu uero, si uite tue consultum esse uolueris, quantocius ad locum, unde digressus es, reuertuere; nec ad iniuriam summi Dei missum eius te profitearis. Quia pro sola tue mendicitatis inopia releuanda huc migrasti". Ebo: II, 1.

29. „Sacerdotes et seniores plebis, multam inter se conquisicionem habentes aiebant: Iste [sc. Bernhardus] insanus et desperatus est; nimia cogente inopia, mortem appetit. morti se ultro ingerit. Sed et argumentosa nos circumueniens nequicia, repulsionis sue a nobis uindictam exigit, ut sine nostro non moriatur excidio; quia scilicet, una domo succensa, tocius urbis interitum subsequi necesse est. Non eniam expedit nobis, peregrinum nudipedem interficere. Quia et fratres nostri Pruzenses ante annos aliquos Adelbertum quendam, similia huic predicantem occiderunt, et ex eo omnis pressura et calamitas apprehendit eos totaque substancia eorum ad nichilum redacta est". . Ebo, II, 1. Упоминаніе объ Войтѣхѣ мы устранили изъ изложенія: оно, конечно, прибрано на этотъ случай ученымъ повѣствователемъ.

30. „Bernhardus amore martirii flagrans, correpta secure columpnam mire magnitudinis, Iulio Cesari a quo urbs Iulin nomen sumpsit, dicatam, excidere aggressus est". Ebo, ibidem. Сказаніе о Юліѣ Цезарѣ въ отношеніи Волына и священнаго столба очевидно—ученая этимологическая сказка.

меня ради нищеты моей, но если среди ихъ явится проповѣдникъ, исполненный внѣшняго блеска и богатства—они обратятся къ христіанству"[31]. Слова Бернгарда—не прошли даромъ: Болеславъ ими скоро воспользовался. Отдохнувъ нѣсколько дней у польскаго князя, Бернгардъ отправился въ Бамбергъ и пришелъ туда во время государственнаго съѣзда, въ Ноябрѣ 1122 года. Ученость Бернгарда, его строгія добродѣтели пріобрѣли въ Бамбергѣ общее уваженіе, они сблизили съ нимъ и епископа Оттона, который часто распрашивалъ о его проповѣди въ Поморьѣ и о тамошнемъ народѣ. Бернгардъ замѣтилъ необыкновенный интересъ Оттона къ дѣлу христіанской миссіи и, желая видѣть въ немъ болѣе счастливаго преемника, изложилъ причины своей неудачи и совѣтовалъ итти къ „варварамъ" неиначе, какъ въ блестящей обстановкѣ, съ помощниками, съ богатымъ запасомъ матерьяльныхъ средствъ. „Еще—предупреждалъ онъ, берегись требовать отъ язычниковъ чего нибудь изъ имущества ихъ, а добровольно приносимое вознаграждай большими дарами, чтобы они поняли, что ты пришелъ къ нимъ не ради стяжанія, но единственно по любви къ Богу и для проповѣди Евангелія"[32]. Разсказы Бернгарда поселили въ Оттонѣ желаніе итти на подвигъ христіанскаго просвѣщенія язычниковъ [Ebo, II, 1]. Это желаніе выросло въ твердую рѣшимость, когда Болеславъ Кривоустый, все занятый заботою обращенія Поморянъ, прямо обратился къ нему, какъ къ старому знакомцу и другу своей юности, вызывая его на это трудное, но славное предпріятіе. Въ письмѣ, которое Болеславъ писалъ по этому поводу къ Оттону, онъ излагалъ свои трехлѣтнія тщетныя усилія

31. „Animales inquit [Bernhardus] sunt et spiritualium penitus ignari donorum, ideoque hominem non nisi exteriori habitu metiuntur. Me quidem pro paupertatis mee tenuitate abiecerunt, sed si potens quisdam predicator, cuius gloriam et diuicias reuereantur, ad eos accesserit, spero illos iugum Christi spontanee subituros". Ebo II, 1.

32. „Ego quidem [sc. Bernhardus] tanta paupertatis abiectione opus euangelii agressus sum, ut nec calciamentis uti uoluissem. Sed gens illa, nimie dedita insipientie ueritatisque penitus ignara, cernens tenuitatis mee et habitus despectionem, non pro amore Christi sed pro sola inopie necessitate me illo migrasse credidit; ideoque uerbum salutis ex ore meo audire contempnens, repulit. Vnde necesse est, ut, si tu, pater amande [sc. Otto], lucrum aliquot in brutis barbarorum pectoribus agere uolueris, assumpta cooperatorum et obsequentium nobili frequentia sed et uictus ac uestitus copioso apparatu, illuc tendas. Cauendum est etiam, ne quicquam de bonis eorum appetas. Sed, si oblatum quid fuerit ab eis, maiora quam acceperis restituas; ut per hoc intelligant, te non turpis lucri gratia, sed solo Dei amore opus euangelii subisse". Ebo, II, 2.

найти проповѣдника для Поморянъ, просилъ Оттона принять на себя этотъ подвигъ и обѣщалъ съ своей стороны всевозможныя пособія и людьми и другими средствами [Herb. II, 6][33].

33. Quia in diebus iuuentutis tue [sc. Ottonis] apud patrem meum [sc. Wladislauum Hermannum] decentissima te honestate conuersatum nemini . . . si tue non displicet dignitati, ueteres tecum renouare animo sedet amicitias tuoque consilio simul et auxilio uti ad Dei gloriam promouendam . . . Nosti enim, ut arbitror, quomodo Pomeranorum cruda barbaries non mea quidem sed Dei uirtute humiliata, societati ecclesie per baptismi lauacrum se admitti petiuit. Sed ecce per triennium laboro, quod nullum episcoporum uel sacerdotum idoneorum michiue coaffinium ad hoc opus inducere queo. Vnde, quia tua sanctitas ad omne opus bonum prompta et indefessa predicatur, rogamus, pater amantissime, non te pigeat, nostro comitante seruicio, pro Dei gloria tueque beatitudinis incremento id laboris assumere. Sed et ego . . impensas omnes et socios itineris et lingue interpretes et coadiutores presbiteros, et quecunque necessaria fuerint, prebeo; tu tantum uenire dignare". Herbord. II, 6.

Первая проповѣдь Оттона въ Поморьѣ.

Въ приглашеніи Болеслава Оттонъ увидѣлъ голосъ Провидѣнія, призывающій его на подвигъ. Онъ посовѣтовался съ клиромъ и отправилъ къ папѣ Каликсту II посланника, испрашивая апостольскаго разрѣшенія и благословенія на трудное дѣло. Отвѣтъ папы былъ благопріятенъ, и Оттонъ сталъ готовиться въ путь [Herb. II, 7]. Ему нужны были надежные помощники; прежде прочихъ онъ остановился на любимцѣ своемъ, священникѣ Удальрикѣ. Призванный къ совѣту, Удальрикъ немедленно рѣшился слѣдовать за своимъ патрономъ. Кромѣ священника Вернера и переводчика Адельберта[34], избранныхъ самимъ Оттономъ, положено было взять и клерика Сефрида, на котораго указалъ Удальрикъ, какъ на юношу расторопнаго, усерднаго и къ тому же искуснаго писца [Ebo: II, 3]. Помня печальный опытъ и наставленія Бернгарда, слыша, что въ богатомъ Поморьѣ почти вовсе нѣтъ нищихъ и бѣдняки вообще презираются, Оттонъ позаботился явиться туда въ обиліи и внѣшнемъ блескѣ: онъ взялъ съ собою не только богатый запасъ вещей, необходимыхъ при богослуженіи, но и много одеждъ, драгоцѣнныхъ тканей и иныхъ подарковъ, назначенныхъ для знатныхъ и богатыхъ той страны [Herb. II, 7; Ebo: II, 3][35].

34. „Adelbertum quoque, lingue barbarice sciolum, interpetem habere possumus". Ebo, II, 3.

35. [Otto] „quia terram Pomeranorum fama ferente opulentam audiuerat et egenos atque mendicos penitus non habere sed uehementer aspernari, et iam dudum quosdam seruos Dei predicatores egenos ac censu tenues propter inopiam contempssise, quasi non pro salute hominum sed pro sua necessitate releuanda officio insisterent predicandi; studiose procurauit".. etc., Herb. II, 7. Vestes quoque et pannos preciosos aliaque donaria, nobilibus ac diuitibus apta, euangelista simplex et et prudens in uiam portauit euangelii: ne forte indigentie causa paganis uideretur euangelizare, sed nouelle plantationi sua potius conferre quam illius appetere"... Herb. II, 7. „Interim—говорилъ Оттонъ Удальрику, accepta a me pecunia, uestes et necessaria queque tibi

Изготовившись и устроивъ домашнія дѣла, Оттонъ хотѣлъ отправиться, но неожиданная болѣзнь Удальрика удержала его на нѣкоторое время: ему тяжело было разстаться съ мыслью имѣть товарищемъ человѣка столь близкаго, онъ рѣшился повременить. Такъ прошло три дня; болѣзнь, однако, не прекращалась, и, дорожа временемъ, Оттонъ оставилъ Удальрика и выступилъ въ путь въ началѣ Мая 1124 г. Надежда, что Удальрикъ скоро оправится и присоединится къ миссіи еще разъ заставила Оттона остановиться на нѣкоторое время въ монастырѣ Михельфельдъ, но, получивъ извѣстіе, что больному не легче, онъ простился съ провожавшими его и послѣдовалъ далѣе. Освятивъ на пути нѣкоторые храмы, Оттонъ, чрезъ чешскій лѣсъ, пришелъ въ Чехи; здѣсь, въ монастырѣ Кладрубы, его ожидали посланники чешскаго князя Владислава и сопровождали въ Прагу, гдѣ онъ былъ встрѣченъ епископомъ Мегингардомъ съ особымъ почетомъ [Ebo, II, 3]. Въ Прагѣ Оттонъ не медлилъ: чрезъ Садскую онъ скоро прибылъ въ замокъ Милетинъ, гдѣ въ то время находился самъ князь, принявшій его съ великолѣпіемъ. Богато одаренный Владиславомъ, знаменитый миссіонеръ, въ сопровожденіи чешскихъ, а потомъ польскихъ—пословъ, мирно продолжалъ свой путь чрезъ Варту, Нѣмчъ, Вратиславу, Калишъ и Познань [Herb., II, 8]. Онъ часто останавливался и уклонялся съ прямой дороги въ сторону для проповѣди Евангелія. Вездѣ его встрѣчали съ торжественнымъ вниманіемъ и почетомъ [Ebo, II, 3; Herb. II, 8]. Въ Гнѣзднѣ, куда наконецъ прибыла миссія, самъ Болеславъ, вмѣстѣ съ знатными людьми земли своей, вышелъ къ ней на встрѣчу за городъ необутыми ногами— и торжественно проводилъ Оттона въ главный храмъ. Въ Гнѣздпѣ миссія оставилась цѣлую недѣлю: нужно было собраться и устроиться къ предстоящему труднѣйшему путешествію. Болеславъ заботился доставить Оттону все необходимое: онъ снабдилъ его людьми для службъ, которые одинаково хорошо знали нѣмецкій и славянскій языки, далъ много подводъ, на которыхъ везли продовольствіе и вещи, наградилъ въ обиліи и деньгами своей страны. Въ помощники къ Оттону князь назначилъ трехъ священниковъ и военнаго сотника Павликія, человѣка дѣятельнаго и умѣвшаго толково говорить съ народомъ [Herb. II, 9][36]. Простившись съ Бо-

compara. Quia ad suggestionem Bernhardi non cum tenuitate sed habundancia tam uestium quam uictualium Pomeranos adire nos opportet; ne, cum paupertatis angustias in nobis deprehenderint, non zelo iustitie sed pro inopie releuanda necessitate illo nos migrasse cauillentur et... a finibus suis nos eiciant“... E b o, II, 3.

36. „Dedit [dux Bolezlaus] domino meo [sc. Ottoni] de gente illa tam Sclauice

леславомъ, Оттонъ и спутники его двинулись далѣе и пришли къ крайнему предѣлу польской земли, къ пограничной крѣпости Уздѣ. Отсюда Павликій отправилъ пословъ къ поморскому князю Вартиславу, чтобы предувѣдомить его о прибытіи Оттона. Вартиславъ былъ въ то время въ Старьградѣ; получивъ извѣстіе, онъ немедленно выступилъ на встрѣчу миссіи [Ebo, II; 4][37].

„Земля поморская, какъ ясно изъ ея наименованія, лежитъ около моря. Если взглянуть на ея положеніе въ цѣломъ, какъ относительно заводей и морскихъ заливовъ, такъ и сухой почвы, она представитъ какъ бы треугольникъ, т. е. три стороны, которыя, подобно линіямъ, концами сходятся и образуютъ три угла, такъ однако, что одинъ уголъ болѣе двухъ другихъ, онъ и простирается до страны Лютичей къ Саксоніи и на сѣверъ къ морю, постепенно загибаясь. Такимъ образомъ Поморье имѣетъ за собой на морѣ Данію и небольшой, но многолюдный островъ Руяну; надъ собою т. е. направо отъ сѣвера—землю Половцевъ [!? Славянъ?], Пруссовъ и Русь; предъ собою же, т. е. на югъ небольшимъ концомъ достигаетъ границъ Угріи и Моравіи; наконецъ, на обширномъ пространствѣ граничитъ съ Польшею до предѣловъ земли Лютичей и Саксоніи. Народъ этотъ [поморскій], искусный въ войнѣ на сушѣ и морѣ, привыкшій жить разбоемъ и грабежомъ, былъ всегда необузданъ въ природной своей дикости и совсѣмъ чуждъ христіанскаго богопочтенія и религіи. Сама же земля даетъ жителямъ въ изобиліи рыбу и дикихъ звѣрей и очень богата всякаго рода хлѣбомъ, овощами и сѣменами. Нѣтъ страны обильнѣе медомъ и пло-

quam Teutonice liugue gnaros satellites ad diuersa eius ministeria, ne quid incommoditatis per lingue ignorantiam in gente externa pateretur. Quid dicam? Currus et quadrigas ordine longo, uictualia et omnes sarcinas nostras portantes; monetam quoque ilius terre liberalitate contulit ingenua", Herb. II, 9. Эбонъ передаетъ, что Оттонъ оставался у Болеслава „per tres ebdomadas in domo Iacobi, prepositi maioris eccelesia", разказываетъ еще, что по выходѣ миссіи изъ Гнѣздна, ее обокрали въ ближайшей деревнѣ, Ebo II, 4. Мы основались на разсказѣ Сефрида, какъ очевидца.

37. „Cumque ad castrum quoddam, quod Vzda nominatum est quod est in confinio utriusque terre, cum suis uenisset, comes Paulus [centurio Paulicius у Герборда], ductor eius, premisit nuncios ad Wortizlaum Pomeranie ducem; qui Ottonem, fama apud eos celeberrima uulgatum, fines suos euangelizandi gratia adire insinuarent... Quo mandato dux Wortizlaus accepto, in castro Zitarigroda nuncupato ei occurit".. Ebo II, 4. Здѣсь у Эбона—путаница: Вартиславъ не могъ встрѣтить Оттона въ Старьградѣ, который лежалъ на сѣверѣ Поморья. Сефридъ у Герборда ничего не говоритъ объ этомъ, потому вѣрнѣе думать, что въ Старьградѣ князь получилъ извѣстіе о прибытіи Оттона и вышелъ оттуда къ нему на встрѣчу. Сефридовъ дальнѣйшій разсказъ возводитъ эту догадку въ достовѣрность.

доносиѣе пастбищами и лугами. Вина у жителей нѣтъ, да они и не стремятся добыть его; но ихъ меды и пиво, тщательно приготовленные, превосходятъ даже и фалернскія вина" [Herb. II, 1][38].

Возвратимся къ нашимъ путешественникамъ.

За Уздой, по другую сторону рѣки Нотеци, тянулся огромный, мрачный лѣсъ, лежавшій границею между Польшей и Поморьемъ. Чрезъ него шла дорога Оттона и его товарищей. Они находились среди дѣвственной природы, гдѣ дотолѣ почти не бывала нога человѣка; только Болеславъ въ прежніе годы проходилъ съ войскомъ по этому мѣсту и обозначилъ свою дорогу засѣками и знаками на деревьяхъ. По этимъ знакамъ пробиралась и миссія, встрѣчая на каждомъ шагу препятствія, опасности и всякіе страхи: ихъ подводы грязли въ болотахъ, огромныя змѣи и дикіе звѣри угрожали нападеніемъ, птицы—тревожили ихъ крикомъ. Чрезъ шесть дней труднаго пути проповѣдники достигли берега рѣки,

38. „Est terra hec [sc. Pomerania]; si totam eius posicionem tam in stagnis et refusionibus marinis, quam in locis campestribus considerare uelimus, quasi figura triangula. Quia tribus lateribus, quasi tribus lineis per capita sibi coherentibus, tres angulos habere deprehenditur; ita tamen, ut unus angulus duobus reliquis sit extensior, qui eciam usque ad Leuticiam et prope Saxoniam uersus aquilonem ad fluctus oceani paulatim recuruatus dimittitur. Itaque Pomerania post se in oceano Daciam habet et Rugiam, insulam paruam sed populosam; super se autem, id est ad dexteram septentrionis, Flauiam —[Slauiam, ибо Flauia—земля Половцевъ здѣсь не у мѣста; впрочемъ. б. м. Гербордъ дѣйствительно думалъ о Половцахъ: онъ знаетъ [cf. Herb. II, 3, 4.] о войнахъ Поляковъ съ Русью и Половцами, потому и предполагаетъ, что страна послѣднихъ находится возлѣ Польши и граничитъ съ Поморьемъ] habet et Prusciam; ante se uero, id est uersus aridam, parua extremitate se attingentes fines respicit Vngarie ac Morauie, dein Poloniam spaciosa contiguitate usque ad confinia Leuticie et Saxonie se habet attingendo extendentem. Gens ista, terra marique bellare perita, spoliis et raptu uiuere consueta, naturali quadam feritate semper erat inindomita et a cultu et fide christiana penitus aliena. Terra uero ipsa piscium et ferarum copiosam incolis prebet habundanciam; omnigenumque frumentorum et leguminum siue seminum fertilissima est. Nulla mellis feracior, nulla pascuis et gramine fecundior. Vinum autem nec habent, nec querunt; sed melleis poculis et cereuisia curatissime confecta, uina superant Falernica". Herb. II, 1. Мы сочли удобнымъ привести Гербордову характеристику Поморья именно при изложеніи вступленія Оттона въ эту землю. Географическія опредѣленія, кажется, плодъ ученыхъ соображеній самаго Герборда и не отличаются ни ясностью, ни особой цѣнностью; но указанія на бытъ и хозяйство Поморянъ идутъ несомнѣнно отъ Сефрида и заслуживаютъ полнаго вниманія. Лингвистическое толкованіе имени Поморья, будто бы отъ pome—iuxta, circa и moriz—mare, Pomerania, quasi Pomerizania; e. iuxta uel circa mare sita, заставляетъ думать, что Гербордъ слышалъ правду, но не умѣлъ вѣрно передать ее.

которая составляла собственную границу Поморья. Здѣсь ожидалъ ихъ Вартиславъ, пришедшій съ пятью стами воиновъ и остановившійся лагеремъ на другомъ берегу; онъ перешелъ съ немногими рѣку и привѣтствовалъ приходъ Оттона. Вартиславъ былъ христіаниномъ, но изъ страха предъ язычниками скрывалъ свою религію[39]. Въ то время, когда епископъ, князь и Павликій, отойдя всторону, вели разговоръ чрезъ переводчика, спутники Оттона остались съ людьми князя и испытывали сильный страхъ, видя себя въ первый разъ лицомъ къ лицу съ „варварскимъ, дикимъ народомъ". Замѣтивъ смущеніе пришельцевъ, поморскіе воины вздумали позабавиться надъ ними и начали пугать ихъ ложными страхами: вынувъ острые ножи, они угрожали заколоть ихъ, дѣлали видъ, что хотятъ зарыть ихъ въ землю и пронзить ихъ головы, выдумывали и другіе роды мученій, сопровождая все это шумнымъ крикомъ[40]. Несчастные незнали образа мыслей и намѣреній поморскаго князя, они стояли окруженные „дикими лицами варваровъ", одни среди нисходившей ночной темноты, въ виду только что оставленнаго страшнаго лѣса; они думали, что приходитъ конецъ ихъ, что имъ предстоятъ немедленныя мученія и смерть, и поручали себя Богу исповѣдью, молитвами и пѣніемъ. Но свободно вздохнули они, когда князь ободрилъ ихъ своимъ дружескимъ словомъ; и вскорѣ сами, вмѣстѣ съ „варварами", смѣялись надъ своимъ страхомъ. Оказалось, что воины Вартислава втайнѣ были христіанами; это ободрило миссіонеровъ, и они скоро начали

39. „a duce Polonie dimissi, per Vzdam castrum in extremis Polonie finibus transeuntes, nemus horrendum et uastum, quod Pomeraniam Poloniamque diuidit, intrauimus ... Nemus hoc nulli ante mortalium peruium erat; nisi quod superioribus annis dux latrocinandi causa, priusquam subegisset totam Pomeraniam, sectis signatisque arboribus uiam sibi exercituique suo exciderat. Que signa tenentes uix diebus sex emenso nemore ad ripam fluminis, qui limes Pomeranie est, consedimus. Dux uero Pomeranorum aduentus nostri prescius, cum quingentis uiris occurrens, ex alia parte aque castra metatus est. Mox que amne transmisso cum paucis, episcopum salutat atque salutatur ab illo". Herb. II, 10, 11.

40. „Episcopo autem et duce cum interprete et Paulicio seorsum in colloquio demorantibus, ceteri qui cum duce uenerant homines barbari, quia clericos aliquantum trepidare uidebant, ficto eos terrore amplius uexabant... cultros acutisimos educentes, uiuos nos excoriare aut transfigere, ac humi nos defodere usque ad uerticem, coronasque nostras eisdem cultris punctare ac secare minati sunt". Herb. II, 11. Эбонъ представляетъ дѣло серьезнымъ, онъ говоритъ: „barbari instinctu inimici et satellitum eius, uidelicet sacerdotum suorum, crudeli impetu super famulos Christi irruentes, mortem eis minari ceperunt". II, 4, и защитѣ князя приписываетъ спасеніе миссіонеровъ. Что Гербордъ вѣрно смотритъ на характеръ происшествія, это видно изъ всего послѣдующаго.

„поучать тѣхъ, на которыхъ прежде и взглянуть но могли со страха". Оттонъ не медля, началъ дѣйствовать, онъ поднесъ князю въ даръ посохъ изъ слоновой кости. Князь былъ доволенъ, благодарилъ Оттона, потомъ, обратясь къ своимъ воинамъ, сказалъ: „какаго отца послалъ намъ Богъ и какой отеческій подарокъ, для меня онъ пріятнѣе теперь, чѣмъ во всякое другое время". На другой день князь назначилъ изъ своихъ людей проводниковъслугъ для Оттона и приказалъ, чтобы по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ Поморья, которыя составляли княжью собственность, епископъ пользовался даровымъ гостепріимствомъ. Миссія, перейдя рѣку, вступила въ Поморье и слѣдуя за проводниками, направилась къ крѣпости Пырицѣ, Вартиславъ же отошелъ по своимъ дѣламъ [Herb. II, 10, 11, 12] [41].

По дорогѣ путешественники встрѣтили нѣсколько небольшихъ, войной разоренныхъ, деревень и немногихъ жителей, которые только что собрались послѣ погрома и расточенія. Спрошенные—желаютъ ли принять Христіанство, они повергнись къ ногамъ епископа и просили научить ихъ вѣрѣ и крестить. Такъ окрещено было тридцать человѣкъ, и положено счастливое начало великому дѣлу [Herb. II, 13] [42].

Миссіонеры приблизились къ княжьей крѣпости Пырицѣ еще засвѣтло, и глазамъ ихъ представилось необыкновенное зрѣлище: былъ день языческаго празднества [около 4 Іюня], къ нему изо всей области собралось болѣе четырехъ тысячъ народа; все сбо-

41. „Facto mane, dux de uiris qui secum uenerant ductores et ministro reliquit episcopo; mandans, in tota Pomerania per cuncta loca possessionis sue liberalia ei preberi hospitia. Nos uero transito fluuio, terram Pomeranorum... intrauimus et, conductoribus nostris uiam demonstrantibus, iter ad castrum Pirissam dereximus". Herb. II, 12.

42. „In ipso autem itinere uiculos paucos bellica pridem uastatione dirutos et. raros incolas, qui nuper se post dispersionem recollegerant, inuenimus; qui, de fide christiana conuenti et an credere uellent interrogati, humiliter pedibus aduoluuntur episcopi, cathezizari se atque baptizari postulantes".. Herb. II, 13. Въ передачѣ пути Оттона до Пырицы и происшествій его—источнику Эбона измѣняетъ память: онъ очевидно смѣшиваетъ прежній путь миссіи чрезъ лѣсъ съ путемъ ея до Пырицы, бывшимъ послѣ свиданія Оттона съ Вартиславомъ: „et legatos suos pio Ottoni [dux] assignauit, qui per desertum magnum [?] quod imminebat, continuato septem dierum spacio [?] eum transduxerunt".. II, 4. Ниже онъ говоритъ: „altera die ad uillam proximam diuertit, ibique plures Domino cooperante secunde natiuitatis sacramento iniciauit. Tercia die ad Piriscum... uenit". Такимъ образомъ оказывается, что разставшись съ Вартиславомъ, они на третій день пришли въ Пырицѣ и въ тоже время семь дней странствовали но пустынѣ. Смѣшеніе явное!

рище шумно предавалось играмъ и пѣнію. Оттонъ остановился: странники сочли неблагоразумнымъ и неосторожнымъ появиться теперь среди народа, разгоряченнаго питьемъ и разгуломъ [43], они провели ночь безъ сна, неотваживаясь затеплить огонь и разговаривая въ полъ-голоса. Утромъ епископъ отправилъ Павликія и посланниковъ Вартислава въ крѣпость. Отъ имени князей они привѣтствовали старѣйшинъ; объявили, что прибылъ епископъ, присланный ими для проповѣди народу христіанской религіи, и убѣждали достойно принять его и почтительно слушать его наставленій. Такова была воля князей. Кромѣ того, говорили они, епископъ — человѣкъ почтенный: онъ богатъ, ничего не требуетъ и ни въ чемъ не нуждается, сюда пришелъ ради вашего спасенія, а не за прибылью [44]. Посланники просили ихъ вспомнить послѣднія бѣдствія и свои обѣщанія и не противиться болѣе Христіанству, законамъ котораго покоряется весь міръ. Старѣйшины пришли въ затрудненіе: нерѣшительно и подъ разными предлогами они желали выиграть время, чтобы найтись среди обстоятельствъ; говорили, что такое важное дѣло нуждается въ спокойномъ, зрѣломъ обсужденіи; но Павликій съ послами, подозрѣвая хитрость, требовали немедленнаго рѣшенія, грозили, что иначе они огорчатъ пришедшаго епископа и тѣмъ разгнѣваютъ самихъ князей. Узнавъ, что Оттонъ находится вблизи, старѣйшины не отказывались долѣе, они держали совѣтъ сначала между собою, потомъ съ Павликіемъ и послами—и рѣшили принять епископа; затѣмъ они вышли съ ними къ народу, который, противъ обыкновенія, еще былъ въ сборѣ и не расходился по деревнямъ, и ясною, привѣтливою рѣчью изложили предъ нимъ обстоятельства дѣла. Скоро и легко склонился весь народъ на предложеніе своихъ старшинъ; провѣдавъ же о присутствіи Оттона, поднялъ страшный крикъ и просилъ скорѣе призвать его, желая видѣть и слышать его прежде, чѣмъ разойдется сходка и каждый возвратится домой. Вмѣстѣ съ Павликіемъ

43. „ad castrum ducis Pirissam undecima hora diei propinquantes, ecce illic hominum ad quatuor milia ex omni prouincia confluxisse, ut eramus eminus aspeximus. Erat enim nescio quis festus dies paganorum; quem lusu luxu cantuque gens uesana celebrans, uociferatione alta nos reddidit attonitos. Non igitur utile uel cautum nobis uisum est, illa nocte in turbam, potu leticiaque feruentem, nos tam insolitos hospites aduenire“.. Herb. II, 14.

44. „Mane episcopus Paulicium et nuncios Bratizlai ducis ad castrum mittit. Ac illi, salutatis maioribus ex nomine ducum [т. е. князя польскаго и Вартислава], ab eis missum nunciant episcopum.... addentes: uirum esse honorabilem, domi diuitem et nunc quoque in aliena terra suis opibus sufficientem; nichil illum peterc nullius egere; pro illorum salute aduenisse non questus gratia“.. Herb. II, 14.

и послами—къ Оттону отправились нѣкоторые обитатели крѣпости [castellani] и привѣтствовали его отъ имени знатныхъ людей и всего народа, они почтительно приглашали его къ себѣ, говоря, что никто не оскорбитъ его и всѣ искренно готовы повиноваться ему [45]. Епископъ двинулся къ крѣпости. Когда жители издали увидѣли длинный рядъ подводъ, множество лошадей и людей, они пришли въ смятеніе и начали подозрѣвать воинское нападеніе, но, узнавъ истину, успокоились и быстро, „подобно потоку"—устремились на встрѣчу; они окружили пришельцевъ, съ любопытствомъ разглядывали ихъ и ихъ вещи и такъ провожали до самаго мѣста пристанища. Предъ входомъ въ крѣпость было пространное мѣсто, на немъ разбила свои шатры миссія, и „варвары" дружественно и мирно во всемъ помогали ей [46]. Оттонъ немедленно приступилъ къ дѣлу: онъ облекся въ церковныя одежды, по просьбѣ Павликія и старѣйшинъ взошелъ на высокое мѣсто и оттуда чрезъ переводчика началъ говорить къ народу, онъ благодарилъ его за дружескій пріемъ, указалъ на причину своего прихода и убѣждалъ принять Христіанство. Все сборище „грубаго" народа, какъ одинъ человѣкъ— согласилось послѣдовать новому ученію. Цѣлую недѣлю поучали Оттонъ и его приближенные народъ истинамъ религіи, правиламъ и обычаямъ христіанской жизни; затѣмъ онъ назначилъ трехдневный постъ и приступилъ къ крещенію. Мальчики, женщины и мужчины, каждый полкъ—крещенъ былъ отдѣльно и притомъ — съ устраненіемъ всего, что могло показаться страннымъ народу, или оскорбить его природное чувство стыда. Достоинство образа дѣйствій и обращенія Оттона, его внѣшняя и внутренняя чистота и приличіе вызывала похвалы у язычниковъ [47].

45. .. „ubi eam sententiam tam bonam tamque salubrem diligenti retractatione probauerant—primo quidem apud se in conclaui, deinde uero cum legatis et Paulicio ad plenum uigorem laxiori consilio firmauerant—cum eisdem ad populum egressi, qui, sicut ad festum confluxerat, contra morem indispersus.. in loco manebat nec in rus discesserat, luculenti sermonis dulcedine, multo beniuolentie captu eos de hoc uerbo allocuti sunt. Sed quid multa? Mirum dictu quam subito, quam facili consensu omnis illa multitudo populi, auditis primatum uerbis, in eandem sese conuenientiam inclinauerit. Et quia dici audiunt, episcopum in proximo esse, facto ingenti clamore, ut aduocetur, rogant, quo illum uidere queant et audire, antequam soluto cetu singuli in loca sua discedant. Redeuntibus Paulicio et legatis abierunt quidam de castellanis cum eis ad episcopum, qui ad se illum inuitarent, salutatum ex parte nobilium plebisque uniuerse"... Herb. II, 14.

46. „Fuit ante introitum castri area spaciosa, quam occupantes, fiximus tentoria in eodem loco, ipsis barbaris mansuete ac familiariter nos adiuuantibus et in omnibus se nobis oportunos exhibentibus".. Herb. II, 14.

47. „Episcopus, monente Paulicio et primatibus, de loco editiori populum cu-

Такъ крестилось въ Пырицѣ около семи тысячъ народа [48]. Съ крещеніемъ не окончилось дѣло проповѣдниковъ: они пробыли въ тѣхъ мѣстахъ около двадцати дней, посвящая все время проповѣди и поученію народа истинамъ вѣры, церковнымъ постановленіямъ и христіанскимъ обычаямъ; они учили его, между прочимъ, и христіанской годовщинѣ, раздѣленію года на мѣсяцы и мѣсяцевъ на недѣли [49]. Желая еще болѣе упрочить свое дѣло, Оттонъ построилъ часовню, освятилъ алтарь и снабдилъ эту первую, скромную церковь всѣмъ необходимымъ для богослуженія. Язычники приняли все это съ благодарною радостью—и оставили свои старыя суевѣрія и языческіе обычаи [Herb. II, 14—17].

Время, однако, было отправиться далѣе: впереди предстояла еще богатая жатва. Оттонъ созвалъ новообращенныхъ и еще разъ объяснялъ имъ таинства вѣры и связанныя съ ними условія христіанской жизни, онъ запрещалъ имъ языческое идолослуженіе и обычаи: „будучи язычниками вы не знали таинства брака, говорилъ онъ, не соблюдали вѣрности одному супружескому ложу, но, по желанію, имѣли много женъ. Теперь же, если кто изъ васъ до крещенія имѣлъ нѣсколько женъ, тотъ пусть изберетъ изъ нихъ одну себѣ по нраву, другихъ же отпуститъ. Слышу я также, что

pientem ore alloquitur interpretis ... Hec et his similia.. populo rudi simpliciter euangelizante pontifice, omnis illa multitudo quasi unus homo, fidei sancte concordantes, illius doctrine se comisserunt“. Herb. II, 15. Ipse in omni actione sua, quod et paganis dignum laude uidebatur, quandam... cuiusdam sangularis munditie atque elegantis et urbane discipline prerogatiuam habebat“... Herb II, 16.

48. „Erat autem numerus conuersorum ibi [sc. in Pirissa] ad fidem quasi septem milia“. Herb. II, 17. Должно думать, что въ это число входили главнымъ образомъ жители окрестныхъ мѣстъ: какъ относительно языческихъ праздниствъ Пырица была средоточіемъ, куда сходились поселяне ближнихъ деревень, такъ могла она быть имъ и остносительно христіанскаго крещенія. Прифлингенскій монахъ [II, 4] ставитъ число крестившихся только въ 500 человѣкъ; но полагаться на это показаніе нельзя, въ виду яснаго свидѣтельства очевидца—Сефрида.

49. „Mansimus in eodem loco quasi diebus uiginti... instruentes de festiuitatibus ... de distributione mensium et institutione tocius anni secundum christianos“.. Herb. II, 17. О дѣйствіяхъ Оттона въ Пырицѣ Эбонъ передаетъ очень кратко: „tercia die ad Piriscum castrum primum Pomeranie uenit, ubi, ciues ad fidem exhortans, quatuordecim [?] diebus sedit; eis nimirum abnuentibus et seruum Dei ad alia migrare loca facientibus seque nouam hanc legem sine primatum et maiorum suorum consilio aggredi non posse testantibus. Tandem pio Ottone assiduis pro saluacione eorum precibus incubante... assenserunt“, etc.... Ebo II, 5. Вотъ и все! Въ виду такой необстоятельности разсказа, показаніе Эбона о четырнадцатидневномъ пребываніи Оттона въ Пырицѣ не должно быть принято во вниманіе.

женщины предаютъ смерти новорожденныхъ дѣвочекъ. Сколь ужасно это — нельзя выразить словами: даже дикіе звѣри не поступаютъ такъ съ дѣтенышами своими! Вы должны оставить это убійство: родится ли ребенокъ мужскаго или женскаго пола — вскормите рожденіе ваше съ одинаковою заботливостью"[50] [Herb. II, 18].

Простившись съ духовными дѣтьми своими, Оттонъ и его спутники, подъ руководствомъ пословъ, прибыли [24 Іюня] въ княжескій городъ Камину. Здѣсь находилась княгиня, законная жена князя, она была наклонна къ Христіанству и со всѣмъ домомъ своимъ почтительно приняла проповѣдниковъ. Еще до прибытія Оттона, когда онъ трудился въ Пырицѣ, она тайно посылала туда развѣдать обо всемъ происходившемъ и, узнавъ объ успѣхахъ Христіанства, старалась расположить къ принятію его сначала своихъ приближенныхъ, а потомъ и другихъ, кого могла[51]. Поэтому ли, или по другой причинѣ — миссія не встрѣтила противодѣйствія въ Каминѣ: народъ согласился принять новое ученіе. Болѣе сорока дней посвящены были поученію, проповѣди и крещенію: ежедневно толпою приходилъ и уходилъ народъ того мѣста и изъ окрестной области; труда было много, но и жатва обильна[52]. Среди такихъ занятій Оттона въ Камину пришелъ князь поморской земли Вартиславъ съ своею дружиною, онъ извинился предъ епископомъ, что дѣла правленія столь долго задержали приходъ его и отдавалъ

50. „Vos, qui usque ad hec tempora non christiani sed pagani fuistis, sacramentum coniugii non habuistis; quia fidem uni thoro non seruastis, sed, qui uoluistis plures habuistis uxores. Quod deinceps uobis non licebit.. Si quis ergo in uobis est, qui plures habuerat uxores ante baptismum, nunc unam de illis, que sibi magis placet, eligat, dimissisque aliis, hanc solam habeat ritu christiano. Et, partus, inquit [Otto]—femineos, audio, quia uos, o mulieres, necare consueuistis. Quod quantum abbominationis habeat, exprimi sermone non potest.... Parricidium hoc non fiat ammodo in uobis. Siue sit masculus, siue femina, diligenter enutrite partus uestros".. Herb.: II, 18. Эбонъ усвояетъ этотъ страшный обычай Каминцамъ: „Illic [i. e. Camine] requisitum est a mulieribus, quod infantes necassent—nam crudelitate paganica puellas necare, et mares seruare solebant".. Ebo. II, 5.

51. „legatis nos deducentibus, ad ciutatem ducis Caminam deuenimus. Erat autem illic ducissa, uxor uidelicet ducis legittima. Et, licet inter paganos, christiane tamen religionis memor, de nostro aduentu letissima efficitur et cum omni domo sua nos deuotissime suscepit". Herb.: II, 19. Эбонъ называетъ Каминъ „castrum magnum ubi sedes duci est", Ebo: II, 5.

52. „Quadraginta diebus in eodem loco [sc. Camine] manentes... uidebamur in tam copiosa messe pauci messores. Nam et ipsius loci atque circumiacentis prouincie populus cateruatim accedebat cottidie ac recedebat", Herb. II, 20 Въ другомъ мѣстѣ Гербордъ [II, 24] опредѣляетъ время пребыванія Оттона въ Каминѣ числомъ около 50 дней, Эбонъ же—числомъ четырнадцати недѣль; послѣднее—очевидная ошибка.

теперь себя и своихъ въ полныя услуги миссіи; онъ также дружески привѣтствовалъ поцалуемъ и пожатіемъ руки каждаго изъ сотрудниковъ Оттона и вообще — былъ радъ имѣть такихъ гостей у себя въ домѣ. Такъ какъ дальнѣйшій путь проповѣдниковъ лежалъ по водному сообщенію отъ города къ городу, то князь приказалъ управителямъ своихъ деревень принять лошадей и вьючный скотъ ихъ и помѣстить на лучшія пастбища земли; когда потомъ животныя возвращены были владѣльцамъ, послѣдніе нашли ихъ до того откормленными, что каждый съ трудомъ могъ узнать ему принадлежавшее [53].

Немедленно приступилъ Оттонъ къ крещенію княжеской дружины; тѣже изъ нея, которые были уже христіанами, но, по сожитію съ язычниками, не могли удержаться въ предѣлахъ христіанской жизни — а къ числу такихъ принадлежалъ и самъ князь — очистились покаяніемъ и были снова приняты въ лоно церкви. Сознавая несовмѣстность обычая многоженства или наложничества съ христіанскою чистотою жизни, князь торжественно, при епископѣ и народѣ, отрекся отъ двадцати четырехъ наложницъ, которыхъ, по языческому обычаю, онъ имѣлъ кромѣ своей законной жены. Примѣру князя послѣдовали и многіе другіе, жившіе доселѣ также во многоженствѣ [54]. Въ Каминѣ Оттонъ построилъ и освятилъ храмъ, одарилъ его всѣмъ необходимымъ для богослуженія и назначилъ сюда одного изъ своихъ священниковъ, а князь даровалъ новой церкви владѣнія и содержаніе священнику [55]; народъ не только изъ

53. „Dum ea Camine gerebantur.... ecce cum suo comitatu dux terre Vratizlaus.. superuenit... „Non, queso ait irascaris, quod post primam illam et momentaneam salutationem tam diu fui te non uidens; sed causa fuere inexcusabiles rei publice administrationes. Nunc autem ecce assum parere ac seruire tue paternitati, prout uis. Etenim nos ipsi et omnia nostra tui sumus; utere sicut uis“... „Quia uero deinceps nauigio de ciuitate ad ciuitatum eundum fuit, omnes equos et iumenta nostra uillicos suos ad optima loca terre pastus gratia deducere iussit;.... quos, certe ita recepimus alteratos, ut pre crassitudine uix cuique suus nosceretur“: Herb., II, 21.

54. „Milites, qui cum duce uenerant, cathezizati statim et baptizati sunt... Dux etiam: „Scio, inquit, christiane sanctitati esse contrarium, plures uxores uel concubinas habere“. Simulque, tactis sanctorum reliquiis sicut christianis iurare mos est, coram episcopo, populo aspiciente, uiginti quator concubinas, quas ritu gentili sue legittime uxori superduxerat, publice abiurauit. Quod uidentes, alii complures eiusdem enormitatis presumptores, abiurata et ipsi coniugium pluralitate, uni thoro exemplo ducis fidem se seruaturos polliciti sunt“.. Herb.: II, 21—22.

55. „Extructa illic basilica et sanctificato altari et sanctuario collatisque illuc per ducem prediis ac dote in sustentationem sacerdotis, pater liberalissimus.. libros contulit, etc“.. Herb.: II, 22.

города, но и изъ деревень собирался ежедневно въ храмъ, благочестиво соблюдая воскресный день и другіе праздники.

Въ это время случилось происшествіе, которое не могло не казаться нынѣшнимъ проповѣдникамъ — знаменательнымъ и чудеснымъ. Неподалеку отъ города, въ одной деревнѣ жила богатая и знатная вдова, окруженная многочисленной семьею и дѣятельно правившая домомъ своимъ. Мужъ ея при жизни имѣлъ свою собственную стражу въ тридцать лошадей со всадниками, а это казалось въ той странѣ чѣмъ-то очень значительнымъ: силу и могущество знатныхъ и воеводъ тамъ опредѣляли количествомъ или числомъ лошадей, говоря: „силенъ, могучъ или богатъ тотъ или иной: онъ можетъ держать столько, или столько-то коней“: узнавъ число лошадей — всякій разумѣлъ число воиновъ: ибо каждый воинъ имѣлъ только по одному коню; а кони земли той были велики и сильны: каждый воинъ сражался безъ щитоносца, носилъ кладь и щитъ и довольно ловко и бодро выполнялъ свои военныя обязанности. Только князья и воеводы имѣли одного, много двухъ слугъ. Вдова столь знатнаго человѣка съ презрѣніемъ относилась къ Христіанству, она говорила, что поклоняется отечественнымъ богамъ и ни за что не уклонится въ новую суету отъ старыхъ преданій отцовъ своихъ. Случилось такъ, что въ одинъ воскресный день, во время жатвы, народъ собирался въ церковь; вдова же не пустила слугъ своихъ и приказала имъ идти на жатву: „глядите, говорила она, какія сокровища и богатства даровали намъ наши боги, ихъ щедротами обильны мы всякимъ добромъ, славою и всѣхъ другимъ: потому — отказывать въ почитаніи имъ—преступленіе не маловажное“. Хозяйка сама отправилась со слугами на поле: она хотѣла дать имъ личный примѣръ и разсѣять ихъ ложный страхъ нарушенія христіанскаго праздника; но — такъ разсказывала молва — лишь только рука ея взялась за серпъ, какъ вдова внезапно поражена была неожиданнымъ ударомъ. Вѣсть о происшествіи быстро распространилась и, объясненная въ христіанскомъ смыслѣ, оказала свое дѣйствіе: слуги умершей немедленно пришли въ церковь и просили крещенія, вѣрующіе еще болѣе укрѣпились въ вѣрѣ, остатокъ невѣрующихъ восчитался къ ней [Herb. II, 18—23]“.

56. „Cum hec omnia rite peracta essent et non solum de ciuitate uerum etiam de rure populus ad ecclesiam omni die conueniret, et diem dominicum aliasque solempnitates deuote obseruarent, uidua quedam in rure non longe a ciuitate Caminensi diues ac nobilis ualde, christiana religione contempta, patrios deos se colere nullaque occasione uanitatis noue a parentum suorum ueteri traditione declinare se uelle dicebat. Erat autem multam haben

Получивъ отъ князя пословъ и проводниковъ, именно знатныхъ гражданъ Домислава съ сыномъ, Оттонъ, въ началѣ Августа, отправился по озерамъ и морскимъ заливамъ къ городу Волыну. Городъ этотъ былъ великъ и крѣпокъ, а жители его жестоки и варварскаго нрава. Когда проповѣдники уже приближались къ городу, проводники ихъ начали медлить и тихо, съ боязнью переговариваться между собою. Оттонъ замѣтилъ это и спросилъ о причинѣ. Они отвѣчали, что боятся за него и его приближенныхъ. „Волынцы, говорили они, всегда отличались жестокимъ и необузданнымъ нравомъ; лучше будетъ, если тебѣ угодно, переждать на берегу до наступленія ночи; войдя же теперь открыто въ городъ — мы возбудимъ противъ насъ толпу народа“. Совѣтъ представлялся благоразумнымъ: по нѣкоторымъ городамъ князь имѣлъ свое особое жилище и дворъ съ строеніями; и былъ такой законъ: кто, преслѣдуемый врагомъ, скроется въ это пристанище, тотъ пользуется правомъ неприкосновеннаго убѣжища, остается тамъ невредимъ и безопасенъ. Проникнувъ подъ покровомъ ночи въ княжье мѣсто и будучи въ безопасности, проповѣдники, по мнѣнію проводниковъ, могли болѣе успѣть въ своемъ дѣлѣ, постепенно входя въ сближеніе съ гражданами и сообщая имъ цѣль своего прихода.

familiam et non parue auctoritatis matrona, strennue regens domum suam; et, quod in illa terra magnum uidebatur, maritus eius, dum uiueret, in usum satellicii sui triginta equos cum assessoribus suis habere consueuerat. Fortitudo enim et potentia nobilium et capitaneorum secundum copiam uel numerum estimari solet caballorum. „Fortis inquiunt et potens est ac diues ille; tot uel tot potest habere caballos“; sicque audito numero caballorum, numerus militum intelligitur. Nullus enim militum preter unum caballum illic habere consueuit; sunt autem magni et fortes equi terre illius. Et unus quisque militum sine scutifero militat, manticam per se gestans et clipeum, agiliter satis et strennue sic militie sue officium exequens. Soli autem principes et capitanei uno tantum, uel si multum est duobus clientibus—contenti sunt. Factum est ergo in una die dominica tempore messis, populo undique ad ecclesiam properante, prefata matrona nec ipsa ueniebat, nec suos uenire permittebat, sed magis turbulenta: „Ite, inquit, metite michi agros meos“. Videtisne, quanta bona et quantas diuicias nobis dederint dii nostri ipsorumque largitate opibus et gloria omnibusque rebus habundantes sumus. Quare ab eorum cultura discedere, non leuis iniuria est. Ite igitur, sicut dixi, ad metendas segetes nostras; et ut minus timeatis, parate michi uehiculum; ecce ego uobiscum ipsa in campos messura descendam. Cumque in agrum uenisset: „Quod me, inquit, facere uideritis, omnes similiter faciatis“. Moxque rebrachiatis manicis, succintaque ueste, falcem dextera corripuit, stantes uero calamos sinistra tenens, secare nisa est“.. etc. Herb. II, 23. Тоже происшествіе передаетъ и Эбонъ: II, 6; оно здѣсь менѣе украшено, чѣмъ въ разсказѣ Герборда, но лишено за то и тѣхъ важныхъ бытовыхъ подробностей, которыя находятся въ послѣднемъ.

Совѣтъ былъ принятъ, и ночью миссія перешла въ жилище князя[57]. На утро пришельцевъ увидѣли жители; они приходили и уходили, снова являлись, разглядывали странниковъ, спрашивали — откуда они, зачѣмъ пришли, и другъ другу сообщали о происшедшемъ. Скоро бѣшенство овладѣло толпою: вооруженная топорами, мечами и другимъ оружіемъ, она, безъ всякаго уваженія къ мѣсту, ворвалась на княжій дворъ и прямо угрожала проповѣдникамъ смертью, если они немедленно не оставятъ своего убѣжища и самаго города. На княжьемъ дворѣ стояло очень прочное зданіе, сложенное изъ огромныхъ бревенъ и досокъ и называвшееся ступою или пираломъ, сюда путники снесли съ корабля и скрыли все важное: бумаги епископа, свои пожитки, священныя вещи, деньги и другія драгоцѣнности; сюда, въ страхѣ предъ раздраженнымъ народомъ, скрылись теперь епископъ и прочіе клерики; Сефридъ же, страдавшій сильною лихорадкою, лежалъ въ другомъ домѣ; услышавъ шумъ и неистовые крики, онъ собрался съ силами, сталъ на ноги и съ порога увидѣлъ дворъ, полный народа, вооруженнаго копьями и другимъ оружіемъ. Толпа шумѣла и криками вызывала ихъ выйти. Проповѣдники медлили, какъ бы надѣясь, что волненіе утихнетъ, но оно расло и наконецъ перешло въ яростное нападе-

57. „Acceptis a duce legatis et conductoribus de ipso loco ciuibus, Domizlao, uidelicet et filio eius, uiris honoratis, per lacus refusiones marinas Iulinam uecti sumus nauigio. Est autem ciuitas hec magna et fortis; hominesque illius loci crudeles erant et barbari. Cum autem propinquassemus ciuitati, conductores nostri herere pauere atque inter se musitare ceperunt. Quod intelligens episcopus: „Quid est, quod ad inuicem confertis?“ At illi: „Timemus —inquiunt pater, tibi ac tuis: populus iste durus semper et indomitus fuit. Si ergo placet tibi, applicemus et moram in littore usque ad crepusculum noctis faciamus; ne forte ciuitatem manifeste ingrediendo tumultum populi super nos suscitemus“. In singulis autem ciuitatibus dux palacium habebat et curtim cum edibus, ad quam si quis confugisset, lex talis erat, ut quolibet hoste persequente, securus ibi consisteret et illesus. Dixerunt ergo: „Si per noctem ad ducis tecta intramus, freti securitate, paulatim ciues conueniendo negociumque nostrum illis pedetentim insinuando, melius fortasse proficiemus.“ Placuit consilium; et cum dies abscessisset, tecti umbra noctis, curtim et menia ducis inuasimus, illis ignorantibus“. Herb.: II, 24. У Ебона—разсказъ гораздо глуше: „Progressus itaque apostolus Pomeranorum uenit ad urbem magnam Iulin, ubi Odora fluuius preterfluens lacum uaste longitudinis ac latitudinis facit illicque mare influit. Ciues autem loci illius crudeles erant et impii... Mos autem est regionis illius, ut princeps terre in singulis castris propriam sedem et mansionem habeat, in quam quicumque fugerit, tutum ab inimicis asylum possidet. Illuc pius Otto ingressus orationibus et lacrimis pro conuersione gentis Pomeranice instabat“. Ebo II, 7. У Прифлингенскаго біографа: „Mos iste antiquitus a gentibus seruabatur, ut quamdiu quis libere in domo principis habitaret, nisi primum consulto principe, de graui crimine coargutus, nihil at quoquam molestiae sustineret“.. II, 5.

ніе: толпа бросилась на „ступу“ и начала рубить и рушить кровлю и стѣны[58]. Странники пришли въ ужасъ, и только епископъ мужественно радовался предстоявшему во Христѣ мученичеству. Когда Павликій и послы увидѣли, что оставаться тамъ становилось болѣе и болѣе опаснымъ, они бросились къ народу, крича и знаками требуя молчанія. Толпа нѣсколько утихла, и послы говорили, что если они не хотятъ уважить княжьяго мѣста, пусть, покрайней мѣрѣ, позволятъ имъ мирно уйти изъ города; за что и откуда такое ожесточеніе противъ нихъ? „Мы пришли предать смерти, отвѣчалъ народъ, лживаго епископа и другихъ христіанъ, которые оскорбляютъ нашихъ боговъ; но ежели вы хотите спасти его — вотъ дорога, идите и уведите его поскорѣе изъ города“. Улицы Волына были болотисты и грязны, по нимъ проходили мосты и вездѣ положены были доски отъ грязи. Павликій взялъ епископа за руку и повелъ впередъ, скромно убѣждая слѣдовать, какъ можно скорѣе. Такъ, не безъ затрудненія, прошли проповѣдники чрезъ толпу отъ княжьяго двора до помоста, но здѣсь одинъ изъ варваровъ, человѣкъ сильный, метнулъ издали огромнымъ копьемъ, стараясь поразить мимошедшаго епископа въ голову. Оттонъ отклонился, и копье угодило ему въ плечо; когда же варваръ повторилъ свой ударъ, а другой также издали бросилъ въ него копьемъ, епископъ упалъ съ помоста въ грязь на руки проводниковъ своихъ, Павликія и свящ. Гильтана[59]. Мужественный Павликій не оставилъ

58. „In crastinum uero.. [maligni homines].. insano furore correpti, magno tumultu, securibus et gladiis aliisque telis armati, sine ulla reuerentia in ipsam ducis curtim irrumpentes, mortem nobis sine ulla retractatione, nisi quantocius de curia et de ipsa ciuitate fugeremus comminabantur“. Herb. II, 24. У Эбона: „urbani, audito seruorum Dei aduentu, sequenti die primo diluculo super eos armata manu irruerunt et fustibus ac lapidibus impetentes expellere nitebantur; dicentes: in uanum eos ducis mansionem irrepsisse, quasi illic pacem habituri essent; cum subuersores patrie ac legum antiquarum extranei ab hac pacis condicione deorum suorum edicto consererentur“.. Ebo: II, 7. „Erat autem in ipsa curti edificium quoddam fortissimum, trabibus et tabulis ingentibus conpactum, quod stupam uel pirale uocant, in quod scrinia et clitellas et capellam episcopi et pecuniam et queque preciosa de naui portaueramus; quin et propter impetum furentis populi cum episcopo clerici omnes illuc confugerant. Ego autem eo tempore magna febri tenebar, in alia domo iacens et egrotans; ultra uires tamen, audito strepitu et clamore bachantium, de stratu erectus, ad ostium domus constiti. Et ecce omnia plena hominum, tela et arma portantium. Vociferabantur autem et clamabant, exire nos conpellentes. Sed moram nobis facientibus, quasi a furore illi essent cessaturi, magis eorum exarsit insania, factoque impetu stupam aggrediuntur et dissipant, tecto primum, dein parietibus disiectis et excisis“. Herb. II, 24.

59. „Platee ciuitatis palustres erant et lutose et pontes extructi et tabule un-

Оттона: не смотря на грозныя копья, онъ сошелъ съ помоста поколѣни въ грязь и поднялъ поверженнаго епископа, принимая на себя многіе удары. Другіе священники и клерики, защищавшіе своего патрона, также подверглись многимъ ударамъ палками и копьями. Съ великимъ трудомъ пришельцы оправились и, достигнувъ снова помоста, продолжали свой путь изъ города, горожане оставили ихъ, усмиренные болѣе разумными. Перейдя чрезъ озеро [Дивенское], Оттонъ и его спутники разобрали за собою мостъ, чтобы помѣшать новому нападенію, и отдохнули на полѣ между овинами и житницами[60]. За озеромъ, которое окружало городъ, проповѣдники оставались цѣлые семь дней; они все ожидали, что можетъ быть горожане одумаются и перемѣнятъ на лучшее свои мысли. Въ продолженіи этого времени нѣкоторые изъ нихъ часто ходили въ городъ, а также и „лучшіе люди" Волына приходили къ Оттону, извиняясь въ бывшемъ безпокойствѣ и складывая всю вину на глупыхъ и низкихъ людей изъ народа. Епископъ бесѣдовалъ съ нимъ о христіанской религіи, напомнилъ имъ имя и могущество князя польскаго, говорилъ, сколь худо можетъ быть имъ, когда онъ узнаетъ объ оскорбленіи, нанесенномъ его миссіонерамъ, указывалъ на обращеніе въ христіанство, какъ на средство отклонить грозу. „Лучшіе люди" приняли совѣтъ и, возвратясь въ городъ, обстоятельно обсуждали дѣло; наконецъ рѣшили: поступить такъ, какъ поступятъ Штетинцы; ибо огромный и знаменитый городъ Штетина считался матерью всѣхъ городовъ поморской земли, и Волыну, говорили, невмѣстно принять новую религію прежде, чѣмъ она будетъ признана авторитетомъ Штетины [Herb. II, 24—25][61].

dique posite propter lutum. Vt autem per medium turbe nos omnes non inperturbatis passibus extra curtim usque ad pontes deuenimus, ecce quidam de turba uir barbarus et fortis, librata quam gestabat ingenti phalanga, uasto ictu caput ferire nisus est transeuntis episcopi. Sed ille, auertens caput, humero ictum suscepit; eodemque geminante commissum et alio eminus in eum iaciente contum, inter manus Paullicii ac Hiltani sacerdotis, ducentium illum, a ponte in lutum prosternitur Otto noster"... Herb. II, 24. Эбонъ представляетъ происшествіе иначе: по его словамъ Оттонъ получилъ ударъ отъ человѣка, который возвращался изъ лѣсу съ дровами и на пути встрѣтилъ епископа. Ebo: II, 8.

60. „multo discrimine ponte arrepto, rursum ire et abire cepimus extra ciuitatem, illique [i. e. Iulinenses] a prudentioribus sedati, cessauerunt a nobis. Abeuntes ergo trans lacum, disiecto ponte a tergo nostro, ne iterum impetum super nos facerent, in campo inter areas et loca horreorum decumbendo respirauimus"... Herb. II, 24.

61. „Mansimus ergo per dies quindecim trans stagnum, quod cingebat ciuitatem; expectantes, si forte meliori animo fierent. Interea uero et nostri ad illos

Въ числѣ гражданъ Волына былъ нѣкто Недамиръ, человѣкъ богатый и значительный; тайный христіанинъ—онъ вмѣстѣ съ сыномъ часто посѣщалъ Оттона и оказывалъ ему всякое вниманіе и защиту. Когда епископъ, узнавъ о рѣшеніи Волынцовъ, хотѣлъ немедленно отправиться въ Штетину, Недамиръ не только предложилъ къ его услугамъ—три ладьи съ припасами, но и самъ съ сыномъ взялся быть проводникомъ его. Штетина, какъ замѣчено выше, была главнымъ городомъ всѣхъ городовъ поморской земли, въ ней заключалось три высокихъ холма, былъ также и особый княжій дворъ.

Подъ руководствомъ Недамира и его сына проповѣдники прибыли въ городъ ночью; Оттонъ помѣстился въ жилищѣ князя, а Недамиръ, опасаясь возбудить противъ себя неудовольствіе Штетинянъ, въ тишинѣ отплылъ домой [Ebo: II, 8—9; Herb.: II, 26] [62].

sepe ibant et redibant, similiter autem et eorum primates ueniebant ad nos excusare se, stultis hominibus et uilioribus de plebe culpam illius tumultus imponentes. Habuit ergo cum eis uerbum de fide christianismi, quasi per ambages hortans eos et suadens. Preferebat etiam nomen et potentiam ducis Polonici; et quomodo ad illius iniuriam spectet illata nobis contumelia, quidue mali contra eos inde oriri queat, nisi forte illorum intercedat conuersio insinuauit. At illi consilium se accepturos dicebant. Regressique ad suos, omnia hec tractabant; diligenter ac rectractabant; tandemque in unius sententie formam concesserunt, uidelicet: super hoc uerbo se facturos, quicquid facerent Stetinenses. Hanc enim ciuitatem antiquissimam et nobilissimam dicebant in terra Pomeranorum matremque ciuitatum; et satis iniustum fore se aliquam noue religionis obseruantiam admittere, que illius auctoritate prius roborata non fuisset". Herb. II, 25. По Эбону Оттонъ оставался у Волына всего 7 дней; кромѣ того Эбонъ иначе передаетъ окончаніе переговоровъ Оттона съ знатными людьми Волына, по его словамъ: „illi [i. e. Iulinenses] prauo sacerdotum suorum consilio seducti, nullatenus sane doctrine preconem recipere uolebant, quin immo de finibus suis cum ignominia eum perturbantes ad Stetinenses ire conpulerunt".. Ebo: II, 7. Вліяніе жрецовъ на рѣшеніе Волынцовъ было бы само по себѣ вѣроятно, если бы не принадлежало къ числу личныхъ предположеній біографа, которыми онъ любитъ объяснять всякое противодѣйствіе язычниковъ введенію и распространенію христіанства. Прифлингенскій біографъ извращаетъ весь ходъ происшествій и прибавляетъ слѣдующее существенное, но сомнительное извѣстіе: „usque ad id temporis Iulinensibus uenerabiliter reseruata Iulii Caesaris lancea colebatur, quam ita rubigo consumserat, ut ipsa ferri materies nullis iam usibus esset profutura. Quam tamen episcopus, ut tanto eos errore absolueret, quinquaginta talentis argenti uoluit comparare... Pagani uero ut impii et infideles uehementer abnuere, lanceam diuinioris esse naturae, nihil ei transitorium uel caducum posse conferri, ac perinde nullo unquam a se pretio extorquendam, in qua praesidium sui, patriae munimentum et insigne uictoriae esse constabat".. II, 6.

62. „Erat Nedamirus diuiciis et potencia inter suos opinatissimus, antea quidem in Saxonia baptizatus et occulte christianus. Hic omnem pio Ottoni ex-

Поутру Павликій и послы отправились къ старшинамъ и объявили имъ, что отъ князей прибылъ епископъ для проповѣди Евангелія, совѣтовали и побуждали принять его. Старшины отвѣчали отказомъ: они не желали оставлять законы отцовъ своихъ и были довольны религіей, какую имѣли. „У христіанъ, говорили они, есть воры и разбойники, имъ отсѣкаютъ ноги, выкалываютъ глаза; всевозможныя преступленія и наказанія совершаетъ христіанинъ надъ христіаниномъ; пусть минуетъ насъ такая религія“ [63]. На этомъ отвѣтѣ стали и прочіе. Проповѣдники провели тамъ болѣе двухъ мѣсяцевъ, но почти ничего недостигли. Озабоченные долгимъ и безполезнымъ пребываніемъ въ Штетинѣ, послы пришли къ мысли спросить князя польскаго, что велитъ онъ: тамъ ли оставаться или итти назадъ, что думаетъ онъ объ упорствѣ Волына и Штетины? Граждане не безъ боязни узнали о намѣреніи пришельцевъ, но все же просили отправить пословъ говоря, что съ ними пойдутъ и ихъ люди: если князь даруетъ имъ прочный миръ и облегченіе дани, если послы утвердятъ это обоюднымъ письменнымъ условіемъ, то они охотно согласятся принять христіанскіе законы [64]. Послы съ Павликіемъ отправились. Оттонъ между тѣмъ все заботился о своемъ дѣлѣ: онъ устроилъ дважды въ недѣлю, въ торговые дни, когда народъ сходился сюда изо всей волости, церковные ходы съ крестомъ по рынку и при этомъ проповѣдывалъ.

hibebat humanitatem et defensionem; et abeuntem magna deuotionis reuerentia prosecutus, tres naues non modicas uictualium copia oneratas hilariter prebuit ac ducatum ei ad urbem Stetinensem usque in arcem ducis officiose satis exhibuit“.. Ebo: II, 8. [Vrbs Stetinensis] „que principatum omnium Pomeraniae ciuitatum obtinens, tres [въ другомъ спискѣ quatuor] montes suo ambitu inclusos habet“.. Ebo: II, 9. „Nedamero duce ac filio eius Stetinam nauigauimus; sed illi, Stetinenses offendere ueriti, si nos adduxisse uiderentur, priusquam ab eis uideri possent, nobis ualefacientes, in locum suum reuersi sunt. Nos uero per crepusculum noctis, applicantes ciuitati, egressi naues, curtim ducis intrauimus“.. Herb. II, 26. Прифлингенскій біографъ прибавляетъ о Штетинѣ слѣдующее: [Stetinensium adiit episcopus ciuitatem] „quae a radicibus montis in altum porrecta, trifariam diuisis munitionibus natura et arte firmatis, totius prouinciae metropolis habebatur“.. II, 7.

63. „Mane facto, Paulicius et legati primates adeunt... At illi: „Nichil inquiunt nobis et uobis. Patrias leges non dimittemus; contenti sumus religione, quam habemus. Apud christianos, aiunt, fures sunt, latrones sunt, truncantur pedibus, priuantur oculis, et omnia genera scelerum et penarum christianus exercet in christianum; absit a nobis religio talis“.. Herb. II, 26.

64. „Quod consilium ubi ciuibus conpertum fuit, timebant quidem; tamen rogabant, ut mitterentur legati, suos cum illis hac ratione profecturos dicentes, ut, si apud ducem [Bolezlaum] perpetue pacis stabilitatem obtinere tributumque alleuiare, queant, his ibi coram suis et nostris legatis ex scripto firmatis, christianis se legibus sponte inclinarent“. Herb. II, 26.

Сельскій народъ—въ своей простотѣ, привлеченный новизной дѣла, оставлялъ свои занятія и охотно слушалъ епископа, хотя и не рѣшался увѣровать; въ опредѣленные дни онъ сходился на рынокъ болѣе ради этого зрѣлища, а не для торга. [Herb. II, 26] [65]. Счастливое обстоятельство помогло Оттону. Однимъ изъ знаменитѣйшихъ гражданъ Штетины былъ Домиславъ, человѣкъ высокаго ума, богатый и знатнаго происхожденія, онъ пользовался такимъ почетомъ, что даже самъ князь Поморья Вартиславъ ничего не предпринималъ безъ его совѣта и согласія. Воля Домислава направляла какъ общественныя, такъ и частныя предпріятія, и не только большая часть Штетины была полна его родными и ближними, но и въ окрестныхъ мѣстностяхъ родственныя связи его были столь обширны, что едва-ли кто могъ противиться ему. Оттонъ видѣлъ, что если ему удасться обратить къ христіанству Домислава и его родственниковъ, — весь народъ послѣдуетъ ихъ примѣру; но человѣкъ этотъ былъ твердаго характера и сверхъ того—находился въ отлучкѣ [Ebo: II, 9]. Домиславъ имѣлъ двухъ юныхъ сыновей, которые часто посѣщали епископа и съ любопытствомъ распрашивали о христіанствѣ; Оттонъ замѣтилъ и воспользовался этимъ: своимъ привѣтливымъ обхожденіемъ, своими разсказами онъ такъ привлекъ юношей, что они объявили желаніе креститься [Herb. II, 27]. Мать ихъ, женщина уважаемая и значительная въ городѣ, узнала объ этомъ тогда, когда они были уже христіанами; она поспѣшила къ епископу и вмѣсто горькихъ упрековъ, благословляла дѣло его: она была христіанка, въ юности ее разбойнически похитили изъ христіанской страны и, какъ женщину благороднаго происхожденія и красивую, отдали въ жены богатому и знатному язычнику Домиславу. Примѣръ подѣйствовалъ: скоро епископъ крестилъ не только домочадцевъ Домислава, но и родныхъ и сосѣдей, мужей, женщинъ и дѣтей. Своимъ духовнымъ первенцамъ Оттонъ подарилъ богатыя одежды, которыя велѣлъ тогда же вышить золотомъ, золотые пояса и красивую обувь [Herb. II, 28] [66]. Это обстоятель-

65. „Abeuntibus ergo cum Paulicio nostris et eorum legatis, nos interim bis in ebdomada, in diebus scilicet mercatus, per medium fori, populo ex omni prouincia conueniente, sacerdotalibus induti crucem portauimus. Plebs autem, que de rure fuit, et simplicitate sua et rerum nouitate capta, negociis suis postpositis, predicationen libentissime accepit, quamuis credere non auderet... et magis propter uerbum quam propter forum ruricole confluebat“ Herb. II, 26.

66. „Domizlaus quidam, corpore et animo ac diuiciarum copia sed et generis nobilitate inter Stetinenses eminentissimus, tanto ab omnibus honore et reuerentia, colebatur, ut nec ipse dux Pomeranie Wortizlaus sine consilio et assensu eius quicquam agere presumeret; sed ad illius nutum uniuersa tam.

ство имѣло важныя послѣдствія; дѣти показывали подарки своимъ сверстникамъ, хвалили Оттона и тѣмъ привлекли къ христіанству много другихъ. Недовѣріе гражданъ къ епископу начало исчезать; многіе изъ нихъ, видя, какъ онъ выкупалъ плѣнныхъ, истлѣвавшихъ въ цѣпяхъ и на паляхъ, принимали его даже за видимое божество. Домиславъ скоро узналъ объ обращеніи жены и дѣтей: оскорбленный, б. м., тѣмъ, что все произошло безъ его вѣдома и согласія, онъ даже заболѣлъ и угрожалъ Оттону изгнаніемъ; когда же, возвратившись, увидѣлъ, сколь много сосѣдей и согражданъ обратились къ христіанству, самъ послѣдовалъ за ними [Herb. II, 29; Ebo: II, 9][67]. Въ ту пору возвратились Павликій съ посланниками, они принесли съ собою письменной договоръ и посланіе Болеслава къ поморскому народу вообще и Штетинцамъ въ особенности. Князь обѣщалъ прочный миръ и долгую дружбу, если они примутъ христіанство, въ противномъ случаѣ грозилъ гибелью, пожаромъ и вѣчною враждой; онъ укорялъ ихъ за недостойное обращеніе съ Оттономъ и говорилъ, что только уступая его и посланниковъ совѣту и просьбамъ, ради скорѣйшаго принятія христіанства, онъ рѣшился слѣдующимъ образомъ облегчить тяжесть служебной повинности и трибута: „вся поморская земля должна

publica, quam priuata disponebatur negocia. Nam et pars maxima urbis Stettinensis.. propinquis et affinibus Domizlai repleta erat; sed et in aliis circumiacentibus regionibus tantam propinquorum turbam habebat, ut non facile quisquam ei resistere posset. Sciens itaque pius Otto... quia si hunc fidei christiane cum propinquis suis subiceret, omnis plebs exemplo eius attraheretur, toto conamine rinocerotam hunc ad arandum in agro Domini loro predicationis alligare contendit". Ebo: II, 9.

„Mater puerorum, nam pater domi aberat, matrona magne honestitatis et potentie in ciuitate illa... [пришла къ епископу и] protestata est, in diebus adolescentie sue de terra christianorum per rapinam ablata fuit et, cum esset ingenua et speciosa gentili homini marito suo, diuiti ac prepotenti uiro copulata est. [Episcopus].. eadem [sc. matrona] petente atque cum fiducia iam euangelizante, omnes eius domesticos aqua tinxit regenrationis. Deinde etiam omnes conuicinos et familiares, uiros ac feminas cum paruilis suis, eadem fidei societas paulatim inuoluit. Pueros quoque ipsos... duabus camisiis de subtili panno uestiuit; et easdem camisias aurifrigio in ora capicii et satura humerali atque brachiali ornari eis fecit. Duosque cingulos aureos tradens et calciamenta picturata.. in domum matris remisit". Herb. II, 28.

67. „Ipsa [Ottonis] gratuita redemptis captiuorum, in cippis et compedibus putrefactorum, multos ciues nostros fecerat autumare.... Coniux prefate matrone et pater primitiuorum in uia, domi absens, ubi audiuit, quod uxor et filii totaque domus eius, proiecto paganismo, ritu uiueret christiano, mori uoluit pre dolore. Sed uxor prouida cognatos eius et amicos, qui malagma ei consolationis apponerent obuiam direxit egroto.. Itaque reuersus ille, cum non solum domesticos suos uerum et alios uicinos et conciues suos

ежегодно платить польскому князю, кто бы онъ ни былъ, только триста марокъ серебра ходячаго вѣса. Въ случаѣ, если князю предстоитъ война, Поморяне помогаютъ ему такъ: девять домовладыкъ достаточно снаряжаютъ въ походъ десятаго оружіемъ и деньгами и во время его отсутствія вѣрно пекутся о домѣ его. Соблюдая все это и слѣдуя христіанству — заключалъ князь, Поморяне будутъ имѣть наше рукобитье на прочный миръ, и радость вѣчной жизни и во всѣхъ обстоятельствахъ защиту Поляковъ, какъ друзей и союзниковъ. Собралось вѣче, и предъ народомъ и старшинами прочтено было посланіе Болеслава, всѣ радовались конечно гораздо болѣе — „чѣмъ въ то время, когда были покорены при Наклѣ; оставя всякое противорѣчіе, всѣ рѣшились принять христіанство [Herb. II, 30] [68].

ueterem hominem exutos in nouitate uite conspiceret ambulantes, ad conformandum se illis facile inclinatus est": Herbord. II, 29. „Quo [т. е. обращеніе въ христіанство жены и дѣтей] audito, Domizlauus primo quidem grauiter indignatus, quod sine uoluntate et assensu eius hec acta essent.. persecutionis crudelissime auctor factus est; ita ut minis et terroribus ac conuiciis Ottonem aggressus, cum ignominia de finibus illis eliminare temptasset", Ebo, II. 9.

68. „Dum ea geruntur in ciuitate, Paulicius et legati tam illorum, quam nostri a duce Polonie ueniunt, pacti mandata et scripta tiranni secundum hec uerba reportantes: „Bolezlaus... dux Poloniorum et hostis omnium paganorum, genti Pomeranice et populo Stetinensi, promisse fidei sacramentia seruanti, pacem firmam et longas amicitias; non seruanti uero, cedem et incendia et eternas inimicitias. Si occasiones quererem aduersus uos, iusta esse poterat indignatio mea; quod, quasi fidei uestre transgressores, uos retrorsum abire conspicio; et quod dominum et patrem meum Ottonem episcopum... uestre saluti a Deo uero et nostro ministerio destinatum, sicut oportuit, non suscepistis neque hactenus secundum Dei timorem illius doctrine obedistis... Horum [Оттона и посланниковъ поморскихъ] consilio ac petitioni acquiescere dignum iudicans, seruitutis ac tributi pondus, ut iugum Christi eo alacriores suscipiatis, hoc modo releuare decreui: tota terra Pomeranorum duci Polonie, quicumque sit ille, trecentas tantum argenti marcas publici ponderis annis singulis persoluerit. Si bellum ingruerit ei, hoc modo eum iuuabunt: nouem patres familias decimum in expeditionem armis et impensis habunde procurabunt; et eiusdem familie interim domi fideliter prouidebunt. Ista seruantes et fidei christiane consentientis, nostram pacem porrectione manus et eterne uite gaudium consequemini et in omnibus oportunitatibus uestris presidia semper et auxilia Polonensium tamquam socii et amici experiemini". Igitur habita concione, ubi coram populo et principibus uerba hec recitata sunt — multo, quam dum apud Naclam armis subacti essent letiores — pacti sacramenta deuote suscipientes, remota omni controuersia, euangelicis traditionibus se submiserunt". Herbord. II, 30. Вопросъ, имѣлъ-ли Герборд подъ руками списокъ съ подлинной грамоты Болеслава, или передалъ со словъ Сефрида только ея содержаніе, скорѣе рѣшается въ пользу перваго предположенія: по памяти довольно трудно пересказать

Въ городѣ Штетинѣ находились четыре зданія, называемыя **континами**. Одна изъ нихъ, главнѣйшая, была построена съ удивительной отдѣлкой и искусствомъ: внутри и снаружи по стѣнамъ ея находились рѣзныя выдающіяся изображенія людей, птицъ и звѣрей, представленныя столь естественно и вѣрно, что, казалось, они дышатъ и живутъ; но что рѣдко встрѣчается — краски наружныхъ изображеній отличались особою прочностью: ни снѣгъ, ни дождь не могли потемнить или смыть ихъ; таково было искусство живописцевъ! Въ это зданіе, по старому обычаю предковъ, приносилась закономъ опредѣленная десятина награбленныхъ богатствъ, оружія враговъ и всякой добычи, пріобрѣтенной въ морскихъ или сухопутныхъ бояхъ; здѣсь сберегались золотые и серебряные сосуды и чаши, которые въ праздничные дни выносились какъ будто изъ святилища; и знатные и сильные люди гадали, пировали и пили изъ нихъ. Въ честь и украшеніе боговъ въ главной континѣ сохранялись также огромные рога туровъ, украшенные позолотой и драгоцѣнными каменьями и пригодные для питья, рога приспособленные къ музыкѣ, кинжалы, ножи и всякая драгоцѣнная утварь, рѣдкая и прекрасная на видъ. Три другія контины менѣе уважались и менѣе были украшены: внутри ихъ кругомъ разставлены были скамьи и столы, потому что тутъ происходили совѣщанія и сходки гражданъ: въ опредѣленные дни и часы они собирались сюда за тѣмъ, чтобы пить, играть или разсуждать о своихъ дѣлахъ [Herb. II, 32][69].

такъ, какъ излагается грамота у Герборда. Отдѣльный списокъ грамоты доселѣ неизвѣстенъ.

69. „Erant autem in ciuitate Stetinensi cóntine quatuor. Sed una ex his, que principalis erat, mirabili cultu et artificio constructa fuit, interius et exterius sculpturas habens, de parietibus prominentes: imagines hominum et uolucrum et bestiarum, tam proprie suis habitudinibus expressas, ut spirare putares ac uiuere. Quodque rarum dixerim, colores imaginum extrinsecarum nulla tempestate niuium uel imbrium fuscari uel dilui poterant; id agente industria pictorum. In hanc edem ex prisca patrum consuetudine captas opes et arma hostium, et quicquid ex preda nauali uel etiam terrestri pugna quesitum erat, sub lege decimationis congerebant. Crateres etiam aureos uel argenteos, in quibus augurari epulari et potare nobiles solebant ac potentes, in diebus sollempnitatum quasi de sanctuario proferendos, ibi collocauerant. Cornua etiam grandia taurorum agrestium deaurata et gemmis intexta, potibus apta, et cornua cantibus apta; mucrones et cultros; multamque suppellectilem preciosam, raram et uisu pulchram, in ornatum et honorem deorum suorum ibi conseruabant“... „Tres alie cóntine minus uenerationis habebant, minusque ornate fuerant. Sedilia tantum intus in circuitu extructa erant et mense; quia ibi conciliabula et conuentus suos habere soliti erant; nam siue potare siue ludere siue seria sua tractare uellent, in easdem edes certis diebus conueniebant et horis“. **Herb.**: II, 32. „In ea siquidem ciui-

Немедленно по прочтеніи посланія Болеслава, Оттонъ съ деревяннаго возвышенія обратился къ народу съ проповѣдью: онъ убѣждалъ поспѣшить принятіемъ христіанской религіи, отказаться отъ глухихъ и нѣмыхъ истукановъ, разрушить святилища, уничтожить изображенія, нетерпимыя истиннымъ Богомъ. Народъ, однако, все еще страшился боговъ своихъ, обитавшихъ въ храмахъ и идолахъ; необходимъ былъ разительный, убѣждающій примѣръ ихъ безсилія, чтобы подвигнуть его къ уничтоженію прежней святыни. Видя это, Оттонъ самъ рѣшился положить начало спасительному дѣлу: вооружившись топорами и крючьями, онъ и его приближенные стали разорять контины и храмы. Граждане стояли и ждали, что сдѣлаютъ боги въ свою защиту; не замѣчая никакого противодѣйствія, они наконецъ усумнились въ ихъ могуществѣ и бросились разрушать и грабить свои святилища, унося строительный матеріалъ ихъ на домашнее употребленіе. Такъ очень скоро разрушены были всѣ четыре контины [Herb. II, 30—31][70]. Народъ опредѣлилъ отдать проповѣдникамъ всѣ сокровища, хранившіяся въ главной континѣ, но Оттонъ отстранилъ предложеніе и велѣлъ раздѣлить ихъ между собою. Въ Штетинѣ стоялъ идолъ съ тремя головами на одномъ тѣлѣ и назывался Триглавомъ; уничтоживъ туловище, епископъ взялъ и унесъ съ собою три смежныя головы, какъ бы въ знакъ побѣды; въ послѣдствіи онъ переслалъ ихъ въ Римъ, представляя Папѣ и всей Церкви видимый памятникъ трудовъ своихъ. Былъ также въ Штетинѣ

tate domus duae, quas ab eo, quod inclusa deorum simulacra continerent continas dixere priores, ingenti cura uel arte constructae haud grandi ab inuicem interuallo distabant, in quibus ab stulto paganorum populo deus Triglous colebatur". Prief. II, 11.

70. „Episcopus, arrepto tempore, pulpitum conscedens: „Nunc, ait, ad nostri sermonis officium uentum est... primo ipsis deceptoribus diis uestris, surdis et mutis sciptilibus, et inmundis spiritibus, qui in eis sunt.. quantocius renunciate; fana diruite, simulacra conterite... Sed scio quia nondum satis confiditis; scio, quod timetis demones inhabitatores fanorum et sculptilium uestrorum; et idcirco non audetis ea comminuere. Sed pace uestra sit, ut ego ipse cum fratribus meis sacerdotibus et clericis simulacra et continas illas aggrediar; et si nos illesos permanere uideritis, uos omnes nobiscum in securi et ascia excisis ianuis et parietibus, deicite illas et incendite". Herb. II, 30. „Episcopus et sacerdotes armati securibus et sarpis cóntinas aggrediuntur et fana, comminuentes et excidentes omnia, scandentes tecta et conuellentes. Stabant autem cives aspicientes, quid dii facerent miserrimi, utrumnam tecta sua defenderent necne. At ubi destructoribus nichil mali euenire uident.... facto impetu diruunt et comminuunt omnia; ipsamque lignorum materiam inter se diripientes ad domos suas in usum foci coquendis panibus et cibis comportabant. Et.. omnes ille contine numero quatuor mira celeritate confracte sunt ac direpte". Herb.: II, 81.

огромный густолиственный дубъ, подъ нимъ протекалъ пріятный источникъ; простой народъ почиталъ дерево священнымъ и оказывалъ ему большое чествованіе, полагая, что здѣсь обитаетъ какое-то божество. Когда епископъ хотѣлъ срубить дубъ, народъ просилъ оставить его, обѣщая впредь не соединять съ этимъ мѣстомъ и деревомъ никакаго религіознаго поклоненія, а пользоваться ими ради простаго удовольствія [Herb. II, 32][71]. Въ числѣ важныхъ предметовъ язычества Штетинянъ, на которые Оттонъ обратилъ вниманіе, былъ огромный вороной конь, очень тучный и быстрый, онъ считался столь священнымъ, что никто не осмѣливался сѣсть на него; круглый годъ онъ стоялъ безъ всякаго употребленія, смотрѣлъ же за нимъ внимательно одинъ изъ четырехъ храмовыхъ жрецовъ. Когда граждане намѣревались отправиться въ походъ противъ врага, или за добычею, то имѣли обычай предузнавать исходъ предпріятія посредствомъ этого коня слѣдующимъ образомъ: полагали девять копій на землю на разстояніи локтя одно отъ другаго, затѣмъ, осѣдлавъ и взнуздавъ коня, жрецъ-смотритель его бралъ его подъ уздцы и провождалъ три или четыре раза взадъ и впередъ чрезъ простертыя копья. Если конь свободно проходилъ, не задѣвая ногою копій или не разбрасывая ихъ, то предвѣщалась удача и народъ шелъ съ увѣренностью на предпріятіе; въ противномъ случаѣ спокойно оставался дома. Оттонъ, не безъ сильнаго противодѣйствія со стороны нѣкоторыхъ, устранилъ этотъ родъ гаданія, а равно и метаніе деревяныхъ жребіевъ, посредствомъ которыхъ производились предвѣщанія объ удачѣ морскихъ битвъ или грабежа; во отвращеніе соблазна онъ велѣлъ продать вѣщаго коня въ чужую землю, увѣряя при этомъ, что онъ болѣе годится для упряжи, чѣмъ для предвѣщаній. Епископъ убѣждалъ народъ уважать христіанъ, какъ братьевъ, не убивать, не продавать и не мучить ихъ въ плѣну, не тревожить и не грабить границъ ихъ, но дружески относиться къ нимъ; женщинамъ же онъ запрещалъ жестокій обычай умерщвленія ново-

71. „Erat ibi simulacrum triceps, quod in uno corpore tria capita habens Triglaus uocabatur; quod [episcopus] accipiens, ipsa capitella sibi coherentia, corpore comminuto, secum inde quasi pro tropheo asportauit et postea Romam pro argumento conuersionis illorum transmisit... Erat preterea ibi quercus ingens et frondosa; fons subter eam amenissimus, quam plebs simplex, numinis alicuius inhabitatione sacram estimans magna ueneratione colebat. Hanc etiam episcopus cum post destructas continas incidere uellet, rogatus est a populo ne faceret. Promittebant enim, nunquam se ulterius sub nomine religionis nec arborem illam colituros nec locum; sub solius umbre atque amenitatis gratia... saluare illam potius, quam salvari ab illa se uelle". Herb.: II, 32.

рожденныхъ дѣвочекъ, ибо тамъ до того времени было въ обычаѣ, если какая женщина рождала много дѣвочекъ, то, ни во что вмѣняя убійство, нѣкоторыхъ изъ нихъ удавливали за тѣмъ, чтобы удобнѣе присматривать и заботиться о другихъ [Herb. II, 33][72].

Очистивъ городъ отъ язычества и устранивъ обычай многоженства, епископъ объяснялъ народу по деревнямъ и площадямъ улицъ истины и догматы христіанства, и новая религія вездѣ принималась безпрекословно: въ огромномъ городѣ, гдѣ считалось девятьсотъ отцовъ семейства безъ женъ, дѣтей и прочей толпы— не нашлось ни одного, кто, послѣ общаго согласія, воспротивился

72. „Habebant [Stetinenses] caballum mire magnitudinis et pinguem, nigri coloris et acrem ualde. Iste toto anni tempore uacabat, tanteque fuit sanctitatis, ut nullum dignaretur sessorem habuitque unum de quatuor sacerdotibus templorum custodem diligentissimum. Quando ergo itinere terrestri contra hostes aut predarum ire cogitabant, euentum rei hoc modo per illum solebant prediscere: Haste nouem disponebantur humo, spacio unius cubite ad inuicem disiuncte. Stratto ergo caballo atque frenato, sacerdos, ad quem illius pertinebat custodia, tentum freno per iacentes hastas in transuersum ducebat ter atque reducebat. Quodsi pedibus inoffensis hastisque indisturbatis equus transibat, signum habuere prosperitatis et securi pergebant; sin autem, quiescebant. Hoc ergo genus sortium aliasque ligneas calculationes, in quibus naualis pugne uel prede considerabant auguria, quamuis multum retinentibus aliquibus, Dei tandem auxilio penitus abrasit; ipsumque profani uaticinii caballum, ne simplicibus esset offensionis laqueus, in aliam terram uendi precepit; asserens hunc magis quadrigis quam propheciis idoneum. Cumque omnes superstitiones et enormitates suas episcopo docente abiecissent, monuit: ut omnes christianos, fratres suos reputantes, nec uenderent nec interficerent neque captiuando torquerent, nec terminos eorum turbarent, nec predas ex eis tollerent; sed fraterne ac socialiter se cum omnibus gererent eademque ab illis mutuo sperarent. Et quod omni immanitate crudelius erat femineos partus enecare, ne ultra fieret, mulieres collaudare monebat. Nam usque ad hec tempora si plures filias aliqua genuisset, ut ceteris facilius prouiderent, aliquas ex eis iugulabant, pro nichilo ducentes parricidium". Herbor.: II, 33. Прифлингенскій монахъ, сходясь въ главномъ съ Гербордомъ, прибавляетъ нѣкоторыя поясненія, заслуживающія быть отмѣченными: „Et equum formae praestantis, qui dei Trigloi dicebatur, ciues alere consueuerunt. Nam et sella eius auro et argento, prout dominum deceret, ornata in altera continarum ab ydolorum pontifice seruabatur qua nimirum equus diuinus instructus loco et tempore constituto procederet, cum ad captanda auguria uario errore delusus gentilis ille populus conueniret. Erat uero auguriorum huiusmodi consuetudo. Hastis pluribus sparsim positis equum Trigeloi per eas transire fecerunt. Qui cum nullam earum de ambulando contigeret, ualens uidebatur augurium, ut equis sedentes pergerent ad praedandum. At si quam earum suo contigisse incessu, interdictam sibi diuinitus equitandi facultatem arbitrantes, ad sortes se illico contulerunt, quatenus ex earum consideratione cognoscerent, utrum nauigando, an potius ambulando praedatum ire deberent". Prief. II, 11.

бы истинѣ Евангелія; недоволенъ былъ только жрецъ—блюститель извѣстнаго священнаго коня, всячески старавшійся противодѣйствовать Оттону; но онъ вскорѣ умеръ, и смерть его, къ пользѣ дѣла, объяснили наказаніемъ божьимъ [Herb. II, 34][73]. Обрядъ крещенія горожанъ и приходившаго деревенскаго народа исполнился установленнымъ порядкомъ; затѣмъ Оттонъ построилъ и освятилъ двѣ церкви, одна [во имя св. Адальберта] стояла среди торговаго мѣста, на холмѣ Триглава; другая [во имя св. Петра]—на площади предъ входомъ въ городъ. Епископъ снабдилъ ихъ всѣмъ необходимымъ для служенія и оставилъ одного изъ спутниковъ своихъ—священникомъ [Herb. II, 36; III, 14, 16; Ebo: III, 1][74].

Между тѣмъ Волынцы узнали объ успѣхѣ Оттоновой проповѣди въ Штетинѣ: они тайно посылали сюда осторожныхъ и разумныхъ развѣдчиковъ, которые наблюдали за дѣйствіями проповѣдниковъ. Не найдя въ нихъ никакого обмана и хитрости и видя общее обращеніе Штетинянъ въ христіанство, посланные возвратились въ Волынъ, передали обо всемъ своимъ согражданамъ и превозносили превосходства новой религіи [Herb. II, 37]. Возбужденные этимъ Волынцы отправили къ Оттону почетныхъ пословъ и призывали его къ себѣ, говоря: „мы не смѣли нарушить закона отцовъ и предковъ нашихъ безъ согласія бо́льшихъ людей, которые находятся въ метрополіи нашей Штетинѣ, но послѣ того, какъ твой Богъ покорилъ чрезъ тебя нашихъ старѣйшинъ, мы, оставя всякое противорѣчіе, готовы слушать твои наставленія и принять ученія спасенія“ [Ebo: II, 11][75]. Оттонъ и самъ не забылъ прежняго рѣшенія Волынцевъ: по обращеніи Штетины онъ хотѣлъ немедленно

73. „Emundata ciuitate ab immanitate scelerum et spurcitiarum, abdicata etiam coniugum pluralitate, fiunt cathecismi per uicos et capita platearum... In tam ingenti ciuitate, que nongentos patres familias absque paruulis et mulieribus et reliqua multitudine numeratos habebat, non est inuenta persona, que post generalem consensum ab euangelii ueritate se retrahere niteretur; nisi tantum solus ille sacerdos, qui prefati caballi habebat curam“. Herb.: II, 34.

74. „Curebant [sc. ciues] de ipsa ciuitate et de omni circum pouincia felices anime, ad regales nuptias ingredi festinantes“. Herb.: II, 36. Въ этомъ мѣстѣ Герборд говоритъ только о постройкѣ одной церкви: „extructa basilica diligenti artificio in medio foro Stetinensi... [Otto] sacerdotem inuestir curauit“; но въ описаніи втораго путешествія упоминаетъ и о другой: „fuit basilica ante introitum ciuitatis [Stetine] in area spaciosa, quam ipse [sc. Otto] in priori profectione dedicauerat“, III, 14, conf. ib. 16. Эбонъ, III. 1, прямо говоритъ о постройкѣ двухъ церквей. См. ниже стр. 62, пп. 88.

75. „Iulinenses... cum audissent Stetinenses fidem recepisse... legatos honorabiles ad reuocandum uirum Dei miserunt... „Nos—inquiunt, pater honorande, antiquam patrum et maiorum nostrorum legem sine consensu primatum,

поспѣшить къ нимъ; но его просили прежде посѣтить двѣ крѣпости, Градецъ и Любинъ, которыя находились недалеко отъ Штетины и принадлежали къ ея погосту [76]. Окрестивъ жителей этихъ крѣпостей, освятивъ олтарь и назначивъ священника, Оттонъ со спутниками спустились Одрою въ море и прибыли по благопріятному вѣтру къ Волыну. На этотъ разъ Волынцы дружелюбно приняли проповѣдниковъ: не только городъ, но и вся область приняла христіанство, и таково было множество приходившаго народа, мужей, женъ и дѣтей, что въ два мѣсяца неустаннаго труда Оттонъ съ сотрудниками едва успѣли исполнить таинство крещенія [Herb.: II, 37] [77]. Дѣло необошлось, однако, безъ противодѣйствія съ стороны главныхъ хранителей язычества, жрецовъ: не имѣя силы вести открытую борьбу, они тайно старались возбудить ненависть противъ епископа и погубить его. По разореніи языческихъ святилищъ и уничтоженіи идоловъ, жрецы скрыли золотое изображеніе особенно чтимаго ими Триглава, унесли его изъ области и отдали на храненіе какой-то вдовѣ, проживавшей въ небольшой деревнѣ, гдѣ почти невозможно было открыть его. Вдова берегла истуканъ, какъ зѣницу ока: она, обернувъ покрываломъ, спрятала его въ дуплистомъ пнѣ огромнаго дерева, такъ что нельзя было даже и видѣть его. Въ пнѣ оставалось только небольшое отверстіе, куда влагалась жертва, и въ домъ вдовы приходили для со-

quos in hac Stetinensi nostra metropoli reueremus, infringere non presumpsimus. Sed postquam Deus tuus principes nostros sibi per te subegit, nos quoque, omni remota contradictione, monitis tuis obtemperare et doctrinam salutis excipere parati sumus". Ebo: II, 11.

76. „Episcopus, tenorem pacti, quo ab eis [sc. Julinensibus] recesserat, mente habens, cogitabat quidem statim post conuersionem Stetine ad eos properare; sed rogatus est duo prius inuisere castella, Gradiciam uidelicet et Lubinum; que in confinio posita ad pagum pertinebant Stetinensem". Herb.: II, 37.

77. „Tota ciuitas [Iulin] et prouincia cum populo suo apposita est ad Dominum; tantaque fuit multitudo uirorum et mulierum et utriusque sexus puerorum, ut in spacio duorum mensium, quamuis sine cessatione instaremus operi, uix omnes tingere possemus"; Herb. II, 37. Эбонъ передаетъ даже число крещеныхъ: „Computatus est autem numerus baptizatorum illo tempore uiginti duo milia et centum quinquaginta sex homines".. Ebo II, 11. Прифлингенскій монахъ говоритъ, что Волынцы: „continam unam, inter alia sacra deificam illam Iulii Caesaris quam colebant lanceam continentem in manum episcopi tradiderunt. Далѣе слѣдуетъ чудо, которое заслуживаетъ быть приведено, потому что въ основѣ его лежитъ знаніе мѣстныхъ обстоятельствъ: „ubi ea contina sita erat fluuius redundans paludem fecerat, et iam undique circumfluentibus aquis, una tantum in parte per eam ponte porrecto fanum illud adiri poterat. Quod ubi in potestatem episcopi, conuersa ad Dominum gentilitate, concessit, ita subito arefactus est locus, ut omnes qui aderant mirarentur".. II, 16.

вершенія языческихъ обрядовъ. Оттонъ провѣдалъ объ этомъ и, боясь, чтобы идолъ не привлекъ снова къ язычеству грубаго и неокрѣпшаго въ вѣрѣ народа, обдумывалъ способъ, какимъ можно было бы добыть святыню язычниковъ. Онъ видѣлъ, что прямымъ путемъ этого нельзя достигнуть: жрецы, узнавъ о его намѣреніи, постараются укрыть идолъ въ болѣе скрытое мѣсто, потому онъ рѣшился тайно отправить ко вдовѣ одного изъ своихъ спутниковъ — Германа, человѣка разумнаго и знавшаго языкъ туземцовъ. Посланникъ долженъ былъ итти переодѣтый въ народную одежду, какъ будто для принесенія жертвы Триглаву. Германъ купилъ себѣ шапку и плащъ, какіе носили туземцы, и не безъ затрудненій и опасностей отыскалъ извѣстную вдову; онъ увѣрялъ ее, что спасся отъ морскаго крушенія помощью призваннаго Триглава и хочетъ теперь принести ему благодарственную жертву. Женщина указала пришлецу зданіе, гдѣ стоялъ пень, въ которомъ скрывался идолъ и научила его куда должно было вложить жертву. Германъ поспѣшно вошелъ въ зданіе, бросилъ въ отверстіе пня драхму серебра, чтобы по звуку металла могли думать, что онъ приноситъ жертву и быстро вытащилъ назадъ брошенныя деньги. Онъ внимательно разсматривалъ предметы, думая какъ бы исполнить данное порученіе: идолъ Триглава такъ тщательно и плотно былъ прикрѣпленъ къ дереву, что не было возможности не только отдѣлить, но даже и двинуть его; но на стѣнѣ висѣло сѣдло Триглава, очень ветхое и негодное ни къ какому употребленію. Германъ оторвалъ его отъ стѣны и ночью унесъ съ собою къ епископу, какъ доказательство своихъ усилій овладѣть истуканомъ Триглава[78]. Оттонъ отказался отъ дальнѣйшихъ попытокъ: онъ

78. „Soli pontifices ydolorum uie Domini resistebant et multas seruo Dei tendentes insidias, occulte eum perimere nitebantur. Sed multitudine plebis cottidie ad fidem conuolante, cum nullus sacrilegis et profanis sacerdotibus ad eum pateret accessus, confusi... longius extra regionem illam secesserunt... Cum uero delubra et effigies ydolorum a pio Ottone destruerentur, profani sacerdotes aurem imaginem Trigelawi, qui principaliter ab eis colebatur, furati, extra prouinciam abduxerunt et cuidam uidue, apud uillam modicam degenti, ubi nec spes ulla requirendi esset, ad custodiendum tradiderunt. Que mercede ad hoc conducta, quasi pupillam oculi sui includens profanum illud custodiebat simulacrum; ita ut, trunco ualidissime arboris cauato, illic imaginem Trigelawi pallio obductam includeret et nec uidendi ne dicam tangendi illud cuiquam copia esset. Solummodo foramen modicum, ubi sacrificium inferretur, in trunco pabebat; nec quisquam domum illam nisi profanos sacrificiorum ritus agendi causa intrabat. Quod audiens, inclitus Pomeranorum apostolus multifaria intencione satagebat, quoquo mode illuc attingere; premetuens, quod et accidit, post abscessum suum rudibus adhuc et necdum in fide confirmatis plebibus simalcrum illud in ruinam futurum,

опасался, что туземцы объяснятъ его стремленія жаждой золота: потому удовольствовался тѣмъ, что, собравъ знатныхъ и старѣйшихъ, взялъ съ нихъ клятву оставить почитаніе Триглава, сокрушить истуканъ, а все золото употребить на выкупъ плѣнныхъ [Ebo: II, 13][79]. Когда Оттонъ еще былъ въ Волинѣ, возвратились въ городъ многіе изъ Волинцовъ, ходившіе по торговымъ дѣламъ за море: они также не оказали противодѣйствія христіанству и были немедленно крещены. Въ Волинѣ епископъ построилъ двѣ церкви: одна—въ честь св. Адальберта и Вячеслава, особенно уважаемыхъ туземцами, стояла въ самомъ городѣ, на мѣстѣ, гдѣ прежде происходило языческое богослуженіе; другая—въ честь св. Петра за городомъ на обширномъ и пріятномъ полѣ [Ebo: II, 15][80]. Такъ

Sed prudenter animaduertens, utpote uir omni sagacitate preditus: quia, si publicam illo profectionem indiceret, sacerdotes, audito eius aduentu, imaginem Trigelawi rursum ad remociora occultando abducerent, sapienti usus consilio, quendam ex comitibus suis Hermannum nomine, barbare locutionis sciolum sensuque et ingenio satis acutum, latenter ad uiduam illam destinare curauit. Cui etiam precepit, ut, assumpto habitu barbarico, ad sacrificandum Trigelawo se pergere fingerent. Hermannus itaque, pilleolum barbaricum et clamidem mercatus, post multa ardue uie pericula uiduam illam tandem conueniens, asserebat: se, nuper de procelloso maris gurgite per inuocationem dei sui Trigelawi erutum ideoque debitum ei pro saluatione sua sacrificium litare desiderantem ductu eius illo mirabili ordine per ignotos uie tractus deuenisse. At illa: „Si ab eo, inquit, missus es, ecce edes, in qua deus noster robore cauato inclusus detinetur. Ipsum quidem uidere et tangere non poteris; sed ante truncum procidens, eminus foramen modicum, ubi quod nouisti sacrificium inferas, attende. Quod dum imposueris, reuerenter clauso ostio, egredere. Et si uite tue consultum esse uolueris, caue, ne cuiquam hunc patefacias sermonem“. Qui alacer edem illam ingressus, dragmam argenti in foramen iactauit, ut sonitu metalli sacrificasse putaretur. Sed concitus, quod iecerat, retraxit; et pro honore contumeliam Trigelawo, id est sputaculum ingens pro sacrificio, obtulit. Deinde curiosius attendens, si forte negocii, pro quo missus erat, exequendi facultas ulla suppeteret, animaduertit imaginem Trigelawi tanta cautella et firmitate trunco inpressam, ut nullo pacto eripi aut saltem loco moueri posset... Et circumferens oculos uidit sellam Trigelawi comminus parieti affixam; erat autem nimie antiquitatis et nullo iam pene usui apta. Statimque exiliens cum gaudio, infaustum munus parieti detrahit et abscondit. Primoque noctis conticinio egressus, omni festinatione dominum suum sociosque reuisit; cuncta que egerat replicat, sellam etiam Trigelawi in testimonium fidei sue representat“. Ebo II, 13.

79. „Apostolus Pomeranorum, habito cum suis consilio, sibi quidem et suis ab hac requisicione desistendum censuit, ne non tam zelo iusticie quam auri cupiditate hoc agere uideretur. Collectis tamen et adunatis principibus ac natu maioribus, iusiurandum ab eis exegit: ut cultura Trigelawi penitus abdicaretur et, confrancta imagine, aurum omne in redemptionem captiuorum erogaretur“. Ebo: II, 13.

80. „Plurimi Iulinensium pro negociatione sua trans mare abierant: qui audita

—какъ Волинъ былъ средоточіемъ Поморья и жители его отличались энергіей и упорствомъ, то князь Вартиславъ и правители земли опредѣлили быть въ немъ главному мѣстопребыванію епископа: они надѣялись, что постоянное присутствіе наставника смягчитъ нравы грубаго народа и удержитъ его отъ возврата къ языческой жизни [Herb. II, 37] [81].

Изъ Волына, чрезъ Камину, миссія прибыла въ Клодно. Жители города только-что возвратились съ морскихъ островов, куда бѣжали, скрываясь отъ польскаго погрома. Проповѣдники не встрѣтили здѣсь никакого противорѣчія своему дѣлу, они свободно водрузили знамя креста, приводили въ истинную вѣру и поучали народъ. Такъ какъ мѣстность была пріятна и лѣсиста и предлагала обильный матерьялъ для построекъ, то они основали обширную церковь благороднаго стиля въ честь св. креста и спѣшили далѣе къ богатой, впереди ожидавшей ихъ жатвѣ. Перейдя рѣку [Регу], протекавшую возлѣ Клодны, они нашли на какой-то обширный и пространный городъ, опустошенный мечомъ и огнемъ и лежавшій въ развалинахъ. Повсюду видны были слѣды пожарища и кучи наваленныхъ труповъ. Жалкій остатокъ жителей разсказывалъ, что они—слуги тѣхъ, которые были здѣсь убиты или плѣнены польскимъ княземъ, имъ удалось спастись бѣгствомъ отъ погибели, и они возвратились теперь на родное пепелище. Они не успѣли еще порядочно устроиться и жили между развалинами стѣнъ, защитивъ ихъ сверху кровлею изъ вѣтвей и хвороста. Оттонъ предложилъ имъ утѣшеніе и окрестилъ ихъ. Въ тоже время онъ привелъ къ христіанству и многихъ жителей, приходившихъ сюда изъ окрестныхъ селъ [Herb. II, 38; Ebo II, 18] [82].

ciuium suorum conuersione... et ad metropolim suam reuersi... a presbiteris baptizati, ciuibus suis... adunantur. Apostolus Pomeranorum duas illic ecclesias constituit: unam in ciuitate Iulin sub honore sct. Adelberti et Winezlai, qui magne apud barbaros opinionis erant, in loco ubi profani demoniorum ritus agi solebant... alteram extra ciuitatem in campo mire latitudinis et amenitatis in ueneratione apostolorum principis edificauit, illique sedem episcopalem statuit". Ebo: II, 15.

81. „Quia ciuitas hec in meditullio sita est Pomeranie ciuesque Iulinenses fortes et dure ceruicis, tam dux Vratizlaus quam principes terre sedem episcopatus illic constituendum fore censuerunt; scilicet ut gens aspera ex iugi doctoris presentia mansuesceret, nec ad pristinos rediret errores". Herb.: II, 37.

82. „Mouentes a Iulina, Clódonam uenimus; nichilque difficultatis aut contradictionis illic inuenientes, sancte crucis tropheum ibi ereximus. Et quia locus nemorosus erat et amenus et ligna ad edificandum suppetebant, in honore sancte crucis ingentem ecclesiam de nobili artificio fundauimus". Herb. II, 38. „Primum castellum Gamin, exin Dodinensem locum [очевидная описка въ ркп. вм. Clodinensem]... addit; ubi multos Pomeranorum, de insulis

Отсюда проповѣдники пришли къ Колобрегѣ, лежавшей на берегу моря. Городъ былъ почти пустъ, потому что жители — по обычаю купцовъ — отправились торговать въ море, на острова. Остававшіеся дома говорили, что они не могутъ рѣшиться на что нибудь новое безъ прочихъ согражданъ и потому нѣкоторое время отказывались принять христіанство, но потомъ уступили настойчивымъ увѣщаніямъ Оттона... Окрестивъ ихъ, основавъ олтарь и жертвенникъ и устроивъ все необходимое для возникавшей церкви, Оттонъ съ сотрудниками перешли въ Бѣлградъ, отстоявшій на одинъ день пути отъ Колобреги. Въ Бѣлградѣ они имѣли тотъ же успѣхъ.

Изъ всего Поморья—миссіи оставалось теперь посѣтить еще четыре города: Узедомъ, Волегощь, Гостьковъ и Дыминъ съ принадлежащими къ нимъ погостами, селами и островами; но на это уже не доставало времени: стояла глубокая зима, да и дѣла бамбергской епархіи требовали немедленнаго возвращенія Оттона [Herb. II, 39; Ebo, II, 18, 16, 17][83]; потому онъ рѣшился въ Бѣлградѣ положить предѣлъ своей дѣятельности и отправиться въ обратный путь по прежней дорогѣ.. Онъ снова навѣстилъ мѣста, въ которыхъ трудился, и снова имѣлъ случай въ Клоднѣ, Волынѣ и Штетинѣ пріобрѣсть для христіанства многихъ. Это

maris reuersos, ubi timore Polizlai ducis occultati erant, baptizauit". Ebo II, 18. „Transito flumine, quod Clodonam preterlabitur, ciuitatem quandam inuenimus, magnam quidem ambitu et spaciosam, sed raros incolas. Nam ferro et incendio se uastatam, adustionum signis et cadauerum aceruis spectantibus indicabat. Ipsi autem incole tenues, illorum se fuisse clientulos, qui a duce Polonie illic interfecti erant et captiuati, asserebant, et a facie gladii saluatos se fuge presidio. Fecerant autem ex ramis et uirgultis circa ruinas parietum tuguria et umbracula, quibus tegebantur, quousque tecta meliora instaurarent. Hos pater optimus uerbis consolans et stipe releuans, benignissime instruxit et baptizauit. Multi etiam de uiculis circumpositis ruricole illic confluentes fidei percepere sacramenta". Herb. II, 38. „Hec occupatio predicatori ueritatis moram redeundi fecit, cumque in Dodinensi loco aliquamdiu detinuit". Ebo, II, 18.

83. „Inde Colobrégam peruenimus, que super litus maris sita est. Sed quia ciues illius pene omnes institorum more ad exteras insulas negociandi causa nauigauerant, illi, qui domi reperti sunt, absentibus suis conciuibus nichil se noui aggressuros dicebant; atque sub tali occasione aliquamdiu resisterunt euangelio. Tandem exhortationibus crebris ab episcopo superati sunt. ... [Otto] diei unius itinere distantem à Colobréga Belgrádam petens, simili operum effectu illic letificatus est... Quod ubi factum erat, uisum est ei bonum esse—omissis quatuor que supererant ciuitatibus cum pagis uiculis et insulis suis, Vznoimia uedelicet Hologosto, Cozgougia et Timina; quia tempus eum reuocabat; hiemps quippe erat—id quod plantauerat, interim irrigare". Herb. II, 39.

были—торговые люди: во время перваго крещенія они, по своимъ дѣламъ, находились въ чужихъ земляхъ и возвратились домой уже по отходѣ Оттона. Крещеніе ихъ и утвержденіе въ вѣрѣ народа, на этомъ разъ дружественно и радостно встрѣтившаго проповѣдниковъ, нѣсколько задержало Оттона. Видя общее расположеніе и любовь къ себѣ Поморцевъ, онъ даже, если вѣрить Герборду, хотѣлъ навсегда остаться у нихъ, но былъ удержанъ отъ этого своими сотрудниками. Въ началѣ Февраля 1125 миссія вышла изъ предѣловъ Поморья въ Польшу, потрудившись въ немъ тк. обр. около восьми мѣсяцовъ[84].

Въ Гнѣзднѣ ихъ встрѣтилъ съ великимъ почетомъ и благодарностью князь Болеславъ и, одаривъ всѣхъ богато, приказалъ проводить до предѣловъ Чехіи. Оттонъ видимо торопился поспѣть въ Бамбергъ къ празднику Пасхи, потому, предоставивъ устройство новой поморской епископіи—заботливости и попеченіямъ Болеслава, быстро прошелъ Чехію и 24 марта 1125 былъ встрѣченъ въ Михельфельдѣ своимъ народомъ и церковнымъ причтомъ. Въ Бамбергъ онъ торжественно вступилъ въ самый день свѣтлаго Воскресенья [29 Марта], народъ, духовенство и монахи окрестныхъ монастырей приняли его со слезами радости, какъ будто воскресшаго изъ мертвыхъ, и торжественный гимнъ „Aduenisti desiderabilis“ привѣтствовалъ приходъ новаго апостола Поморской земли [Ebo: II, 18; Herb.: II, 42].

Общее впечатлѣніе, вынесенное проповѣдниками изъ долгаго странствія по славянскому Поморью не было мрачнымъ: они видѣли страну, богато одаренную природой и людей, правда—грубыхъ, но отличавшихся и многими добрыми качествами. Собирая въ одно цѣлое свои воспоминанія Сефридъ такъ отзывается о Поморьѣ: „страна невѣроятно обильна рыбою, добываемою какъ изъ моря, такъ изъ рѣкъ, озеръ и прудовъ; на одинъ денарь можно купить цѣлый возъ свѣжихъ, вкусныхъ и жирныхъ сельдей; въ такомъ же изобиліи водится и дичь: олени, дикіе быки и кони, медвѣди, кабаны, свиньи и всякіе другіе звѣри. Здѣсь добывается

84 „Discretus pontifex apud Belgradam terminum ponens euangelii, omnia loca et ciuitates superius nominatas... denuo perlustrauit, cogniturus quomodo se haberent sata... Atque... quam plurimos inuenit baptizandos, qui generali baptizmo prius interesse non poterant; eo quod in exteris partibus perigrinati negocia sua exercerent. Quorum profecto Clódone, Iuline, Stetine maxima erat copia... Nullam ciuitatem aut locum plantationis sue relinquere uoluit [sc Otto], quam non semel aut sepius ante exitum a terra confortationis et consolationis causa reuiseret; et tanto amore sue plantationis flagrabat episcopus, quod uoluntatem plenariam apud eos [sc. Pomeranos] remanendi haberet; sed a clericis suis dissuasus est“. Herb. II, 40.

въ излишествѣ масло отъ коровъ, молоко отъ овецъ, жиръ отъ барановъ и козловъ и медъ; обильно родится пшеница, конопля и макъ и всякаго рода овощи, и еслибы въ странѣ произрастали виноградная лоза, маслина и фиговое дерево, ее можно бы назвать обѣтованною землею по богатству плодоносныхъ деревьевъ. Между жителями господствуетъ такая честность и общительность, что они не знаютъ, что такое кража и обманъ и не запираютъ своихъ ящиковъ и сундуковъ; мы не видѣли тамъ ни замковъ, ни ключей, и сами они удивлялись, когда увидѣли запертыми наши вьюки и сундуки. Платье свое, деньги и все дорогое они сохраняютъ въ покрытыхъ сосудахъ и бочкахъ, не опасаясь никакаго обмана, потому именно, что не испытали его. Что́ особенно вызываетъ удивленіе—ихъ столъ никогда не стоитъ пустымъ, никогда не остается безъ яствъ, но каждый отецъ семейства имѣетъ отдѣльный домъ, опрятный и честный, назначенный только для удовольствія. Здѣсь всегда стоитъ столъ съ различными напитками и яствами: принимаются одни, немедленно ставятся другіе; нѣтъ ни мышей, ни кошекъ, но чистая скатерть покрываетъ яства, ожидающія потребителей; и въ какое время кто не захотѣлъ бы поѣсть, будутъ ли то чужіе—гости или домочадцы, ихъ ведутъ ко столу, гдѣ стоитъ все готово“ [Herb.: II, 41] [85]. Было, однако, много и темныхъ сторонъ въ жизни и нравахъ поморскаго народа. На нѣкоторыя изъ нихъ указываетъ Оттонъ въ оффиціальномъ отчетѣ о своей дѣятельности, представленномъ папѣ Каликсту II. Ознакомившись со стра-

85. „Piscium illic tam ex mari, quam et aquis et lacubus et stagnis habundantia est incredibilis. Carratamque pro denario recentis acciperes allecis; de cuius sapore uel crassitudine, gulositatis arguerer, si dicerem, quod sentio. Ferine: ceruorum bubalorum et equulorum agrestium, ursorum aprorum porcorum omniumque ferarum copia redundat omnis prouincia. Butirum de armento et lac de ouibus cum adipe agnorum et arietum, cum habundantia mellis et tritici cum canauo et papauere et cuncti generis legumine. Atque si uitem et oleam et ficum haberet, terram esse putares repromissionis propter lignorum habundantiam fructiferorum... Tanta vero est fides et societas inter eos, ut, furtorum et fraudium penitus inexperti, cistas aut scrinia serata non habeant. Nam seram uel clauem ibi non uidimus; sed et ipsi admodum admirati sunt, quod clitellas nostras et scrinia serata viderunt. Vestes suas, pecuniam et omnia preciosa sua in cuppis et doliis suis simpliciter coopertis recondunt, fraudem nullam metuentes utpote inexperti. Et quod mirum dictu, mensa illorum nunquam disarmatur, nunquam deferculatur; sed quilibet paterfamilias domum habet seorsum mundam et honestam, tantum refectioni uacantem. Illic mensa cum omnibus, que bibi ac mandi possunt, nunquam uacuatur, sed aliis absumptis alia subrogantur. Non sorex, non sorilegus [? soricilegus] admittitur, sed de mappa mundissima fercula teguntur, comesuros expectantia. Quacunque igitur hora reficere placuerit, hospites sint, domestici sint, omnia parata inueniunt intromissi ad mensam“. Herb.: II, 41.

ной поморскихъ язычниковъ и нѣкоторыми городами земли Лютичей при проповѣди христіанства, епископъ нашелъ необходимымъ воспретить туземцамъ слѣдующее: предавать смерти новорожденныхъ дочерей—какое беззаконіе было сильно между ними распространено—, имѣть многихъ женъ, хоронить мертвыхъ христіанъ между язычниками въ лѣсахъ и на поляхъ, полагать сучья на могилы ихъ и исполнять всякіе языческіе обычаи, строить идольскія капища, прибѣгать къ вѣдуньямъ, производить гаданія [Ebo: II, 12] [86].

86. „Anno dominice incarnationis millesimo centesimo uicesimo quarto, indictione secunda, Calixto papa secundo Romane sedi presidente, Otto Dei gratia Babenbergensis ecclesie octauus episcopus... partes Pomeranorum paganorum cum quibusdam ciuitatibus terre Liuticie aggressus est, ut eos ab errore gentilitatis reuocaret... Hoc etiam districta redargutione prohibuit: ne filias suas necarent, nam hoc nephas maxime inter eos uigebat... et unus quisque contentus sit una uxore, ne sepeliant mortuos christianos inter paganos in siluis aut in campis; ne fustes ad sepulchra eorum ponant; omnem ritum et prauitatem paganam abiciant; domos ydolorum non construant; phitonissas non adeant, sortilegi non sint". Ebo: II, 12. Что это посланіе дѣйствительно идетъ отъ Оттона—свидѣтельствуетъ Эккегардъ: Mon, Germ. VI, 263, см. у Яффé: Ebonis—Vita Ottonis, p. 58, in notis. Въ текстѣ этого посланія въ Хроникѣ Эккегарда прибавлены въ концѣ и самыя имена городовъ, посѣщенныхъ Оттономъ: Nomina ciuitatum: Piriz, Stetin, Vulin, Gamen, Colbrech, Belgrado, Lubin, Gresch". Pertz, Monum. XII, p, 851. in not.

Вторая проповѣдь Оттона въ Поморьѣ.

Съ обращеніемъ Волына и Штетины, двухъ важнѣйшихъ городовъ славянскаго поморья—въ христіанство, язычество, казалось, было подорвано въ самомъ корнѣ; но не такъ было на самомъ дѣлѣ. Вѣковыя убѣжденія, вѣрованія и привычки народа немогли сразу исчезнуть: они только до поры—времени посторонились и скоро потянули неофитовъ на прежнее.

Неизвѣстно, что происходило въ Поморьѣ по уходѣ Оттона, только не прошло и трехъ лѣтъ, какъ онъ получилъ извѣстіе, что Волынъ и Штетина снова возвратились къ обычаямъ язычества.

Разсказывали, что это случилось такимъ образомъ.

Городъ Волынъ, въ которомъ стояла огромная колонна съ воткнутымъ копьемъ, посвященнымъ, будтобы, Юлію Цезарю, имѣлъ обычай праздновать въ началѣ лѣта торжество какаго то божества; на этотъ праздникъ для игръ и плясокъ сходилось множество народа. Когда Волынцы обращались въ христіанство, тогда, по приказу Оттона, преданы были огню большіе и малые идолы, стоявшіе на открытомъ мѣстѣ. Нѣкоторые изъ жителей тайно унесли и скрыли нѣсколько небольшихъ, украшенныхъ золотомъ и серебромъ изваяній. Пришло время названнаго языческаго праздника, сошелся съ обычнымъ усердіемъ изо всей области народъ и предавался различнымъ играмъ и пиршеству, когда передъ него вынесли сохраненныя изображенія его прежнихъ боговъ. Этого было достаточно, чтобы разгоряченный веселіемъ народъ снова возвратился къ старому языческому обряду служенія имъ. Но среди игръ и плясокъ по языческому обычаю—въ городѣ вдругъ произошелъ пожаръ и распространился съ такою быстротою и силою, что жители не только не могли спасти что либо изъ своего имущества, но и сами едва избѣжали смерти. Когда огонь стихъ,

они возвратились въ опустошенный городъ и увидѣли среди пожарища церковь св. Адальберта, которую Оттонъ, за недостаткомъ камня, выстроилъ изъ досокъ; она полусгорѣла, но трапеза, крытая тростникомъ и внизу опоясанная полотномъ—осталась невредима. Народъ принялъ это за чудо и снова, отказавшись отъ идоловъ, обратился въ христіанство[87]. Хотя исходъ дѣла не могъ не радовать Оттона, но самое происшествіе показывало, какъ еще нетверды въ вѣрѣ были Волынцы.

Доносились вѣсти и о шаткости христіанства въ Штетинѣ. Штетина, огромный городъ, большій, чѣмъ Волынъ, заключалъ въ себѣ три холма; высшій изъ нихъ находился въ срединѣ и былъ посвященъ верховному языческому богу Триглаву. Здѣсь стоялъ треглавый идолъ; золотая повязка покрывала очи и уста его. Жрецы увѣряли: верховный богъ имѣетъ три головы потому, что властвуетъ надъ тремя царствами: небомъ, землею и преисподней, золотая же повязка покрываетъ лицо его въ знакъ того, что онъ необращаетъ вниманія на проступки людей, какъ будто не видитъ и молчитъ о нихъ. По обращеніи въ христіанство этого могущественнаго города, идолы были преданы сожженію, на тригла-

87. „Ottone post primum gentis Pomeranice apostolatum ad sedem propriam feliciter reuerso, due ex nobilissimis ciuitatibus, id est Iuliu et Stetin.. ad pristinas ydolatrie sordes rediere, hac uidelicet occasione. Iulin, a Iulio Cesare condita et nominata, in qua etiam lancea ipsius columpne mire magnitudinis ob memoriam eius infixa seruabatur, cuiusdam ydoli celebritatem in inicio estatis maximo concursu et tripudio agere solebat. Cumque.. per pontificem ydola maiora et minora, que in propatulo erant, ignibus conflagrari cepissent, quidam stultorum modicas ydolorum statues, auro et argento decoratas, clam furati penes se absconderunt, nescientes quale per hoc urbis sue operarentur excidium. Nam ad predictam ydoli celebritatem comprouincialibus solito feruore concurrentibus ludosque et commessationes multiformi apparatu exhibentibus, ipsi dudum absconditas simulacrorum effigies populo inani leticia resoluto presentates, eos ad antiquum paganizandi ritum impulerunt. Statimque per hoc diuine correptiones plagam incurrerunt. Siquidem ludis et saltationibus paganico more omni populo occupato, subito ignis Dei cecidet e coelo super apostatricem ciuitatem; tantaque uiolencia tota urbs conflagrari cepit, ut nemo quippiam de rebus suis eripere ualeret sed animas tantum suas saluare cupientes, fuga pernici seuiens incendium uix euaderent. Tandem uero urbe sua ignis atrocitate deleta, reuersi inuenerunt ecclesiam s. Adelberti per Ottonem illuc in meditullio propter raritatem lapidum firmo lignorum tabulatu constructam, ex media parte flammarum uaporibus absumptam. Sed mirum in modum sanctuarium, quod uiliori scemate id est harundineto contectum fuerat, subter habens pannum lineum oppansum propter uermiculos ab altari arcendos, omnimo ab ignibus intactum remanserat. Quo ingenti uiso miraculo, tota plebs... abiuratis penitus ydolis urbeque sua, prout poterant, reedificata, iugo Christi ceruices suas alacri deuotione submiserunt". Ebo: III, 1.

вовой горѣ построена церковь въ честь св. Адальберта, а другая, во имя св. Петра—за городскою стѣною; жертвы и богатые дары, которые прежде обильно приносились жрецамъ и языческимъ святилищамъ отошли на церкви. Это, какъ полагали, возбудило жрецовъ: видя, что прежніе роскошные доходы ихъ со дня на день все болѣе слабѣютъ, они искали случая возобновить ихъ, обративъ народъ въ прежней религіи. Случилось, что въ городѣ появилась большая смертность; народъ прибѣгнулъ къ жрецамъ, спрашивая о причинѣ; жрецы говорили, что это—наказаніе за отпаденіе отъ религіи отцовъ и грозили немедленною смертью, если не умилостивятъ своихъ старыхъ боговъ жертвами и обычными приношеніями. Слово подѣйствовало на суевѣрные, запуганные умы: собралось вѣче, отыскали снова идоловъ, и снова всѣ сообща совершали торжественно языческое служеніе. Возбужденная толпа бросилась затѣмъ на христіанскіе храмы и наполовину разорила ихъ, но, дойдя до алтаря — остановилась и вызывала главнаго жреца довершить разрушеніе. Разсказывали, что при этомъ произошло чудо: жрецъ взялъ сѣкиру и уже готовился разорить святилище, какъ внезапно отступилъ и упалъ пораженный ударомъ. Какъ бы то нибыло, народъ не уничтожилъ христіанскихъ святилищъ, но рядомъ съ ними воздвигнулъ языческія капища и двоевѣрно поклонялся и нѣмецкому богу и прежнимъ богамъ своихъ отцовъ [Ebo III., 1][88].

88. „Stetin, amplissima ciuitas et maior Iulin, tres montes ambitu suo conclusos habebat. Quorum medius qui et alcior, summo paganorum deo Trigelawo dicatus, tricapitum habebat simulacrum, quod aurea cidari oculos et labia contegebat; asserentibus ydolorum sacerdotibus: ideo summum deum tria habere capita, quoniam tria procuraret regna, id est celli terre et inferni; et faciem cidari operire pro eo, quod peccata hominum, quasi non uidens et tacens dissimularet. Hac itaque posentissima ciuitate ad ueri Dei agnicionem per beatum presulem adducta, delubra ydolorum flammis erant absumpta, dueque ecclesie, una in monte Trigelawi sub honore sancti Adelberti, alia extra ciuitatis menia in ueneratione sancti Petri erant locate. Et ex hoc sacrificia, que copioso apparatu et diuiciis sacerdotibus fanisque ydolorum exhibebantur, nunc ecclesie Christi uendicabant. Vnde commoti sacerdotes et prioris pompe delicias cottidie sibi decrescere uidentes occasionem querebant, ut populum ad ydolatriam questus sui gratia reuocarent. Accidit ergo, mortalitatem magnam ciuitati superuenire. Et requisiti a plebe sacerdotes dicebant: abiurationis ydolorum causa hoc eos incurrisse; omnesque subito morituros, nisi antiquos deos sacrificiis et muneribus solitis placare studerent. Ad hanc uocem statim conuentus forenses aquntur; simulacra requiruntur; et in commune profanus sacrificiorum ritus ac celebritas repetitur; ecclesie Christi ex media parte destruuntur. Cumque ad sanctuarium plebs furibunda uenisset, non ausa ulterius progredi, sumum ydolorum pontificem sic tumultuoso strepitu alloquitur: „Ecce, quod nostrum erat, ex-

Въ тоже время въ Штетинѣ случилось происшествіе, неоставшееся безъ вліянія на утвержденіе христіанства. На сѣверозападъ отъ славянскаго Поморья находится Данія, отдѣленная отъ него моремъ; ширина моря здѣсь такова, что если въ ясный день стать на немъ въ равномъ разстояніи отъ обѣихъ земель, то онѣ представятся взорамъ въ видѣ легкихъ облачковъ. Въ Штетинѣ жилъ одинъ гражданинъ по имени Вирчакъ, знаменитый и воинскою славою и своими богатствами: онъ часто ходилъ за добычею въ Данію, подобно тому, какъ и Датчане производили частые разбойничьи набѣги на Поморье. Въ то время, когда городъ отпалъ въ язычество, сильный Вирчакъ снарядилъ шесть кораблей и пустился новымъ набѣгомъ на Данію; но тамъ его ждала непредвидѣнная засада, и онъ попалъ въ плѣнъ со всѣми товарищами. Датчане предали послѣднихъ жестокой смерти, а предводителя, въ разсчетѣ на хорошій выкупъ, заключили въ тяжкія оковы и бросили въ темницу. Какимъ-то чудомъ Вирчаку удалось избавиться: въ малой ладьѣ онъ, по попутному вѣтру, переплылъ море и благополучно возвратился въ родной городъ. Свое чудесное освобожденіе онъ объяснялъ заступничествомъ Оттона, къ богу котораго онъ обращался съ мольбами о спасеніи. Такъ разсказывалъ онъ своимъ согражданамъ, и тѣ, во свидѣтельство происшествія, повѣсили самую ладью на входные городскіе ворота. Хотя разсказъ Вирчака и долженъ былъ расположить жителей къ Христіанству, но, подъ вліяніемъ жрецовъ, они остались въ прежнемъ заблужденіи [Ebo, III, 2][89].

secuti sumus; tuum est istud caput et culmen Teutonici dei pro officio tuo aggredi et profanare". „Ille autem, arrepta securi cum alcius dextram librasset, subito diriguit [у Герборда: „Vnus illorum, dum malleo cementarii altare percuteret, subito languore ac stupore a Domino percussus est". III, 16] et, resupinus corruens, clamore lamenbabili dolorem suum protestatus est. Accurrens uulgus causam doloris requirit. At ille grauiter ingemiscens „Heu proh dolor—inquit—quante potentie, quante fortitudinis est Teutonicus deus; et quis resistet ei? Ecce ego, quia sacram eius edem contingere presumpsi, quomodo percussus sum?" Illis uero attonitis et quid agerent inquirentibus, pontifex eorum: „Edificate, ait, hic domum dei uestri iuxta edem Teutonici dei; et colite eum pariter cum diis uestris, ne forte indignatus interitum huic loco quantocius inferat". Qui precepto eius paruerunt. Et usque ad reditum piissimi apostoli sui Ottonis in hoc errore permanserunt". Ebo: III, 1. У Герборда III, 16, говорится о постройкѣ языческаго олтаря возлѣ христіанскаго: „[populus] consilium probauit exstructoque nefando altari iuxta dominicum altare, Deo seruierunt et demonibus".

89. „Siquidem orientalis est regio barbarorum Pomerania, habens ex latere prouinciam Danorum, mari interiacente. Tantaque est maris latitudo, utramque diuidens regionem, ut, qui in medio nauigans serenissima die positus fuerit, uix prouincias has ad instar paruissime nubis considerare ualeat. Hic

Вѣсть, что Штетинцы впали въ двоевѣріе, что они служатъ истинному Богу и идоламъ, возбудила христіанскую ревность Оттона. Онъ рѣшился снова идти въ Поморье, имѣя намѣреніе побывать на этотъ разъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыхъ не могъ посѣтить въ первое путешествіе. Запасшись въ обиліи всѣмъ необходимымъ и выбравъ достойныхъ товарищей, между которыми находился теперь и любимецъ его, свящ. Удальрикъ, Оттонъ отправился въ путь за три дня до праздника Пасхи [31 марта, 1127 г.]. Не желая, б. м., утруждать своимъ присутствіемъ чешскаго и польскаго князей, или по какой иной причинѣ—Оттонъ слѣдовалъ теперь другою дорогою, чрезъ Саксонію. Въ Галле онъ закупилъ много драгоцѣнныхъ тканей и другихъ вещей, назначенныхъ для подарковъ, и отправивъ ихъ по рѣчному пути до предѣловъ Лютичей [до Гавельберга], самъ направился туда чрезъ Магдебургъ. Гавельбергская епископія такъ была разорена частыми набѣгами язычниковъ, что въ ней едва оставались слабые слѣды христіанства. Въ самый день прихода Оттона въ Гавельбергъ [около 15го Апрѣля]—городъ праздновалъ торжество „какаго-то идола Яровита“ и былъ отовсюду окруженъ знаменами. Епископъ остановился у воротъ города и, призвавъ правителя Вирикинда, упрекалъ его за попущеніе такаго язычества; Вирикиндъ оправдывался; онъ говорилъ, что никакъ неможетъ побудить народъ принять ученіе вѣры отъ архіепископа Норберта, который своими жестокими угнетеніями до того вооружилъ всѣхъ, что они скорѣе готовы претерпѣть смерть, чѣмъ иго подобнаго рабства. Вирикиндъ упрашивалъ Оттона раскрыть городу его заблужденія, увѣряя что народъ гораздо охотнѣе послушаетъ его увѣщаній, чѣмъ приказаній своего

[Wirtschachus] ciuis Stetinensis, gloria et diuiciis inter suos opinatissimus, frequenter in prouinciam Danorum nauigare et predam ex ea agere solebat; sicut et illi e contra in Pomeraniam crebras incursiones piraticas faciebant. Sed eo tempore, quo ciuitas sua apostasiam incurrerat, idem perpotens uir Wirtschachus copioso sex nauium apparatu Danos sibi infensos petebat et, non preuisas incidens insidias, cum omnibus suis captus est. Sociisque crudeliter strangulatis, ipse solus carceri traditus, collo pectore manibus pedibusque graui catenarum nexu, questus dumtaxat gratia, compeditus“. Слѣдуетъ—чудо: Оттонъ является во снѣ Вирчаку и тотъ, по пробужденіи, видитъ себя свободнымъ отъ оковъ, идетъ къ морю, находитъ челнъ безъ весла, садится въ него и по вѣтру приплываетъ въ Штетину. „Maximoque ciuium suorum gaudio et admiratione susceptus, omnem iacture et ereptionis sue ordinem eis exposuit. Qui etiam in testimonium miraculi huius nauiculam ipsam in porte urbis introitu suspenderunt. Sed malis incitati sacerdotibus, legationem pii doctoris sui spreuerunt, in eodem errore durantes...“ Ebo: III, 2. Гербордъ—III, 15, не прибавляетъ къ разсказу Эбона—ничего существеннаго.

архіепископа. Оттонъ согласился и съ возвышенія, бывшаго предъ городскими воротами, проповѣдывалъ собранному народу слово спасенія. Жители легко отказались отъ языческаго празднованія, говорили даже, что при другомъ архіепископѣ они скоро и добровольно примутъ и самое крещеніе[90]. Подаривъ Вирикинда деньгами, а его жену—богато украшенною Псалтирью, Оттонъ запасся здѣсь всѣмъ необходимымъ для путешествія, уложилъ пожитки на тридцать подводъ и просилъ Вирикинда дать ему проводниковъ; но тотъ, вопреки прежнему обѣщанію, отказался: путь миссіи лежалъ чрезъ страну непріятелей, и онъ боялся, что стража его попадетъ въ руки враговъ и погибнетъ. Оттонъ съ товарищами отправились одни, безъ проводниковъ[91]. Пять дней они шли по обширному лѣсу и вышли къ большому озеру; здѣсь имъ встрѣтился человѣкъ въ малой ладьѣ, и они пріобрѣли отъ него значительное количество рыбы. Къ общему изумленію рыбакъ не принялъ отъ нихъ въ вознагражденіе ни денегъ, ни иныхъ вещей, а согласился взять только нѣкоторое количество соли: онъ разсказывалъ, что уже семь лѣтъ не видѣлъ хлѣба и жилъ одною рыбою и водою изъ озера; бѣднякъ съ женою убѣжали сюда во время польскаго погрома, захвативъ съ собою только топоръ и большой ножъ [косырь]: среди озера они нашли небольшой островокъ, построили

90. „[Habelbergense episcopium]... tunc paganorum crebris incursionibus ita destructum erat ut christiani nominis uix tenues in eo reliquie remanserint. Nam ipsa die aduentus eius [sc. Ottonis] ciuitas, uexillis undique circumpositis, cuiusdam ydoli Gerouiti nomine celebritatem agebat. Quod uir Domini ut aduertit, cordetenus pro tali errore compunctus, urbis menia ingredi recusauit. Sed ante portam consistens Wirikindum, eiusdem loci dominum accersiuit et, cur hanc ydolatriam exerceri pateretur obiugrauit. Qui protestatus, plebem archiepiscopo suo Noriperto rebellem, eo quod duriori seruitutis iugo eam subiugare temptaret, nullo modo cogi posse fatebatur, ut ad eo doctrine uerbum reciperet; sed prius mortis occasum quam seruitutis huiusmodi onus subire paratam esse. Idem uero Wirikindus supplicabat episcopo: ut eidem ciutati errorem suum pandere non abnueret; dicens monitis eius multo ardentius plebem quam archiepiscopi sui iussionibus obaudire. Qui stans in edito ante portam ciuitatis, omni populo coadunato, uerbum salutis predicabat; et abdicationem huius sacrilege celebritatis facile apud eos obtinuit, protestantibus eis: etiam baptismi gratiam sub alio archiepiscopo se prompta uoluntate suscepturos“... Ebo: III, 3.

91. „predicator... ibique diuersa itineri necessaria cum triginta plaustris comparauit. Deinde a Wirikindo exquirere cepit, si ducatum sibi per regionem suam, sicut in Merseburgensi oppido coram gloriosissimo rege Lothario ei spoponderat, prebere paratus esset. Qui abnuens respondit: eum per terras hostium suorum paulo post transiturum, ideoque ducatum ei prebere non posse; ne forte satellites sui ab eisdem hostibus capti et iugulati interirent“. Ebo, III, 3.

хижину и жили въ безопасности; лѣтомъ они заготовляли большой запасъ сушеной рыбы, которою питались во время зимы; потому—соль была для нихъ необходимѣе денегъ. Въ тѣхъ мѣстахъ обитало племя Морачанъ; они услышали о добромъ епископѣ и просили его крестить ихъ; но Оттонъ не могъ исполнить ихъ желанія: онъ находился въ епархіи архіепископа магдебургскаго и считалъ неумѣстнымъ свое вмѣшательство въ дѣла ея; потому онъ совѣтовалъ жителямъ обратиться къ главному наставнику ихъ, Норберту. Туземцы наотрѣзъ отказались послѣдовать совѣту: они жаловались, что Норбертъ угнетаетъ ихъ жестокимъ рабствомъ и снова изъявляли полную готовность слѣдовать внушеніямъ кроткаго Оттона. Тронутый этимъ, онъ обѣщалъ, съ дозволенія Папы и согласія архіепископа магдебургскаго, посѣтить ихъ на возвратномъ пути, по выполненіи своего призванія [Ebo: III, 1—4] [92].

Путники прибыли въ поморскій городъ Дыминъ во время военной тревоги. Незадолго предъ тѣмъ императоръ Лотаръ, вторгнувшись въ страну Лютичей, сжегъ главный городъ съ языческимъ святилищемъ ихъ; Лютичи хотѣли теперь вознаградить свою потерю опустошеніемъ Дымина и плѣномъ его гражданъ; послѣдніе защищались мужественно и просили князя Вартислава о помощи. Въ самое время, когда Оттонъ со свитою и пожитками приближался къ Дымину, лучшіе граждане его держали вѣче на полѣ предъ городскими воротами; увидѣвъ, что съ высотъ, окружавшихъ городъ, съ шумомъ спускается большой обозъ, народъ пришелъ въ безпокой-

92. „Erat illic uastissima silua. Qua diebus quinque transmissa, uenit ad stagnum mire longitudinis; ubi homuncionem parue insidentem nauicule centemplatus, copiosam ab eo piscium multitudinem comparauit. Sed ipse, mirum dictu, argento multo aliisque speciebus sibi propositis, nil pretii nisi tantum sal accipere consensit. Dicebat enim: septennio se panem non gustasse, sed piscibus tantum et atqua stagni illius uitam alere inopem. Siquidem, capta a duce Polonie eadem prouincia, ipse cum uxore sua fugiens, securi et ascia sua assumpta, paruam in medio stagni ipsius planiciem inuenit; ubi edificata domuncula secure habitabat, tantamque siccatorum piscium multitudinem estiuo tempore congregabat, ut tota hieme superhabundaret. Quibus etiam condiendis non paruam salis quantitatem a bono predicatore coemit. Erat etiam illic barbarorum natio, que Moriz uocabatur. Hec, audita beati presulis opinione, ultro se fidei sacramentis ab eo imbui expetebat. Sed ipse... ad Noripertum archipresulem suum eos dirigebat... At illi, Magdeburgensem pontificem se nolle sequi protestantes, quia grauissimo seruitutis iugo eos opprimere niteretur, ei... ceruicem cordis humiliter submittere et dictis eius per omnia abaudire pollicentur. Quorum deuotionem intuens, benigne respondit: se quidem interim ad gentes sibi commissas tendere: sed post earum conuersionem, si in hac uoluntate persisterent, auctoritate et permissu domni pape atque consensu Noriperti archiepiscopi, eos inpigre uisitaturum“. Ebo: III, 4.

ство: онъ думалъ, что это нападеніе Лютичей, и торопился войти въ городъ и приготовиться къ отпору. Не замѣчая, однако, во мнимыхъ врагахъ никакой воинской обстановки, Дыминцы скоро узнали Оттона, уже извѣстнаго имъ по слуху, и поспѣшили къ нему на встрѣчу [Ebo: III, 5]. Правитель города былъ извѣстенъ Оттону еще изъ перваго путешествія; онъ дружески принялъ проповѣдниковъ, но немогъ предложить гостепріимства, говоря, что ждетъ другихъ гостей [конечно, самаго Вартислава], и назначилъ для помѣщенія ихъ мѣсто въ старомъ замкѣ, лежавшемъ внѣ города. Тамъ путники и разбили свои шатры, надѣясь отдохнуть отъ трудной дороги [Herb.: III, 1]. Оттонъ немедленно призвалъ народныхъ старѣйшинъ и убѣждалъ ихъ принять христіанство [Ebo: III, 5][93].

Хотя Дыминцы и ожидали въ ту ночь прибытія князя Вартислава съ поморскимъ войскомъ для защиты ихъ отъ Лютичей, но слухъ, что Лютичи сами имѣли намѣреніе выступить противъ Вартислава къ Дымину, сильно тревожилъ городъ [Herb.: III, 2]. Войско Вартислава было раздѣлено на двѣ части: пѣхота слѣдовала путемъ воднымъ, конница—путемъ сухимъ; послѣдняя, по разсчету, должна была прійти къ Дымину ранѣе, чѣмъ пѣхота; но случилось такъ, что сильный вѣтеръ пригналъ ладьи съ пѣшихъ войскомъ быстрѣе обыкновеннаго и до прибытія конницы. Когда та пришла и замѣтила въ темнотѣ ночной стоявшее войско, то, неожидая встрѣтить своихъ, подумала что это—враги. Произошла довольно продолжительная и шумная стычка. Устрашенные

93. „Veniens ad urbem Timinam, magnum illic belli apparatum hostilemque Luticensium incursionem reperit. Nam Luticenses, quorum ciuitas cum fano suo a gloriosissimo rege Lothario zelo iusticie nuper igni erat tradita, urbem Timinam uastare ciuesque eius captiuare nitebantur. Sed ipsi, eis uiriliter resistentes, Wortizlai ducis auxilium requirebant.. Ipsa uero die aduentus presulis eximii ciues Timinenses ante portam conuentus forenses agebant. Sed quia ciuitas in ualle posita erat, ipso [sc. Ottone] de montibus cum tam copioso triginta plaustrorum apparatu descendente, plebs omnis, tumultuoso hoc perterrita sonitu hostiumque cuneos super se arbitrata irruere, urbem quantocius ingredi seque ad resistendum preparare molitur. Appropinquante seruo Dei, nichil armorum in circuito eius sed potius uexillum crucis deprehendunt; statimque pium Ottonem, fama apud eos celeberrima uulgatum, agnoscentes, alacri deuotione occurrunt meniaque ciuitatis intrare deposcunt". Ebo: III, 5. „[Nos solum tamen urbis prefectum in priori peregrinacione cognitum habentes, ipsum de hospicio conuenimus; sed ille, amice nos suscipiens et alios quoque se hospites habiturum dicens, aream iuxta ciuitatem in ueteri castello nostre mansioni designauit. In qua fixis tentoriis.., Herb. III, 1]... habitabat [Otto]; interimque accersitos ad se primates plebis ad fidei christiane et lauacri salutaris gratiam mira predicationis dulcedine prouocabat". Ebo: III, 5.

криками и звукомъ оружія, спутники Оттона погасили огни и, полагая, въ чемъ увѣрялъ ихъ переводчикъ Албинъ, что толпа язычниковъ—Лютичей напала на войско князя и истребила его, побуждали другъ друга къ побѣгу. Оттонъ, однако, хотѣлъ узнать вѣрное—и для того отправилъ Альбина на развѣдку; но когда тотъ переплылъ рѣку, то спокойствіе уже водворилось: обѣ стороны узнали другъ друга. Между тѣмъ правитель города съ своей стороны прислалъ къ Оттону воина съ объясненіемъ происходившаго. Вартиславъ былъ очень радъ приходу Оттона, но, спѣша поутру выступить съ войскомъ на добычу, не могъ тогда же свидѣться съ нимъ и, чрезъ посланнаго, совѣтовалъ, какъ можно скорѣе перебраться на другую сторону рѣки и здѣсь ожидать его возвращенія. Князь удивлялся, какъ проповѣдники остались невредимы въ эти два дня, среди столь частыхъ воинскихъ движеній враговъ. Около полудня съ той стороны, гдѣ лежала земля Лютичей, потянулось облако дыма: то былъ знакъ грабежа, а къ вечеру возвратился и самъ князь съ войскомъ, обремененный большою добычею [Ebo III, 5, Herb.: III, 2][94]. Проповѣдники видѣли, какъ воины

94. „Dux Pomeranie, populaturus Leuticiam, cum exercitu eadem nocte illo uenturus erat. Timinenses autem Leuticios audierant ad pugnam ibi ei occursuros; unde non modica trepidacio fuit in ciuitate". Herb., III, 2. „Sequenti nocte dux Pomeranie in auxilium Timinensium cum duobus exercitibus, id est nauali et equestri, seperuenit. Et equester exercitus prior occurere debuerat; sed uentus rapidissimo cursu nauim inpellens celerius litori appulit. Equester uero exercitus, postea ueniens sociamque turmam, quam se tarde secuturam sperabat, illic inueniens, suspicatus est, hostilem cuneum se incurrisse, eo quod tetra noctis ingruerit caligo; statimque clamor confusus et tumultus importabilis utrimque exoritur. Vniuersus pii presulis comitatus, nimio terrore perculsus, ad fugam semet inuicem cohortatur: affirmante domno Albwino interprete uiri Dei: paganorum Luticensium adesse cateruam et iam cede miserabili ducis exercitum laniare. Doctor uero eximius eundem Albwinum religiosum presbiterum illuc celeriter pro inuestiganda rei ueritate transmisit. Qui, flumini concitus se iniciens, eo quod natandi peritus esset, pacata iam omnia reperit, quia exercitus illi ciues se tandem recognouerant".. Ebo., III, 5. „Nos strepitu ac tinnitu armorum excitati et exterriti, ignem in castris nostris aqua perfudimus, fugam meditantes. Interea, socios se agnoscentes, illi a pugna desierunt. Prefectus uero, misso satellite causam illius tumultus nobis insinuans, ne timeremus rogauit".. Herb. III, 2. „Dux Wortizlaus, de aduentu pii pastoris ultra quam credi potest gratulatus, mandat ei: sine mora in ulteriorem sibi ripam occurrere; dicens, diuini esse miraculi, quod biduo ibi inter tam crebras hostium discursiones illesus permansit". Ebo. III, 5. „Facto mane dux, cum exercitu omni ad predam festinans, episcopum uidere non potuit; sed missis nunciis ibidem illum die illa se rogauit expectare. Circa meridiem uero Leuticiam quaqua uersum fumigare aspeximus, signum omnia uastantis exercitus. Ad uesperum autem ecce dux, uoti compos, multa onustus preda, cum suis omnibus letus et incolomis reuertitur". Herb. III, 2.

раздѣляли между собою награбленное: одежды, деньги, скотъ и всякое другое имущество. Въ раздѣлъ шли также и плѣнники. Слышались вопли, плачь и безграничное горе: мужъ разлучался съ женою, родители съ дѣтьми, поступая, въ силу раздѣла, къ разнымъ владѣльцамъ. Это были язычники, но несчастная судьба ихъ тронула сострадательнаго епископа, и онъ не могъ удержаться отъ слезъ. Довольный и удачей предпріятія и присутствіемъ Оттона, князь желалъ сдѣлать ему пріятное: онъ подарилъ свободу болѣе юнымъ и слабымъ плѣнникамъ и постарался не разлучать тѣхъ изъ нихъ, для которыхъ особенно горька была разлука; съ своей стороны—епископъ выкупилъ и отпустилъ на волю многихъ плѣнниковъ-христіанъ. Обмѣнявшись рѣчью и подарками, Вартиславъ и Оттонъ занялись своими дѣлами. Быть можетъ вслѣдствіе переговоровъ съ княземъ, Оттонъ не медлилъ долѣе въ Дыминѣ: онъ приказалъ сложить на ладьи пожитки и отправилъ съ ними по рѣкѣ Пѣнѣ въ Узноимъ большую часть своей свиты, самъ же съ немногими слѣдовалъ туда сухимъ путемъ. Благодаря усиліямъ священниковъ, оставшихся въ Поморьѣ отъ первой миссіи, христіанство уже успѣло распространиться и въ Узноимѣ; Оттону пришлось только довершить дѣло [Herb.: III, 2][95]. Расположеніе Вартислава къ христіанству ясно обнаружилось еще во время первой миссіи; извѣстно также, что самъ онъ былъ христіаниnъ, но, живя среди язычниковъ, не могъ слѣдовать правиламъ христіанской жизни. Теперь онъ желалъ прочно утвердить новую религію и съ этого цѣлью—къ 22 маю назначилъ въ Узноимѣ общій съѣздъ воеводъ, знатныхъ людей и жупановъ земли своей.

95. „Nobis inspicientibus, diuidebant spolia, uestes pecuniam pecora et aliam diuersi generis substantiam. Homines quoque, quos captiuauerant, inter se distribuebant. Ibi uero fletus et gemitus et dolores innumeri, cum ad diuersos dominos pro racione diuisionis uir ab uxore et uxor a uiro et filii a parentibus et parentes a filiis discedebant. Et quamuis pagani essent omnes, quos huiusmodi miseria inuoluerat, episcopus tamen.. condicionem miseratus humanam, lacrimas tenere non potuit. Dux uero et successu rerum et de aduentu episcopi letissimus, uidens, quia hoc eius uoto placuit, teneriores et infermiores quosdam absolui iussit; et quibus separatio dolori erat, manere simul eius interuentu ordinabat.. Episcopus etiam multos precio absoluit; quos fide imbutos baptismoque nouit regeneratos, liberos abire dimisit. Dein cum mutuis se colloquiis recreassent et inuicem muneribus honorassent, duce ad sua negocia digresso, nos omnem substantiam nostram Timine nauibus imponentes, per Pene fluminis undam tribus diebus Vznoimiam uecti sumus; episcopo itinere terrestri cum paucis gradiente... Neque ibi difficultas erat in opere; quia ciuitas illa precompluta fuerat imbre doctrine salutaris. Sacerdotes etenim, quos pater beatus operis sui uicarios in gente illa reliquerat, Vznoimiam ex magna parte conuerterant; reliqua uero pars per episcopum apposita est ad Dominum". Herb. III, 2.

Когда они съѣхались изъ Дымина и другихъ городовъ и сѣли на вѣчѣ Вартиславъ держалъ къ нимъ рѣчь о приходѣ епископа; напомнилъ, что и прежде въ ихъ страны приходили многіе проповѣдники слова божья, но нашли здѣсь смерть себѣ. Еще недавно былъ распятъ одинъ изъ нихъ, останки котораго собрали и предали честному погребенію капелланы епископа. Князь указывалъ на высокое положеніе Оттона въ имперіи и нравственный подвигъ его самоотверженія; „съ такимъ знаменитымъ посланникомъ папы и императора, говорилъ онъ, нельзя и не должно поступать неуважительно: если вы откажете ему въ повиновеніи, или чѣмъ огорчите, то, услышавъ объ этомъ, немедленно явится съ войскомъ императоръ и разоритъ въ конецъ васъ и землю вашу". Вартиславъ предлагалъ общимъ голосомъ обсудить дѣло и съ должнымъ уваженіемъ принять епископа. Знатные люди и старѣйшины составили совѣтъ; долго они находились въ нерѣшительности и колебались, смущаемые противорѣчіями жрецовъ; наконецъ, болѣе разумная сторона совѣщанія, наклонная къ христіанству, взяла верхъ, и такимъ образомъ—состоялось рѣшеніе принять новую религію [Ebo III, 6][96]. Окрестивъ въ Узноимѣ всѣхъ знатныхъ, Оттонъ отправилъ напередъ въ другіе города, по двое въ каждый, своихъ священниковъ, которые должны были извѣстить народъ объ обращеніи высшихъ людей и скоромъ прибытіи его самаго. Двое изъ такихъ посланниковъ, священникъ Удальрикъ и пере-

96. „[Dux Wortizlaus] in festiuitate penthecostes generale principum regni sui colloquium in eodem loco [in ciu. Vznoim] indixit. Vbi conuenientibus Timinensis ciuitatis aliarumque urbium primoribus, sapienter eos ad suscipiendum christiane fidei iugum prouocabat. Ipse enim in puericia sua captiuus erat in Teutonicas regiones abductus, atque in oppido Mersburgensi baptismi gratiam consecutus; sed inter paganos uiuens, ritum christiane legis exequi non porterat. Ideoque gentem, cui preerat, fidei iugo subici ardentes desiderabat", Ebo. III, 6. „in hac ciuitate [Vznoimie].. dux terre Wortizlaus, toto corde christianus, instinctu Ottonis baronibus et capitaneis tocius prouincie ac prefectis ciuitatum in festo pentecostes conuentum indixit".. Herb. III, 3. Considentibus ergo principibus, dux ita exorsus est..., слѣдуетъ, конечно—вымышленная рѣчь Вартислава, изъ которой мы находимъ нужнымъ привести только слѣдующее: „antea quidem multi uerbum Dei his partibus annunciantes uenerunt, quos.. occidistis. E quibus etiam unum nuper cruci fixistis, sed ossa eius capellani.. episcopi.. colligentes honorifice tradiderunt sepulture".... His auditis, principes et natu maiores, oportunum huic colloquio locum petentes, diu multumque ancipiti sententia nutabundi oberrabant, precipue sacerdotibus ydolorum questus sui gratia contradicentibus. Tandem.. unanimiter cultum ydolorum abdicarunt et.. baptismi gratiam flagitare ceperunt". Ebo. III, 6. „Concilium hoc non antea solutum est, quam principes ipsi et omnes qui cum eis aduenerant baptismi sacramenta percepissent". Herb. III, 3.

водчикъ Альбинъ пришли въ богатый городъ Волегощь. Они были съ почетомъ приняты женой правителя города, которая тотчасъ накрыла столъ и предложила имъ обильное угощеніе; священники пришли въ изумленіе, встрѣтивъ такую ласку и гостепріимство въ „царствѣ діавола". Когда они удовольствовались пищей, Альбинъ, знавшій по славянски, тайно сообщилъ ей причину прихода ихъ и какъ, вслѣдствіе совѣщанія въ Узноимѣ, всѣ знатные люди отказались отъ идолослуженія и приняли христіанство. Извѣстіе это до того поразило домохозяйку, что она долгое время не могла прійти въ себя. На вопросъ Альбина о причинѣ ея ужаса, она объяснила, что имъ грозитъ неминуемая погибель, такъ-какъ городскія власти и весь народъ постановили предать ихъ немедленной смерти, если они появятся въ Волегощѣ. Добрая женщина скорбѣла, что ея домъ, спокойный и гостепріимно открытый для всѣхъ странниковъ, сдѣлается мѣстомъ убійства: провѣдай о приходѣ Удальрика и Альбина кто нибудь изъ городскихъ начальниковъ, домъ ея сейчасъ окружатъ и или сожгутъ со всѣми, въ немъ находящимися или принудятъ ее выдать пришельцевъ. Желая спасти ихъ, хозяйка указала комнату въ верхнемъ отдѣленіи дома, гдѣ до поры — времени они могли скрыться, а слугамъ своимъ велѣла увести ихъ лошадей съ пожитками въ отдаленную свою деревню. Въ городѣ, однако, уже распространился слухъ о прибытіи проповѣдниковъ и о мѣстѣ ихъ нахожденія. Скоро привалила на дворъ разъяренная толпа и искала ихъ, чтобы предать смерти. Жена правителя города сознавалась, что дѣйствительно къ ней приходили чужестранцы, но удовольствовавшись пищею, скоро ушли, и она не могла узнать кто—они и куда идутъ. Толпа повѣрила и успокоилась на этомъ отвѣтѣ [Ebo: III, 7][97]. Причиною

97. „In eadem ciuitati baptisatis principibus uniuersis, binos et binos e presbiteris sibi adherentibus ad alias urbes ante faciem suam premisit [sc. Otto] ut populo conuersionem principum suumque aduentum denuntiarent. Quorum duo, id est Vdalricus religiosus presbiter S. Egidii et Albwinus, interpres uiri Dei, opulentissimam ciuitatem Hologost dictam adierunt. Vbi a matre familias uxore scil. prefecti urbis, honorifice suscepti sunt; ita ut pedes eorum summa humilitatis deuocione lauaret statimque, mensa apposita, copiosissimis eos dapibus reficeret; mirantibus eis et admodum stupentibus, quod talem in regno diaboli humilitatis et hospitalitatis gratiam inuenissent. Tandem finita refectione, domnus Albwinus [Sclauice linque gnarus, Herb., III, 5] matrem familias secrecius alloquens, indicauit ei causam aduentus sui, et qualiter ad colloquium Vznoim habitum cuncti principes, abdicatis ydolatrie sordibus, Christi gratiam induerint. Hec illa audiens adeo expauit, ut, terre procumbens, diu semianimus remanserit. Quam aqua refecillatam dm. Albwinus requirere cepit: cur adeo exhoruisset... At illa:... „pro nece uestra iam iamque imminenti contremiut cor meum. Nam magistratus ciuitatis huius

этой тревоги, по мнѣнію Удальрика, былъ одинъ жрецъ, который, слыша объ успѣхахъ христіанской проповѣди, поднялся на хитрость: онъ облекся въ плащъ и другія священныя одежды и до разсвѣта, тайно вышелъ изъ города въ ближній лѣсъ; замѣтивъ какаго-то шедшаго на рынокъ крестьянина, жрецъ внезапно остановилъ его; тотъ, сильно испуганный необыкновенною встрѣчею, видя священныя бѣлыя облаченія, вообразилъ, что ему явился самъ верховный богъ, и въ ужасѣ палъ ницъ на землю. Жрецъ говорилъ: „я богъ твой, которому ты поклапяешься; не бойся, но возстань и иди немедленно въ городъ, тамъ повѣдай властямъ и всему народу слово мое: если придутъ ученики того обольстителя, который вмѣстѣ съ княземъ находится теперь въ Узноимѣ, да предадутъ ихъ немедленной смерти; иначе—погибель грозитъ городу и всѣмъ жителямъ". Жрецъ скрылся, а крестьянинъ, пріидя въ себя, поспѣшилъ передать гражданамъ волю мнимаго божества, и они единодушно рѣшили привести ее въ исполненіе[98].

cum omni plebe dispositum habet, ut, si uspiam apparueritis, sine retractatione occidamini. Et hec domus mea, semper quieta et pacifica, omnibus peregrinis superuenientibus hospitalis fuit, nunc uero sanguine uestro contaminanda erit. Re uera namque, si aliquis magistratuum introitum uestrum huc deprehendit, hac hora domus mea obsidione uallabitur; et ego infelix, nisi uos tradidero, igni cum omnibus meos concremabor. Ascendite ergo in superiora domus mee ibique latitate [у Герборда: matrona in superiori quodam cenaculo eos abscondit, III, 5]. Et ego ministros [Herb. pueros] meos cum exuuiis uestris atque caballis ad remociores uillas meas dirigam". Illi.. fecerunt ut docti erant. Post modicum plebs furibunda irrupit [gladiatores et turba populi cum telis et fustibus tecta matrone irrumpunt, Herb. III, 5]; omniaque scrutantes, peregrinos, illic ingressos uiolenter ad mortem expetebant. Quibus mater familias: „fateor, ait—domum meam ingressi sunt; et sufficienter refecti uelocius abierunt. Et ego, qui uel unde essent aut quo tenderent, explarare non potui". Ebo: III, 7.

98. „Causa huius inquisitionis et tumultus sacerdos quidam ydolorum fuit. Qui, audita noue predicationis opinione, ad callida argumenta conuersus, cuiusdam fani clamide et reliquis indutus exuuiis, urbem clam egreditur uicinamque petens siluam pretereuntem quendam rusticum insolito occursu perterruit. Qui, uidens eum uestibus ydoli amictum, suspicatus, deum suum principalem sibi apparuisse, pre stuporo exanimis in faciem corruit, eumque talia dicentem audiuit: „Ego sum deus tuus, quem colis. Ne paueas; sed surge quantocius, urbemque ingrediens, legationem meam magistratibus omnique populo insinua; ut, si discipuli seductoris illius, qui cum duce Wortizlao apud Vznoim moratur, illis apparuerient, sine dilatione morti acerbissime tradantur. Alioquin ciuitas cum habitatoribus suis peribit". Quod cum rusticus ille summa festinatione ciuibus denunciasset, illi, unanimiter adunati. mandatum dei sui peragere conabantur". Ebo: III, 8, „Fama facti repente in uniuersam prouinciam uulgatur, uillas et uicos in studia diuersa conscidens, aliis dicentibus: „quia bene est, aliis autem dicentibus: quia non; sed

Удальрикъ и Албинъ не долго скрывались въ своемъ убѣжищѣ: на другой же день [по Герборду — на третій, III, 5] пришолъ Оттонъ съ княземъ и воинами и освободилъ ихъ. Уже вечерѣло, когда нѣкоторые изъ спутниковъ Оттона захотѣли посмотрѣть находившееся въ городѣ языческое святилище и отправились туда, не принявъ никакихъ предосторожностей. Жители подумали, что они хотятъ зажечь ихъ святилище, на улицѣ собралась вооруженная

magis seductio magnates apprehendit". Ipsi uero sacerdotes ydolorum, non minima causa huius concisionis, erant appositi eis, quibus displicebat, quod factum fuerat; sua nimirum lucra cessatum iri non ignorantes, si cultura demonum illic aboleretur. Vnde, modis omnibus rem prepedire moliti, uaria calliditatis sue argumenta uisionibus sompniis prodigiis et uariis terroribus confinxerunt. Quin etiam in Hologosta ciuitate—quo tunc proxime aduenturus nunciabatur episcopus—sacerdos, qui illis ydolo ministrabat, nocturno tempore uicinam siluam ingressus et in loco ediciori secus uiam inter condensa fruticum sacerdotalibus indutus astabat, et mane summo quendam rusticum de rure ad forum gradientem his alloquitur: „Heus tu, inquit, bone homo". At ille respiciens in eam partem, unde uocem audierat, inter uirgulta personam candidis indutam quamuis dubia luce uidere cepit et timere. Et ille: „Sta, inquit, et accipe, que dico. Ego sum deus tuus; ego sum, qui uestio et graminibus campos et frondibus nemora; fructus agrorum et lignorum, fetus pecorum et omnia, quecunque usibus hominum seruiunt, in mea sunt potestate. Hec dare soleo cultoribus meis, et his, qui me contempnunt, auferre. Dic ergo eis, qui sunt in ciuitate Hologostensi, ne suscipiant deum alienum, qui eis prodesse non possit; mone, ut alterius religionis nuncios, quos ad eos uenturos predico, uiuere non patiantur". Hec ubi attonito ruricole demon uisibilis edixerat, ad densiora nemoris sese contulit inpostor. Rusticus uero, quasi de oraculo stupidus, corruens pronus adorauit in terra. Deinde abiens in ciuitatem cepit annunciare uisionem. Credidit populus; iterumque atque iterum circumdantes hominem, eadem sepius narrare cogebant, moti uidelicet monstri nouitate. Postremo, acsi nescius omnium, aduenit sacerdos, indignationem primo simulans quasi de mendacio; deinde attentius audire et obtestari cepit hominem, ut, uera tantem narrans, nullo figmento populum sollicitaret. At ille, ut erat rusticane simplicitatis, manus tendere, oculos ad celum leuare, magnisque iuramentis et forti protestatione rem ita se habere asserens, etiam locum ipsius apparitionis se ostensurum pollicetur. Tunc sacerdos, conuersus ad populum, uane suspirans: „En hoc est, inquit, quod toto anno dicebam. Quid nobis cum alieno deo? Quid nobis cum religione christianorum? Iuste mouetur et irascitur deus noster, si post omnia benefacta eius stulti et ingrati ad alium conuertimur. Sed ne iratus occidat nos, illis irascamur; et occidamus eos, qui nos seducere ueniunt". Quod dictum cum placuisset omnibus, firmauerunt decretum: ut, si Otto episcopus uel quisquam de societate eius ciuitatem intraret, sine mora occiderentur. Item firmauerunt sibi sermonem nequam, scilicet ut, si nocte uel clam intrantes quisquam tecto reciperet, simili sententie subiaceret". Herb.: III, 4. Такъ, какъ разсказъ Герборда представляется только распространеніемъ простаго повѣствованія Эбона, то мы въ изложеніи и слѣдовали послѣднему но, по принятому нами правилу, привели здѣсь вполнѣ и первый.

толпа и грозила пришельцамъ нападеніемъ. Въ виду опасности Удальрикъ счелъ нужнымъ остановить товарищей и они поспѣшили удалиться; но клерикъ Дитрихъ, который шелъ впереди всѣхъ, слишкомъ поздно замѣтилъ отступленіе своихъ: онъ былъ уже у дверей самаго храма и теперь, внезанно захваченный толпой, не зная куда скрыться, въ испугѣ вбѣжалъ въ святилище. Тамъ на стѣнѣ висѣлъ огромной величины щитъ, обтянутый золотомъ и искуснѣйшей работы; никому изъ смертныхъ не дозволено было прикасаться къ нему въ обыкновенное время, ибо язычники соединяли съ этимъ какое—то религіозное предзнаменованіе; щитъ былъ посвященъ богу войны Яровиту и только въ военное время могъ быть тронутъ съ мѣста. Тогда его несли впереди войска и вѣрили, что чрезъ это останутся побѣдителями въ битвахъ. Дитрихъ увидѣлъ щитъ и, быстро овладѣвъ имъ, выбѣжалъ на встрѣчу разъяренной толпѣ. При видѣ священнаго вооруженія жители, въ деревенской простотѣ своей, вообразили, что это явился самъ Яровитъ, одни въ ужасѣ ударились въ бѣгство, другіе—пали ницъ на землю; Дитрихъ же, миновавъ опасность, бросилъ щитъ и присоединился къ своимъ [Ebo: III, 8; Herb.: III, 6][99].

Оттонъ оставался въ Волегощѣ цѣлую недѣлю, и усилія его увѣнчались успѣхомъ: весь народъ принялъ христіанство. Разру-

99. „Aduesperascente die, quidam ex comitibus dm. episcopi, fanum in eadem urbe situm considerare uolentes, minus caute pergebant. Quod cernentes aliqui de ciuibus, suspicati sunt, fanum ipsum igne eos tradere uelle; et congregati horrisono armorum, strepitu eis occurere gestiebant [у Герборда: congregantes se in platea, etiam arma portare ac fustes et...nobis obuiam stare. III, 6]. Tum religiosus presbiter Vdalricus ad socios conuersus ait: „Non sine causa cogregantur isti; sed sciatis, eos re uera interitum nostrum festinare“. Quo audito socii, retrogradum iter secuti, fuge presidia petunt. Clericus autem Dietricus nomine, qui iam precedens eos, portis delubri ipsius appropinquauerat [fores delubri tenebat.. Herb. ib.], nesciens quo diuerteret, audacter fanum ipsum irrupit; et uidens aureum clipeum parieti affixum, Gerouito qui deus milicie eorum fuit consecratum—quem contigere apud eos illicitum erat—arrepto eodem clipeo, obuiam eis processit. [У Герборда: Erat illic clipeus pendens in pariete mire magnitudinis, operoso artificio, auri laminis obtectus, quem contingere nulli mortalium liceret; eo quod esset illis nesciô quid in hoc sacrosanctum ac pagane religionis auspicium, in tantum ut nunquam nisi belli solummodo tempore a loco suo moueri deberet. Nam, ut postea comperimus, deo suo Gerouito, qui linqua Latina Mars dicitur, erat consecratus, et in omni prelio uictores sese hoc preuio confidebant. Clericus autem.... clipeum corripuit, et amento collo iniecto, leuaque loris inserta, in medium turbe furentis e ianua prosiliit. III, 6.] Illi autem, utpote uiri stulte rusticitatis, suspicati, deum suum Gerouitum sibi occurrere; obstupefacti abierunt retrorsum et ceciderunt in terram. Dietricus autem,... proiecto clipeo, aufugit“. Ebo: III, 8.

шивъ языческіе храмы, положивъ основаніе церкви, епископъ оставилъ здѣсь одного изъ спутниковъ своихъ, священника Іоанна и поспѣшилъ въ городъ Гостьковъ. Тамъ находился богато украшеный и отстроенный съ удивительнымъ искусствомъ храмъ; жители употребили на него триста талантовъ и гордились имъ. Соглашаясь принять Христіанство, они просили Оттона и даже предлагали ему значительную сумму денегъ, чтобы только онъ не разрушалъ этого украшенія города. Но Оттонъ не согласился сохранить языческую святыню, говоря что она, по его уходѣ, будетъ причиною ихъ отступничества и гибели [Ebo: III, 9, Herb.: III, 7] [100]. Идолы, стоявшіе въ храмѣ, были изваяны съ невѣроятнымъ изяществомъ и отличались столь удивительной величиной, что нѣсколько паръ быковъ едва могли двинуть ихъ съ мѣста. Послѣ того, какъ имъ отрубили руки и ноги, выкололи глаза, вырвали ноздри, ихъ вывезли чрезъ мостъ для сожженія: приверженцы язычества стояли при этомъ зрѣлищѣ и сильно вопили, какъ бы желая помочь богамъ своимъ и призывая погибель на голову разрушителей отечества; другіе же, болѣе благоразумные—говорили, что еслибы идолы были дѣйствительно боги, они могли бы защитить сами себя. Въ то самое время, когда Оттонъ разрушалъ въ Гостьковѣ знаменитое своей художественной отдѣлкой языческое святилище, пришли провѣдать его послы маркграфа Адальберта, а также и бамбергскіе вѣстники, которые, согласно прежде данному приказанію, принесли различные предметы житейской потребности [Ebo: III, 10] [101]; ибо Оттонъ содержалъ себя и своихъ спутниковъ на собственныя средства, во отстраненіе толковъ, что онъ пришелъ въ

100. „Apostolus Pomeranorum... aliam urbem Chozegowam expetiit, in qua magnis decoris et miri artificii fana erant, que ciues eiusdem loci trecentis extruxerant talentis. Sed et beato patri nostro maximam pecunie quantitatem offerebant, ne ea deleret, sed pro ornatu loci integra et inconuulsa reseruaret. Quod uir Domini penitus abdicaiut"... Ebo: III, 9. „In hac ciuitate [sc. Gozgaugia] mire magnitudinis ac pulchritudinis templum fuit, sed episcopus cum de fide christiane religionis eos per interpretem alloqueretur, illi ad omnia se paratos asserebant, si modo fanum eorum intactum remanere potuisset; magnis enim sumptibus nuper extructum fuerat; multumque in illo gloriabantur, eo quod uideretur magnum tocius ciuitatis esse ornamentum". etc. Herb. III, 7.

101. „Eo tempore quo fana hec mirandi operis in urbe Chozegowa destruebat [sc. Otto], legati honorabiles marchionis Adalberti... et nuncii de uillis suis Mücheln et Scidingen, iuxta condictum oportuna ei subsidia deferentes, superuenere. Iocundum erat spectaculum, cum simulacra mire magnitudinis et sculptoria arte incredibili pulchritudine celata, que multa boum paria uix mouere poterant, absciss manibus et pedibus, effossis oculis ac truncatis naribus, per descensum cuiusdam pontis igni cremanda trahebantur; astantibus ydolorum fautoribus et magne eiulatu, ut diis suis succurrentur

далекія, богатыя страны ради своей нищеты, съ цѣлью стяжанія, онъ ни чего нетребовалъ и ничего не принималъ отъ туземцевъ; когда же близкіе къ нему знатные люди предлагали что либо добровольно, — нужны были усиленныя просьбы, чтобы склонить его на принятіе; но въ такомъ случаѣ онъ съ почетомъ предлагалъ имъ взамѣнъ что нибудь драгоцѣнное изъ своихъ запасовъ, отдавая всегда большимъ противъ принятаго [Ebo: III, 9][102]. По разрушеніи святилища и уничтоженіи идоловъ, Оттонъ окрестилъ народъ и занялся постройкою церкви. Къ освященію ея прибылъ правитель города, Мицлавъ, который уже былъ крещенъ вмѣстѣ съ прочими знатными людьми во время сейма въ Узноимѣ. Оттонъ обратился къ нему съ увѣщаніемъ исправить прежнюю жизнь: нѣтъ ли на его совѣсти какаго насилія, нѣтъ ли плѣниковъ, плѣненныхъ имъ ради денегъ. Послѣднее оказалось справедливымъ: у Мицлава въ темницахъ содержалось много датскихъ должниковъ—христіанъ, которые, по предстательству Оттона, и были немедленно освобождены; равнымъ образомъ Мицлавъ даровалъ свободу и плѣнникамъ—язычникамъ, хотя за ними считались большія преступленія и невыносимыя обиды.

Во время обряда освященія церкви—неоказалось необходимаго сосуда съ золою; и такъ какъ его нигдѣ не могли доискаться, то Удальрикъ самъ отправился въ подземелье, гдѣ находилась зола. Тамъ, въ дальнемъ отдѣленіи, заключенъ былъ одинъ узникъ Услышавъ чей то приходъ, онъ со стономъ протянулъ руку изъ темницы; изумленный Удальрикъ подошелъ и увидѣлъ юношу, обремененнаго тяжкими оковами на шеѣ, груди и ногахъ. На вопросъ о причинѣ, узникъ разсказалъ, что онъ—сынъ какаго-то знаменитаго Датчанина и заключенъ въ темницу, какъ заложникъ, потому что отецъ его состоитъ долженъ Мицлаву пятьсотъ марокъ[103].

ac iniqui patrie subuersores per pontem demergerentur, acclamantibus; aliis uero sanioris consilii e contra protestantibus: quia, si dii essent, semet ipsos defendere possent“.. Ebo: III, 10.

102. „Immo propriis se comitesque suos transigebat sumptibus.. ne forte reputarent [Pomerani] eum causa inopie tam remotas adisse regiones; quasi, in terra sua ingruente rerum uictualium penuria, in hec opulentissima regna secedens, sub pretextu euangelizandi uite sustentacula argumentosa requireret. Quod prudenter animaduertens uir sagacissimi ingenii, numquam ab eis, quibus spiritualia seminabat carnalia metere uolebat; sed nec loco muneris quicquam ab eis percipere consensit. Si uero a primoribus sibi fidelissima familiaritate adherentibus, quicquam uoluntarie offerretur et ut id susciperet, multa precum instantia constringeretur, ipse, de suis preciosa quelibet eis honorabiliter offerens, maiora dabat, quam accepisset“... Ebo: III, 9.

103. „Pius predicator, destructis ydolorum fanis et populo sacre regenerationis

Набравъ золы, Удальрикъ возвратился къ епископу и передалъ ему, что видѣлъ и слышалъ. Оттонъ не рѣшился на этотъ разъ лично просить Мицлава и поручилъ это дѣло Удальрику и Адальберту, своему переводчику. Не охотно склонился Мицлавъ на убѣжденія ихъ: Датчанинъ былъ долженъ ему весьма значительную сумму денегъ и заключеніе его сына въ подземной темницѣ представлялось дѣйствіемъ справедливости; послѣ долгихъ увѣщаній и просьбъ, наконецъ—онъ уступилъ и велѣлъ своей стражѣ освободить должника [Ebo: III, 12] [104]. По освященіи церкви Оттону предстояло иное важное дѣло: пронеслась вѣсть, что Болеславъ, князь

lauacro in sinum matris ecclesie congregato, nouam Christo edificare cepit basilicam. Ad cuius dedicationem cum loci eiusdem princeps Mizlaus nomine uenisset, qui dudum cum aliis primoribus ad curiale colloquium in penthecoste Vznoim habitum baptismatis gratiam perceperat [precipue uero Mizlaum; ipsius ciuitatis principem, quem pridem in penthecoste cum aliis primatibus Vznoimie baptizauerat, ut in eo ceteros erudiret de omnibus his alloquitur.. Herb. III, 9], his eum beatus pontifex uerbis per interpretem suum Adalbertum allocutus est:... „Hoc est, quod moneo: ut secreta conscientie tue scruteris et, si cui aliquid per uiolentiam rapuisti, digne restituas; si quos causa pecunie captiuasti, pro honore Dei absoluas". Tum ille: „Nemini inquit uiolentiam exhibui; sed captiuos multos penes me habeo grauiter michi obnoxios". Cui uir Domini: „Require ait siqui inter eos sint christiani". Et cum requisisset, inuenit plures ex Danorum regione christianos; quos statim beato patri nostro omni debito absolutos obtulit. Ad quos seruus Dei gratulatus: „Qui, ait, cepisti, perfice gratum Domino sacrificium, ut paganos etiam captiuitate depressos.. absoluas". Et ille: „Multorum, inquit, criminum rei sunt isti et dampna michi non ferenda intulerent. Sed... iuxta uerbum tuum—absoluantur".... Ex inprouiso cineres defuerunt;... tunc religiosus presbiter Vodalricus.. ad subterraneum quoddam habitaculum pro cineribus colligendis uelocius abiit. Cuius introitu audito, captiuus illic [in abditiori parte—Herb. III, 9] latitans uocem cum gemitu emisit et manum de cauea protraxit. Obstupefactus Vdalricus accessit uidere, quidnam hoc esset; uiditque iuuenem miserabiliter collo pectore ac pedibus ferro inclusum. Et accersito interprete, hec ab eo audiuit:... „Ego sum filius nobilissimi Danorum principis [cuiusdam potentis de Dacia—Herb. III, 9]; et dux Mizlaus pro quingentis marcis, a patre meo sibi dandis, hic me inclusum retinet". [Iste in cauea subterranea uinctus cippo et cathenis tenebatur, eo quod pater euis, quingentarum librarum debitor, hunc uadem posuisset, Herb. ibd]. Ebo: III, 12.

104. „His auditis [т. е. слова Удальрика], obstupefactus princeps: „Hic, ait, captiuus singulariter michi pre omnibus aliis obnoxius est; ideo que suppliciter peto, ne causa manifestetur; sed magis in subterraneo habitaculo, ut dignus est, reseruetur"... „Quid fiet de quingentis argenti talentis, a patre ipsius pro incomparabili dampno michi illato exsoluendis?" Tunc demum Mizlaus princeps... missis militibus suis, de ergastulo tenebroso eum produxit et sic cathenis undique astrictum manibus suis altari consecrando superponens, holocaustum obtulit Domino". Ebo: III, 12.

[illegible]

99. „[illegible] dux [illegible] in multa [illegible] et copioso militum apparatu [illegible] [illegible] Pomeranie [illegible] [illegible] [illegible] Audierat enim quod post priorem [illegible] predicationem nec paci secum federis nec [illegible] seruare curarent. [illegible] comperium habebat: quod [illegible] que pridem conuerse fuerant, cum his que conuerse nondum fuerant, [illegible] [illegible] [illegible] uiribus suis se [illegible] fore confiderent; munitionibus et castris, que bellica ui conplanata fuerant, ex magna parte hoc interualo reparatis. Vnde quasi iustam commotionem habens, dux iterum eos conterere ueniebat sueque dicioni subiugare. Quod illi audientes, missisque sepius atque remissis exploratoribus, exercitum iam in proximo cognoscentes, multum ubique trepidare ceperunt; partimque fugere ac res suas ad loca munita deferre, partim etiam arma contra mouere finesque suos defendere meditabantur". Herb: III, 10.

100. „Primates natuque maiores, unanimiter ad apostolum suum confugientes eius magnopere flagitabant consilium.. Quibus auditis, nolite, ait, timere.., Ego enim comitibus meis ducem Poloniorum adeam eumque ab intentione bellandi, Deo auxiliante, auertam", Ebo: III, 13. Assumptis igitur clericis, [Vdalricum uice sua ad confirmandam neophitam plebem Vznoim reliquit. Ebo. ib.] sarcinas quidem et omnem supellectilem suam ibi relinquens, obuiam se parat exercitui; iunctis sibi uiris honorabilibus de terra, qui a duce obiectis respondere et omnibus controuersiis decidendis hinc inde exortis possent sufficere". Herb.: III, 10.

вая и разметывая кости ихъ по полямъ". Болеславъ удивлялся, какъ остались въ живыхъ проповѣдники, когда еще недавно одинъ такой былъ распятъ Поморянами на крестовой палѣ. Оттонъ говорилъ, что Поморяне приняли теперь христіанство, и онъ пришелъ именно за тѣмъ, чтобы отвратить отъ нихъ грозу войны; иначе, возмущенные при самомъ началѣ христіанской жизни, они могутъ уклониться отъ прямаго пути. Болеславу нелегко было отказаться отъ давно задуманнаго предпріятія: онъ опасался вызвать общее презрѣніе своего народа, если не возместитъ должнымъ возмездіемъ столь виновному обидчику, поморскому князю. Желая, однако, уважить Оттона, онъ соглашался прекратить войну, если Вартиславъ самъ въ смиреніи придетъ къ нему и станетъ просить о милости. Немедленно посланы были за княземъ Вартиславомъ и Удальрикомъ почетные послы, причемъ напередъ обеспечена была безопасность прочнаго мира. По тредневномъ пути Вартиславъ и Удальрикъ прибыли въ Польшу и вступили въ переговоры о дѣлѣ; два дня совѣщанія не приводили къ желанному соглашенію и только на третій, при посредничествѣ Оттона, состоялись условія мира и союза, которые и скрѣплены были въ присутствіи правителей и знатныхъ людей взаимнымъ поцалуемъ польскаго и поморскаго князей. Затѣмъ, во свидѣтельство своей преданности Вартиславъ принесъ на олтарь Адальберта большую сумму денегъ и за тѣмъ отправился вмѣстѣ съ Оттономъ и свитою обратно въ Узноимъ. Епископъ ревностно продолжалъ свое дѣло, по прежнему посылая служителей слова божья для проповѣди по окрестнымъ городамъ [Ebo; III, 13] [107]. Неподалеку отъ

107. „Agnitis causis itineris [dux Poloniorum] admodum obstupuit; dicens: gentem illam beluine ferocitatis immanitate terram populumque suum deuastasse, adeo ut etiam parentes suos e sepulchris protraheret et collisis capitibus dentes excuteret ossaque eorum per publicum aggerem disperderet; mirumque esse quod ipse uiuus discerptus non fuisset ab eis, cum omnes anteriori tempore Christum illic anunciantes mortis sententiam incurrissent sed et unus eorum crucis patibulo nuper affixus occubuisset. At ille... gratia christi gentem illam aiebat initiatam; seque ad hoc uenisse, ut incursionem bellorum ab ea amoueret, ne nouus grex inter ipsa fidei primordia turbatus a recto tramite exorbitaret. Dux autem Polizlaus respondit: non ex facili sibi constare, ut expeditionem illam, tanto tempore propositam, intermitteret; sed pro nichilo se deinceps ab omni populo suo habendum, si Pomeranorum ducem tam grauiter sibi obnoxium debito talione non repercuteret..... „Si, inquit, humiliatus Pomeranorum dux per semet ipsum michi occurrere et ueniam deprecari uoluerit, faciam secundum uerbum tuum"... Mox ergo legati honorabiles Wortizlaum ducem et Vdalricum capellanum accersientes, diriguntur, data eis prius firmissime pacis desiderata securitate. Qui trium dierum itinere confecto, Poloniam uenerunt et, honorifice cum suo comitatu

Узноима, за озеромъ жило племя Укранъ, отличавшееся особенною дикостью и свирѣпостью нравовъ; услышавъ объ успѣхѣ проповѣди Оттона, они неоднократно присылали къ нему, объявляя, что если онъ придетъ въ ихъ землю, то немедленно со всѣми своими будетъ преданъ жестокой смерти[108]. Потому, хотя епископъ и имѣлъ сильное желаніе итти въ ту землю, но приближенные люди всегда удерживали его; наконецъ, на этотъ подвигъ вызвался Удальрикъ, и Оттонъ далъ ему дозволеніе и назначилъ спутниковъ. Несмотря на всѣ отговоры и представленія переводчика Адальберта, Удальрикъ оставался твердъ въ своемъ намѣреніи и однимъ днемъ отправился въ путь вмѣстѣ съ спутниками и какимъ то переводчикомъ Полякомъ. Погода сначала была благопріятна, но когда они отъѣхали отъ берега на значительное разстояніе, поднялась буря и обратно прибила волной ладью ихъ къ прежней пристани. Буря продолжалась цѣлые семь дней и помѣшала Удальрику привести въ исполненіе его намѣреніе [Ebo: III, 14]. Оттонъ желалъ теперь итти въ Штетину, жители которой, какъ было извѣстно, снова отпали въ язычество; близкіе люди старались отговорить его отъ опаснаго путешествія въ городъ, гдѣ возбужденный жрецами народъ готовилъ ему гибель; но Оттонъ не поколебался: не находя должнаго соревнованія въ своихъ сотрудникахъ, онъ рѣшился самъ исполнить задуманное и тайно ото всѣхъ, собравъ необходимые пожитки, вышелъ въ путь; онъ прошелъ уже значительное пространство и готовился отплыть далѣе на кораблѣ, какъ былъ настигнутъ спутниками, которые замѣтили его отсутствіе и отправились отыскивать его[109]. Они твердо рѣшились не остав-

suscepti, causam pro qua uenerant tractare ceperunt. Sed per duos dies interminatam reliquerunt; tercia tandem die, pio Ottone mediante, reconciliati pacis oscula libant et, abdicata bellandi intentione, fedus intemerate dilectionis ambo duces coram primatum et nobilium frequentia pepigerunt. Ipse quoque dux Pomeranorum in testimonium deuotionis sue magnam pecunie quantitatem super altari beati Adalberti martiris... obtulit,... itinere quo uenerat cum pio Ottone uniuersoque comitatu Vznoim reuersus est... piusque predicator ad circumpositas ciuitates uerbi ministros, sicut et antea, peruigili solicitudine dirigebat". Ebo: III, 13.

108. „Erant autem trans mare barbari crudelitatate et seuicia singulares, qui Vcrani dicebatur. Hi, audita beati presulis opinione, crebris ei legationibus mandauerant: quod, si umquam terras eorum intrare presumeret, sine mora cum omnibus suis morti acerbissime se tradendum sciret". Ebo: III, 14. Гербордъ III, 11, 12, въ описаніи неудачной поѣздки Удальрика къ Укранамъ не прибавляетъ ничего новаго къ извѣстію Эбона, кромѣ страннаго утвержденія, что страна Укранъ лежала на островѣ.

109. „Apostolus Pomeranorum... ad Stetinenses, qui a fide apostatauerant, iter suum direxit; licet multi fideles Christi et familiares sui cum ab hoc proposito

лять его, но убѣдили пока возвратиться и повременить до слѣдующаго дня, когда путешествіе должно было совершиться сообща [Ebo: III; 15; Herb.: III, 13][110].

На другой день Оттонъ съ своими сотрудниками отправился на кораблѣ въ Штетину. Штетинцы раздѣлялись на двѣ стороны: одни оставались вѣрны христіанству, другіе по большей части возвратились къ язычеству. Когда Оттонъ приближался къ городу, его скоро замѣтили и узнали: вѣстовщики кричали гражданамъ, что прибылъ обманщикъ, что слѣдуетъ встрѣтить его оружіемъ и отмстить за обиду боговъ своихъ. Переводчикъ передалъ объ этомъ Оттону, и тотъ облекся въ священныя одежды съ знаменьемъ креста приготовился встрѣтить опасность. Предъ входомъ въ городъ на площади стояла церковь св. Петра, построенная Оттономъ въ первое путешествіе; сюда укрылись проповѣдники и немедленно начали божественное служеніе. Немного спустя, толпа съ шумомъ высыпала изъ городскихъ воротъ и окружила церковь съ намѣреніемъ разорить ее и предать смерти пришельцевъ; но слыша церковное пѣніе, остановилась въ нерѣшимости и долго совѣщалась, что дѣлать; наконецъ—успокоилась и ушла обратно[111]. Это было

reuocarent. Nam pontifices ydolorum plebem apostatam in necem eius unanimiter concitauerant. Sed ipse, nullum suorum hoc opus aggredi presumere cernens, quodam die, secreto collectis pontificalibus exuuiis colloque inpositis, sollus illo tendere cepit et, nauim ibi fortuito pretereuntem aspiciens, naulo dato eam quantocius ingredi accelerabat. Quod Vdalricus... animaduertens, sociis confestim indicauit. Illi pernici cursu eum insecuntur; primusque Adalbertus interpres, eum comprehendens inuitum ac renitentem domum redire eompulit". Ebo: III, 15.

110. Послѣднее обстоятельство находится только у Герборда: III, 13; вообще сжатый до темноты разсказъ Эбона—у Герборда представляется гораздо подробнѣе и обстоятельнѣе: нѣтъ сомнѣнія, что онъ почерпнулъ его изъ другаго источника.

111. „Ascensa naui, prosperis flatibus Stetinam uecti sumus. Homines autem de ciuitate inter se diuisi erant, aliis adhuc in fide manentibus, aliis autem ex maiori parte ad paganismum reuersis". Herb.: III, 14. „Cum ciuitati Stetinensi appropinquassent, speculatores eos agnoscentes et considerantes ingenti strepitu ciuibus antiquum erroris magistrum superuenire acclamabant, cui cum gladiis et fustibus occurrere et—ad iniuriam deorum uindicandam—indigne tractare expediret. Quod famulus Dei cum per interpretem agnouisset, crucis uexillum erexit, pontificalibus sese indumentis preparauit eisque obuiam ire deliberauit. Primoque ecclesiam principis apostolorum, quam ante portam [ante introitum ciuitatis in area spaciosa, Herb.: III, 14] eiusdem urbis ipse exstruxerat, ingressus, debitum Christo persoluebat obsequium.. Illi uero, post modicum tumultuoso strepitu portis erumpentes [ecclesiam undique cingerent et insanis tumultibus debachantes, edem ipsam conuellendam et omnes qui erant ibi una cum magistro interficiendos cla-

въ пятницу; слѣдующій день проповѣдники провели здѣсь же, постомъ и молитвою готовясь къ предстоящему подвигу, быть можетъ — подвигу мученичества [Herb. III, 14; Ebo: III, 15]. Между тѣмъ благоразумная часть жителей Штетины совѣщалась со жрецами и вызывала ихъ защитить свое дѣло и старую религію основательными доказательствами; извѣстный же знатный гражданинъ Вирчакъ, и прежде при всякомъ удобномъ случаѣ и мѣстѣ, въ народныхъ совѣщаніяхъ, на улицѣ и въ домахъ говорившій въ пользу христіанства, ободренный теперь присутствіемъ Оттона, дѣйствовалъ съ особенною ревностью[112]: онъ пришелъ къ епископу съ друзьями и родственниками, разсказалъ ему обо всемъ происходившемъ и побуждалъ къ проповѣди, обѣщая полное содѣйствіе и свое и своихъ близкихъ [Herb. III, 14, 15, 16]. Въ Воскресенье, отслуживъ обѣдню, Оттонъ, какъ былъ въ церковныхъ облаченіяхъ и предшествуемый знаменемъ креста—отправился съ своимъ клиромъ на торговое мѣсто, стоявшее среди города. Съ ними слѣдовалъ и Вирчакъ. У городскихъ воротъ, онъ дотронулся копьемъ до висѣвшаго челна и обратилъ на него вниманіе Оттона, говоря, что этимъ знакомъ хотѣлъ предложить каждому мимоидущему свидѣтельство о милосердіи божьемъ и его [т. е. епископа] заслугахъ. Сквозь густую толпу народа проповѣдники пришли на торговую площадь; тамъ стояли большія деревяннныя степени, подымавшіяся уступами вверхъ; отсюда вѣстники и власти имѣли обыкновеніе говорить къ народу. Оттонъ съ клиромъ взошелъ на одну изъ нихъ, и когда, по движенію руки Вирчака, улегся шумъ непріязненной толпы — началъ проповѣдывать чрезъ переводчика Адальберта [Herb. III, 17, Ebo: III, 15][113]. Народъ не неохотно

mitarent. Herb., III, 14], cum seruos Christi diuinas laudes psallere cernerent, diu multumque hesitantes et inter se quidnam agerent conferentes, tandem... uia qua uenerant confusi regrediuntur", Ebo: III, 15. „Unus autem ex ciuibus cui auctoritatem non sapentia solum, sed et senectus addiderat, id fieri uidens uehementer indoluit ac primo conuersus ad plebem, utquid contra inermes armata conuenerit, sciscitatur.... perdere homines innocentes, sine causa, sine audientia, non debere"... Priefl. Mon. III, 7.

112. „Sapientiores quique super his rebus ipsos sacerdotes secretius conueniunt, ipsorum esse dicentes: congruis rationibus religionem suam defendere". Herb. III, 14. „Interea ciuis quidam nobilis eiusdem ciuitatis Witscacus nomine in conuentu populi, in plateis et domibus, ubicunque et quandocunque facultatem habuit, regnum Dei et fidem predicare non desiit". Herb. III, 15.

113. „Die dominico, completis missarum sollempniis, sicut erat sacra indutus armatura, uexillo crucis ex more prelato, in medium forum ciuitatis duci se rogauit. Cum ad portam uentum esset, ecce, per quam sine remigio trans mare Witscacus uectus erat, nauicula poste pendebat, et admotus lateri pontificis: „Vides, ait, pater". Et feriens eam hasta: „Hanc idcirco su-

слушалъ слова епископа, но тишина продолжалась не долго. Одинъ жрецъ, „толстый и громадный“, еще прежде замышлявшій гибель Оттону, услышавъ, что онъ проповѣдуетъ теперь на вѣчевомъ мѣстѣ, пришолъ ярость, прибѣжалъ съ палицей въ рукѣ, продрался сквозь толпу къ „степени“ и сильными ударами потрясъ столбъ, на которомъ стояла она. Съ ругательствами онъ кричалъ епископу замолчать и, заглушивъ голосъ его и переводчика, укорялъ народъ, что поддался обману; онъ называлъ Оттона врагомъ народа и боговъ его, побуждалъ немедленно поразить его копьями, которыя они постоянно носили съ собою. Толпа взволновалась, нѣкоторые уже подняли руки, чтобы метнуть копья, какъ внезапно остановились. Видя ихъ бездѣйствіе, жрецъ въ ярости старался вырвать копье у одого изъ нихъ, и самъ намѣревался поразить Оттона, но также немогъ ничего сдѣлать и скоро обратился въ бѣгство[114]. Отъ чего произошло это—неизвѣстно, но самое событіе не могло не казаться чудеснымъ; такъ, покрайней мѣрѣ, объяснили его и Оттонъ и его спутники. Счастливо миновавъ опасность, Оттонъ сошелъ съ степени и отправился въ полуразрушенную церковь

spendi feci ad portam, ut ingredientes et egredientes hoc facto discerent, quid in suis necessitatibus de misericordia Dei ac de tuis meritis sperare deberent“. His dictis, in consertissimas turbas paganorum, ministris comitantibus, in medium forum sese intulit episcopus. Erant autem ibi gradus lignei, de quibus precones et magistratus concionari soliti erant [у Эбона: erant autem illic piramides magne et in altum more paganico murate, III, 15.] In quibus stans minister [per interpretem suum Adelbertum, Ebo, ib.] euangelii sermonem cepit, fremitum autem dissidentis populi Witscacus uice preconis manu et uoce sedabat“. Herb.: III, 17.

114. „Predicante autem eo, ecce pontifex ydolorum anhelus cucurrit [pinguis et procerus.. cambucam suam manu gestabat.. Herb.: III, 18] multoque sudore confertissimam irrepens turbam, piramidem percussit [usque ad ipsos gradus accessit leuataque manu semel et bis columpnam graduum ualidissime percussit] ac seruum Dei obmutescere magni clamoris uirtute imperauit. Ipse enim cum suis priori nocte in necem episcopi... conspirauerat; sed... hoc frustratus est proposito. Cumque.. uirum Dei in conuentu forensi iam predicare audisset, furibundus illuc accurit ac silentium indixit. Sed famulus Domini constanter que ceperat prosecutus est. Ille autem, gracilem Adelberti uocem interpretis sua clamosa atque altisona comprimens [ait: „Sic, o insensati stulti et inertes, quare decepti et incantati estis? Ecce hostis uester et hostis deorum uestrorum?“ Herb.: III, 18] magna fortitudine barbaris imperat; ut praedicatorem Christi hastis, quas more Quiritum Romanorum iugiter ferebant, transfodere non morentur. Qui, iussis eius obaudientes, cum dextras alcius ad sagittandum eum eleuassent,.. quasi saxa diriguerunt... Quod cernens infaustus ille ydolorum sacerdos, ira inflammatus, ignauiae eos accusare cepit unique eorum hastam manu eripere ac seruum Christi conatus est transfodere. Nec mora et ipse diriguit; pudoreque actus in fugam conuertitur“. Ebo: III, 16.

св. Адальберта; по торжественной молитвѣ, онъ ниспровергъ стоявшій вблизи языческій жертвенникъ и выбросилъ его. Это, быть можетъ, было причиною новаго народнаго волненія: толпа, вооруженная мечами и палками, окружила церковь и снова грозила смертью проповѣдникамъ; но и на этотъ разъ ушла, не сдѣлавъ имъ никакаго вреда. При такомъ расположеніи умовъ, знатный Вирчакъ и его друзья настоятельно убѣждали Оттона уйти скорѣе изъ города, говоря что иначе, окруженный коварствомъ жрецовъ, онъ погибнетъ; но епископъ отказался. На нѣкоторое время, казалось, гроза утихла: назначено было чрезъ двѣ недѣли собратьси вѣчу, на которомъ жрецы и народъ должны были окончательно рѣшить: примутъ ли они христіанство или откажутся отъ него [115]. Народъ, тк. обр., выжидалъ дальнѣйшаго, а Оттонъ, воспользовавшись спокойствіемъ, заботился о возстановленіи церкви св. Адальберта, которое предпринялъ на свои деньги [Ebo: III, 16; Herb.: III, 18]. Онъ часто посѣщалъ этотъ храмъ, и однажды встрѣтилъ игравшихъ на улицѣ дѣтей, поздоровался съ ними на ихъ родномъ языкѣ и, какъ будто въ шутку, благословилъ знаменьемъ креста; онъ шелъ далѣе, какъ замѣтилъ, что всѣ они, оставивъ игры, съ дѣтскимъ любопытствомъ слѣдовали за нимъ и разсматривали незнакомыхъ людей. Оттонъ остановился и спросилъ: нѣтъ ли между ними принявшихъ крещеніе? Такіе нашлись, и епископъ, взялъ ихъ на сторону—спрашивалъ, желаютъ ли они сохранить ту вѣру, въ которой крещены? Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ говорилъ, что, какъ христіане, они не должны быть вмѣстѣ съ язычниками и допускать ихъ къ своимъ играмъ. Сейчасъ же крещеные отдѣлились отъ некрещеныхъ и, переставъ играть съ ними, отворачивались отъ нихъ. Гордясь своимъ христіанствомъ, они запросто и смѣло обращались съ епископомъ и слушали его даже среди игръ; некрещеные же стояли поодаль въ замѣшательствѣ

115. „Descendens uero de gradibus, ecclesiam S. Adalberti cum fidelibus uisitauit ac, premissa inibi orationis sollempnitate, altare abhominationis fregit, comminuit et eiecit". Herb. III, 18. „Interea barbari cum gladiis et fustibus congregati portam ecclesiae ambiunt, seruos Dei ad mortem expetunt; sed mox.. in fugam conuertuntur. Tunc Wirtschachus princeps... cum ceteris familiaribus episcopi superuenit, omnimodis eum deposcens, ut ab urbe secederet, priusquam perfidia sacerdotum circumuentus, morti succumberet. Abnegat presul beatissimus.. Indicitur ergo generale colloquium post quatuordecim dies, in quo certa diffinicione sacerdotes cum plebe iugum Christi aut susciperent, aut penitus abdicarent". Ebo: III, 16. Нѣкоторыя, впрочемъ глухія, выраженія Эбона даютъ какъ будто бы поводъ заключать, что вѣчевыя ступени стояли за городомъ, а не въ срединѣ его на торговомъ мѣстѣ но ясныя показанія Герборда прямо этому противорѣчатъ; cf. Herb.: II, 36.;

и какъ будто въ испугѣ. Оттонъ, дѣтскою, понятною рѣчью, укрѣпилъ въ вѣрѣ первыхъ и столь долго убѣждалъ послѣднихъ, что и они возжелали принять крещеніе и стать христіанами [Herb. III, 19].

Кажется, еще до общаго окончательнаго вѣча — происходило предварительное обсужденіе дѣла: старѣйшины и благоразумные люди долго совѣщались между собою о предстоящемъ дѣлѣ, интересахъ города и отечества; въ особенности тщательно взвѣшивали они слова и поступки Оттона; наконецъ—рѣшили снова обратиться въ христіанство и окончательно, безповоротно отказаться отъ язычества. На этомъ разошлась сходка. Ночью пришелъ къ епископу Вирчакъ съ немногими друзьями: онъ самъ присутствовалъ въ собраніи и теперь кратко разсказалъ о происходившемъ [Herb.: III, 20] [116]. Въ назначенный день—въ большомъ, удобномъ для совѣщанія зданіи, помѣщавшемся въ срединѣ города на холмѣ Триглава, гдѣ стоялъ замокъ князя—собралось вѣче; на немъ присутствовали знатные люди, жрецъ и старѣйшины, явился и Оттонъ. Когда воцарилось молчаніе, онъ спросилъ, что рѣшили они: желаютъ ли принять божественную религію, или останутся при служеніи князю тьмы? Одинъ изъ жрецовъ отвѣчалъ, что какъ прежде, такъ и теперь и всегда они твердо будутъ чтить боговъ отцовъ своихъ и потому—напрасенъ трудъ и слово его. Возмущенный Оттонъ грозилъ имъ вѣчною мукою и, поднявшись съ мѣста, возложилъ на себя столу и готовился предать ихъ проклятію. Увидѣвъ это, знатные люди просили его остановиться на нѣкоторое время, сами же, оставивъ жрецовъ въ домѣ, вышли для отдѣльнаго совѣщанія и скоро единодушно рѣшили отказаться отъ язычества и принять христіанство. Знатнѣйшій изъ нихъ Вирчакъ, войдя къ епископу, объявилъ, что онъ и знатные люди—правители опредѣлили: жрецовъ, зачинщиковъ всякаго зла—изгнать изъ предѣловъ отечества и во всемъ, что касается дѣла религіи—слѣдовать

116. „Interim uero maiores natu et sapientiores quique, de rebus istis altius inter se tractaturi consederant et, a mane usque ad medium noctis huic deliberationi uacantes, de salute propria et tocius populi, de statu ciuitatis et conseruatione patrie secundum prudentiam seculi diligenter disputabant. Precipue autem uniuersa, que Ottonis erant, dicta uel facta examussim trutinabant; et.. in hanc sententiam omnes communiter cedunt, ut funditus exstirpata ydolorum cultura, ex intergo se religioni christiane submittant. Atque in hoc uerbo concilium soluunt. Witscacus autem, qui omnibus his intererat, nocte ipsa cum paucis ad episcopum ueniens, optatum nuncium affert, omne consilium ei breuiter insinuans“. Herb.: III, 20. Причину почему мы принимаемъ это совѣщаніе въ смыслѣ предварительнаго—объяснена въ слѣдующей выноскѣ.

его, Оттона, руководству и наставленію. Узнавъ такое рѣшеніе, жрецы поспѣшно удалились; и съ той поры ни одинъ изъ нихъ болѣе не появлялся въ той мѣстности. Оттонъ же съ своими сотрудниками приступилъ къ уничтоженію языческихъ капищъ [Ebo: III, 16] [117]. За тѣмъ, когда остававшіеся въ язычествѣ были крещены, а отпадшіе отъ христіанства присоединены къ церкви, случилось происшествіе, необычайность котораго проповѣдники объясняли особеннымъ благоволеніемъ божьимъ. Штетинскіе рыболовы поймали въ рѣкѣ Одрѣ двухъ необычайной величины камбалъ, которыя встрѣчались тамъ только весною, а не осенью [это было именно въ Августѣ]. Изумленные такой ловлей, они принесли ихъ въ даръ проповѣдникамъ, объясняя, что имъ никогда не случалось видѣть этой рыбы въ настоящее время года; камбалы были —

117. Statuta die antistes Domini montem Trigelaui in media ciuitate, ubi sedes erat ducis, ascendit magnamque domum, huic colloquio oportunam, intrauit. Assunt principes cum sacerdotibus natuque maioribus, et facto silencio uir Domini sic ait:... „ex ore uestro audire desidero, utrum dm. meo Iesu Christo an principi tenebrarum diabolo seruire disposuistis". Respondens unus sacerdotum: „Non, inquit, tanto tempore colloquium hoc differri oportuit; quia et pridem et nunc et semper deos patrum nostrorum colere fixum est nobis; ideoque noli frustra laborare, sermo tuus non capit in nobis". Quibus auditis, uir Domini.... de loco suo consurgens, arma spiritualia arripit, stolam collo inponit, ut eos anathematis uinculo astringat. Quo uiso principes... uestigiis eis aduoluuntur, humiliter supplicantes, ut... adhuc breuissimi spacium colloquii eis indulgeat. Annuit statim presul piissimus... principes ergo, relictis in domo sacerdotibus, egressi, unanimiter fidem Christi, abdicatis ydolatrie sordibus, receperunt. Primusque Wirtschachus, nobilissimus eorum, ad seruum Dei ingressus, hanc pro omnibus dedit rationem: Ego, pater honorande, cum primatibus hunc locum regentibus.. pari uoto in hoc conuenimus: ut sacrilegos istos sacerdotes, omnium malorum incentores, longe a terminis nostris eliminemus, teque ducem et preceptorem in uiam salutis eterne auida mente sequamur".... Quo audito, cuncti sacerdotes ydolorum sine mora surgentes pernici fuga elapsi sunt, ita ut nullus eorum deinceps ibi comparuerit. Antistes autem Domini.. confestim delubra ydolorum cum suis destruere cepit". Ebo: III, 16. Сравнивая Эбоновъ разсказъ о сеймѣ съ вышеприведеннымъ Гербордовымъ, мы встрѣчаемъ между ними такія несогласимыя разности, что почти становится невѣроятнымъ, чтобы дѣло шло объ одномъ и томъ же происшествіи; невѣроятнымъ также кажется, чтобы рѣшеніе такаго важнаго дѣла, каково принятіе христіанства могло произойти такъ, какъ передаетъ его Эбонъ, т. е. вдругъ, безъ предварительныхъ совѣщаній и обсужденій. Вотъ почему, въ видѣ предположенія—мы обособляемъ оба разсказа въ отдѣльные факты совѣщаніе предварительное [изложенное у Герборда] и собственный сеймъ [описанный Эбономъ]. Конечно это обособленіе—далеко не историческая достовѣрность и принимается только по необходимости, но оно вполнѣ удовлетворяетъ нашей цѣли.

будто-бы такъ велики, что Оттонъ со всею свитою кормились ими въ продолженіи двухъ недѣль и еще удѣлили часть нѣсколькимъ знатнымъ людямъ [Ebo III 17][118]. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Штетины находилось какое то языческое святилище; разрушеніе его Оттонъ поручилъ своему вѣрному и близкому Удальрику. Тотъ отправился, но немногіе еще остававшіеся приверженцы язычества, замѣтивъ съ городской стѣны, куда онъ шелъ, старались поразить его въ голову камнями и бревнами. Хотя Удальрикъ и остался невредимъ, но долженъ былъ возвратиться назадъ. Когда Оттонъ узналъ объ этомъ, онъ облекся въ церковныя облаченія, и съ знаменемъ креста самъ отправился на опасное предпріятіе. Приверженцы язычества на этотъ разъ не посмѣли напасть на него: они разсѣялись и скрылись по своимъ убѣжищамъ. Разрушивъ святилище, Оттонъ на возвратномъ пути нашелъ огромное орѣховое дерево, подъ которымъ протекалъ источникъ: они были посвящены какому то божеству. Не медля, епископъ приказалъ срубить дерево; но пришедшіе Штетиняне усильно просили не дѣлать этого; ибо бѣднякъ, сторожившій орѣшникъ, продажею его поддерживалъ свое скудное существованіе; сами же они клятвенно увѣряли, что навсегда запретятъ жертвоприношенія языческому божеству, которыя совершались въ этомъ мѣстѣ. Оттонъ благоразумно уступилъ имъ просьбѣ; но покамѣсть шли переговоры, внезапно явился сторожъ дерева и, подойдя къ епископу сзади, размахнулся сѣкирою и хотѣлъ поразить его; по счастію—ударъ былъ невѣренъ и сѣкира, миновавъ Оттона, вонзилась въ мостъ, на которомъ стоялъ онъ, и такъ глубоко засѣла въ деревѣ, что бросившій съ трудомъ могъ вытащить ее[119]. Увидя это, переводчикъ

118. „Piscatores Stetinensium autumpnali tempore, quo hec christiane milicie rudimenta agebantur [т. е. 1127 г.], ad fluuium Odoram progressi, quos insolite magnitudinis rombones apprehendunt, quorum occursus non nisi uerno tempore esse solet. Obstupefacti illi nouam hanc capturam, nouis predicatoribus celitus prouisam, inter se conferunt; moxque apostolo suo cum hec iocundo munere occurentes, aiebant: nunquam in illis partibus rombones autumpnali tempore uisos... Erant autem rombones tante uastitatis et longitudinis, ut seruo Dei cum uniuerso comitatu suo per quatuordecim dies sufficientem preberent alimoniam, ita ut nobilibus etiam quibusque ex eadem copia reliquie honorabiliter partirentur“. Ebo: III, 17.

119. „Erat autem fanum quoddam longius remotum, ad quod deiciendum fidelem et familiarissimum sibi Vodalricum sacerdotem religiosum direxerat. Sed pauci qui remanserant fautores ydolorum, de murc prospicientes eum illo tendere, iactu lapidum et lignorum caput eius conterere moliebantur. Qui tamen illesus euasit, reuersusque ad pium patrem Ottonem, insidias eorum retexuit. Vir Domini, statim elato crucis uexillo ac pontificali redimitus infula, semet ipsum huic periculo ingerere non dubitauit; cuius presenciam

Адальбертъ пораженъ былъ ужасомъ, онъ быстро бросился, вырвалъ сѣкиру изъ рукъ варвара и скрылъ ее; всѣ другіе окружили виновника и грозили ему смертью. Заступничество Оттона спасло его; Адальбертъ относилъ это чудесное спасеніе къ покровительству божію, говоря что сторожъ орѣшника владѣлъ природнымъ талантомъ и такъ былъ искусенъ въ метаніи копья и ударѣ сѣкиры, что безошибочно могъ попасть въ самую средину небольшаго отверстія [Ebo. III, 18, 19][120].

Оттонъ исполнилъ въ Штетинѣ все, чего требовала его духовная обязанность; онъ хотѣлъ теперь возвратиться въ Узноимъ; но граждане пришли и убѣдительно просили его утишить раздоръ, возникшій между ними и княземъ Вартиславомъ. Оттонъ обѣщалъ, но требовалъ, чтобы Штетиняне съ своей стороны отправили вмѣстѣ съ нимъ почетныхъ пословъ, которые, въ случаѣ если князь имѣетъ какія жалобы, могли бы разъяснить ихъ и потомъ увѣдомить своихъ согражданъ о дѣлахъ состоявшагося мира. Послы были снаряжены и во время пути могли оказать Оттону добрую защиту; ибо ему снова готовилась гибель. Два жреца устроили засаду съ цѣлью убить его, они тайно отправили впередъ толпу воиновъ [числомъ 84], которые въ одномъ узкомъ водномъ проходѣ должны были напасть на епископа, отрубить ему голову и доставить ее жрецамъ. При приближеніи Оттона засада дѣйствительно

barbari non ferentes, hac illacque dispersi, fuge latibula quesiere. Destructo igitur fano, cum uir Dei reuerteretur, arborem nuceam pregrandem ydolo consecratam cum fonte, qui subter fluebat, inuenit; quam statim succidere suis imperauit. Accedentes uero Stetinenses suppliciter rogabant: ne succideretur; quia pauperculus ille custos arboris ex fructu eius uitam alebat inopem. Se autem, iureiurando affirmabant, sacrificia, que illic demoniis exhibebantur, generale edicto perpetualiter inhibere. Quorum petitioni doctor piissimus, dictante equitatis ratione, nauiter annuit. Dum uero mutuis hec conferunt sermonibus, ecce barbarus ille custos arboris [agri possessor Herb.: III, 22] ex inprouiso accurrit, seruoque Dei post tergum clam assistens, eius sanctum uerticem francisca annisu forti appeciit [securim bellicam utrisque manibus leuans, caput episcopi ferire nisus est, Herb. ib.]. Sed.. frustrato ictu, ponti firmo tabulatu strato, cui tum forte superstabat, franciscam tam ualide infixit, ut dificultas extrahendi moram percussori faceret". Ebo: III, 18.

120. „Quo uiso Adalbertus interpres, nimio terrore concussus, perniciter franciscam barbari manibus eripit et abscondit; omnesque.. sacrilegum inuadunt et mortem ei intentant. Sed pietas Ottonis, ne quid mali homicida patiatur, obsistit eique licet indigno uitam et salutem impetrat. Adalbertus autem montem S. Michaelis babenbergensem deuota inclinatione salutans, ait....: „barbarus iste, naturali ingenio callens, ita sagittandi uel manu feriendi peritia est imbutus, ut etiam angusti foraminis orbem non frustrato ictu oppetere idoneus esset". Ebo: III, 19.

выбѣжала и готова была сдѣлать нападеніе, но, встрѣтивъ въ послахъ своихъ согражданъ и друзей и узнавъ, по какому дѣлу они ѣдутъ съ епископомъ, оставила враждебныя намѣренія и удалилась [121]. Разсказывали потомъ, что и оба жреца погибли неестественною смертью: одинъ пораженъ былъ ударомъ, другой—впалъ въ какое то помѣшательство и былъ повѣшенъ своими же соотечественниками [Ebo, III, 20]. Въ Волынѣ Оттонъ не встрѣтилъ никакаго противорѣчія: какъ прежде Волынцы отпали отъ христіанства, слѣдуя примѣру Штетинянъ, такъ теперь, по обращеніи послѣднихъ, легко обращались и первые; потому что у Волынцовъ считалось какъ бы правиломъ поступать во всемъ по примѣру Штетины [Herb. III, 25] [122]. Народъ вѣрилъ въ особое могущество Оттона, потому часто прибѣгалъ къ нему въ своихъ нуждахъ; такъ приходилъ одинъ воинъ, прося о помощи для сына, страдавшаго лунатизмомъ и предлагая въ подарокъ двѣ пары быковъ, приходила какая то слѣпая женщиина, прося объ исцѣленіи. Оттонъ помогалъ каждому—сколько могъ, увѣщевалъ гражданъ помнить прежнія бѣдствія и не возвращаться болѣе къ поклоненію Юлу [sic!] и его копью, къ обожанію идольскихъ изображеній или истукановъ. Приспѣвшее время жатвы нерѣдко заставляло поселянъ нарушать христіанскіе праздники, и по этому поводу разсказывали о нѣкоторыхъ

121. „Igitur confirmatis in fide et doctrina Domini Stetinensibus cum uir Dei Vznoim redire disponeret, accedentes ad eum urbis eiusdem ciues suppliciter rogabant, ut discordiam, que inter eos et ducem Wortizlaum conflata erat, suo interuentu dissolueret. Ad hec ille: „Faciam, inquit, ut uultis; sed peto, legatos honorabiles ex parte uestra mecum dirigi, qui pacis huius munia uobis reportent et, si dux iuste aliquid habet querele, de obiectis rationem reddant". Confestim legati Stetinensium bono pastori assignantur, qui etiam non paruo in eadem uia presuli almo fuere presidio. Nam quo pontifices ydolorum uiro Dei mortis laqueos intenderunt; ut milites octoginta quatuor clam premiserant, qui eum obseruantes in reditu ingularent et caput eius palo infixum sibi remitterent... Cum ergo milites.. uirum Dei nauigantem aspexissent, ex insidiis erumpentes, quo tenderet, clamosa uoce requirunt. Respondentes legati Stetinenses, cur hoc inquirerent, uicissim percunctantur. At illi, uoces ciuium et amicorum suorum agnoscentes, gradum sistunt seque presentiam eorum illic nescisse fatentur". Ebo. III, 20. Кажется одно только стремленіе придать литературную обработку простому разсказу Эбона, и ничто иное, увлекло Герборда [III, 24] въ сторону: онъ передаетъ происшествіе нѣсколько иначе, чѣмъ Эбонъ, рисуетъ напр. цѣлую картину схватки между проводниками Оттона и засадой, но при всѣмъ томъ, не прибавляетъ къ своему источнику ни одной существенной, самостоятельно важной черты.

122. „Sicut enim exemplo Stetinensium pridem a fide recesserant, ita denuo, conuersis illis, facile conuertebantur. Illos enim per omnia imitari, quasi pro sententia eis fuit". Herb. III, 25.

чудесныхъ наказаніяхъ, постигшихъ виновныхъ [Ebo. III, 21, 22; Herb.: III, 26, 27, 29][123].

Изъ Волына Оттонъ, вмѣстѣ съ послами Штетины, отправился въ Каминъ къ князю Вартиславу и былъ съ почетомъ встрѣченъ имъ и всемъ народомъ. Объяснивъ князю дѣло, по которому пришолъ, онъ просилъ его о мирѣ. Вартиславъ отвѣчалъ, что Штетинцы—народъ упорный, не уважали ни Бога, ни людей и долгое время безчестили землю его, опустошая ее своими грабежами и разбоями, но такъ какъ теперь ихъ буйство укрощено Оттономъ, то они и могутъ, при его посредничествѣ, получить желанный прочный миръ. Немедленно затѣмъ послы Штетины, отказались отъ прежней неправды, приняли отъ князя поцалуй мира и принесли должную благодарность Оттону за примиреніе; потомъ они купили необходимые припасы — чего прежде, находясь въ враждѣ, никакъ несмѣли сдѣлать—и довольные, ушли обратно къ своимъ [Ebo: III, 23][124].

Между тѣмъ Руяне, узнавъ, что Штетиняне безъ ихъ совѣта и участія приняли христіанство, порушили союзъ съ ними, прервали торговлю и всякія взаимныя сношенія торговыхъ людей. Ненависть ихъ къ Штетинянамъ росла постепенно и вскорѣ перешла въ открытую вражду: они удалили отъ своихъ береговъ корабли Штетинянъ и, по общему приговору, постановили считать ихъ вра-

123. „Miles quidam, habens filium lunaticum, seruo Dei eum adduxit; boues quatuor, ut sanitati puerum restitueret, obtulit". Ebo: III, 21. „Moneo, ut, illius calamitatis memores, nec Iulium ipsum nec Iulii hastam nec statunculos ydolorum uel simulacra ullo modo colatis denuo".. Herb: III, 26. „Accidit in festo beati Laurencii ut presbiter quidam ex comitatu Ottonis nomine Bockeus preteriens uideret rusticos in agro frumenta metentes.... et ecce ignis Dei cecidit e celo tactasque messes eorum.. consumpsit". „Item in urbe Games dicta rusticus quidam cum coniuge sua ad metendum exierat in solempnitate assumptionis Dei genitricis Marie perpetue uirginis..... et ecce cecidit retrorsum et expirauit; partemque segetis, quam metendo apprehenderat etiam moriens manu retinuit". Ebo: III, 22.

124. „Igitur pontifex cum legatis Stetinensium ad ducem Pomeranie tendens, urbem Gaminam adiit. Vbi occurente sibi duce Wortizlao cum omni plebe, debita reuerencia.. exceptus est, [et] causam pro qua uenerat tractare cepit.. Dux.. benigne humiliterque respondit:... „Populus iste, pro quo petis, dure ceruicis est nec Deum nec homines reueretur; multo iam tempore rapinis et latrociniis regnum meum uastando maculauit. Sed tu, pastor dulcissime, efferos mitigasti..; ideoque pacis firmissime gaudia deinceps, te mediante, obtineant". Statimque legati Stetinensium, uestigiis eius aduoluti, omnem prioris discordie occasionem penitus abdicarunt, pacisque osculo a duce percepto, beato pontifici debitas reconciliationis huius gracias egerunt. Emptisque, prout uolebant, necassariis, quod antea discordes nullo modo presumpserant in sua ovantes remearunt". Ebo: III, 23.

гами: слыша же что Оттонъ имѣетъ намѣреніе прибыть въ Руяну съ проповѣдью, они, подъ угрозой смерти, объявили ему запрещеніе вступать въ ихъ предѣлы. Съ тѣхъ поръ Руяне частыми обидами раздражали Поморянъ и наконецъ, вторгнулись съ военными кораблями въ область Штетинянъ. Несмотря на то, что они были нѣсколько разъ съ урономъ отражены, они не хотѣли прекратить войны; тогда Штетиняне постановили вооружиться и, при новомъ нападеніи Руянъ, выступивъ противъ нихъ соединенною силою, нанесли имъ рѣшительное пораженіе. Руяне бѣжали, оставивъ многихъ плѣнныхъ, и съ той поры не тревожили болѣе Штетинянъ, которые вскорѣ чрезъ плѣнниковъ вынудили ихъ къ унизительному мирному договору [125]. Оттонъ хотѣлъ воспользоваться этимъ событіемъ, чтобы привести Руянъ въ христіанству: прежняя угроза ихъ не устрашала его, онъ привыкъ итти на встрѣчу опасности; но одно особое обстоятельство остановило исполненіе его замысла: въ числѣ людей, окружавшихъ его въ Волынѣ, находилось нѣсколько Штетинянъ, людей добрыхъ и разумныхъ, хорошо знакомыхъ и съ мѣстностью и съ нравами Руянъ; на вопросъ епископа, не согласятся ли они провести его въ Руяну, они много разсказывали ему о происхожденіи, свирѣпыхъ нравахъ, непостоянствѣ въ вѣрѣ и звѣрскомъ образѣ жизни этого народа, говорили также, что онъ должно быть подчиненъ власти архіепископа датскаго [126]. Узнавъ объ этомъ, Оттонъ не рѣшился своевольно вмѣши-

125. „Interea Rutheni, comperta fide et conuersione Stetinensium [grauiter indignati, quod sine respectu et consilio eorum christianam subissent legem, E b o.: III, 23].. a societate illorum se auertunt; commercia omnia mutuaque negocia institorum ex indignatione abrumpentes. Isti autem, sepenumero a multis predicatoribus ad fidem uocati, de integro nunquam uenire uoluerunt; sed aliis interdum credentibus, alii non credebant. Atque ex maiore parte paganicis ritibus degentes semina fidei illic conualescere non sinebant.. Rutheni ergo paulatim crescente odio Stetinensibus publice aduersari ceperunt; et primo quidem naues illorum a littoribus suis arcent, post etiam ex communi decreto hostes eos haberi statuunt, Ottoni episcopo mandantes—audierant enim, quod illo ad predicandum uenire uelet—ne unquam fines eorum attingeret. Dicebat enim, nichil eum apud se inuenturum nisi acerbas penas et mortem certissimam“. H e r b.: III, 30. „Rutheni autem crebris insultibus Pomeranos lacessunt et Stetinensium fines armatis nauibus perturbant. Cumque semel et bis repercussi, a bello cessare noluissent, Stetinenses ex consilio communi arma tractare ceperunt atque iterum venientibus coadunatis uiribus occurrere. Sed quid plura? Tanta strage Rutheni fusi sunt et tanti ex eis in captiuitatem redacti, ut, qui euadere potuerunt, nullum ultra uictoribus bellum intulerint“.. H e r b.: III, 31.

126. „Stetinenenses quidam uiri boni et prudentes in comitatu episcopi erant Iuline, gnari locorum prouinciarum et morum cuiusque gentis. Hos ergo epis copus paulatim interrogationibus pretemptabat, scire uolens, si quomodo eum

ваться въ дѣла чужой епархіи, но думая, что датскому архіепископу пріятно будетъ, если Руяне обратятся въ христіанство, онъ отправилъ къ нему съ письмомъ и подарками пресвитера Ивана, испрашивая на это дѣло его дозволенія. Архіепископъ былъ добрый и простой человѣкъ, необыкновенной учености и благочестія, но во внѣшнемъ—отличался славянской деревенщиной; да и жители той страны, не смотря на свое благосостояніе и богатство, отличались какою то общею грубостью, были необразованы и мужиковаты. Города и крѣпости не укрѣплялись тамъ стѣнами и башнями, а деревяннымъ частоколомъ и рвами; церкви и дома знатныхъ людей—очень бѣдны и убоги на видъ. Занятіе жителей состояло въ охотѣ, рыбной ловлѣ, пастушествѣ стадъ; ибо въ стадахъ заключалось все ихъ богатство; земледѣліемъ же занимались рѣдко; въ образѣ и одеждѣ у нихъ не было ни роскоши, ни изящества[127]. Архіепископъ много распрашивалъ Ивана объ Оттонѣ его ученіи и дѣлахъ; касательно же главнаго предмета посольства отозвался, что не можетъ дать никакаго отвѣта, пока не спроситъ совѣта князей и знатныхъ людей земли. Иванъ не желалъ такъ долго оставаться въ Даніи, потому просилъ архіепископа отпустить его обратно; тотъ дружественно простился съ нимъ, послалъ Оттону письмо, подарки и цѣлую лодку масла въ знакъ любви и дружбы, обѣщалъ что немедленно спроситъ мнѣнія князей и увѣдомитъ о томъ Оттона [Herb. III, 30].

Послѣдній не дождался, однако, этого увѣдомленія: онъ исполнилъ все, что могъ и что долженъ былъ исполнить въ отношеніи къ народу, за христіанское просвѣщеніе котораго онъ взялся. Изъ тмы грубаго язычества онъ вывелъ и твердо поставилъ его на широкую дорогу религіи историческаго человѣчества. Сверхъ того, Лотаръ нетерпѣливо требовалъ его возвращенія, грозя, въ противномъ случаѣ, ущербомъ церковнаго интереса. Вотъ почему—

illuc [т. е. въ Руяну] perducere uelint. Ad illi de origine Ruthene gentis, de feritate animorum et de instabilitate fidei et bestiali eorum conuersatione multa ei narrantes, etiam hoc, quod archiepiscopo Danorum subiecti esse deberint, non tacebant". Herb.: III, 30.

127. „Erat [archiepiscopus] uir bonus et simplex.. non mediocris scientie ac religionis, in exterioribus tamen Sclauice rusticitatis. Nam et homines terre illius tales sunt, un in maxima ubertate atque diuitiis generali quadam duritia omnes inculti uideantur et agrestes. Vrbes ibi et castra sine muro et turribus ligno tantum et fossatis muniuntur; ecclessie ac domus nobilium humiles et uili scemate. Studia hominum aut uenatio aut piscatio est uel pecorum pastura. In his etenim omnes diuicie illorum consistunt; siquidem agrorum cultus rarus ibi est. Porro in uictu uel iu habitu uestium parum lauti habent aut pulchritudinis". Herb.: III, 30.

Оттонъ рѣшился воздержаться отъ увлекательнаго подвига озарить свѣтомъ христіанства коренную страну славянскаго язычества, темное царство Свантовита. Простившись съ друзьями, близкими и знакомыми, онъ отправился въ обратный путь около конца Ноября, навѣстилъ по дорогѣ еще разъ своего друга, князя польскаго, и прибылъ наконецъ въ Бамбергъ 20 Декабря 1127 года, встрѣченный радостнымъ клиромъ и всѣмъ народомъ.

Въ подвигѣ Оттона нѣмецкіе историки видятъ прочный починъ распространенія и утвержденія нѣмецкой народности на сѣверѣ Европы; это дѣло внушаетъ имъ гордое чувство національнаго торжества, они цѣнятъ въ немъ только побѣду нѣмецкаго начала надъ славянскимъ.

Съ иною мыслью и инымъ чувствомъ взглянетъ на подвигъ Оттона Славянинъ: онъ оцѣнитъ преимущественно чистоту побужденій, безкорыстіе и человѣчественное благородство дѣйствій поморянскаго апостола; не встрѣчаясь въ исторіи отношеній Нѣмцовъ къ балтійскимъ Славянамъ ни съ чѣмъ подобнымъ, онъ, можетъ быть, увидитъ въ дѣлѣ Оттона прямой упрекъ нѣмецкому началу; но, во всякомъ случаѣ, онъ благословитъ это лице, которое въ вѣка корысти и насилія умѣло сохранить чистоту и достоинство дѣйствій, которое съ братскою любовью отнеслось къ Славянину-язычнику и признало въ немъ равноправнаго себѣ человѣка.

Къ критикѣ свидѣтельствъ.

Выше [стр. 5—16] мы разсмотрѣли общія свойства и характеръ „Жизнеописаній“ Оттона, какъ источниковъ славянской исторіи и древности. Теперь, изложивъ весь заключающійся въ нихъ славянскій матерьялъ — необходимо дать ему болѣе близкую критическую оцѣнку, тк. скз. распредѣлить составныя части его по степени ихъ достовѣрности и исторической важности.

Весь запасъ свѣдѣній о балтійскихъ Славянахъ, находящійся въ произведеніяхъ Эбона и Герборда, распадается на два, существенно различные отдѣла: а] фактовъ въ собственномъ смыслѣ и, б] мнѣній, сужденій, объясненій и выводовъ изъ фактовъ.

Къ тому, что сказано нами о правдивомъ характерѣ сообщеній Сефрида и Удальрика и о ихъ умѣніи наблюдать явленія, находимъ нужнымъ прибавить слѣдующее. Мы замѣчали уже [стр. 9, 13], что оба сотрудника Оттона были хорошо по своему времени образованы. Образованіе ихъ не ограничивалось книжною монастыркою ученостью, а было — столько же образованіемъ ума, сколько и вкуса или естетическаго чувства. XII вѣкъ былъ временемъ высшаго процвѣтанія тк. нзв. романскаго искусства [стиля]. „Это — пора противуборства великихъ всемірно-историческихъ силъ, на которыхъ коренилась средневѣковая жизнь, пора фантастически восторженнаго увлеченія крестовыми походами, глубоко возбужденнаго движенія и вмѣстѣ — новаго сосредоточенія внутреннихъ силъ. Такая усиленная многоподвижность, при обновившемся въ то время углубленіи внутренняго чувства — сообщается и художественному стремленію; простота стиля, господствовавшая въ IX вѣкѣ, уступаетъ мѣсто болѣе обильному, живѣе расчлененному развитію, въ которыхъ существо романизма находитъ себѣ полнѣй-

шее выраженіе. Архитектура и въ эту эпоху остается рѣшительно господствующимъ и опредѣляющимъ элементомъ.. она вступаетъ въ тѣснѣйшую связь съ изобразительными искусствами, предлагая совсѣмъ новый, небывалый просторъ для ихъ дѣятельности; въ тоже время, при живѣйшемъ возбужденіи фантазіи, она обогащается бездною новыхъ, орнаментическихъ видообразованій; но и фигурный элементъ и орнаментика — все покоряется ея высшему закону въ совершенной подчиненности и въ строжайшемъ, схематическомъ порядкѣ" [128]. Много превосходныхъ, образцовыхъ созданій христіанской архитектуры относится къ этой эпохѣ... Самъ Оттонъ съ особенною ревностью заботился о построеніи новыхъ, передѣлкѣ и украшеніи старыхъ церквей согласно съ новыми художественными требованіями времени: біографы его представляютъ подробныя извѣстія объ этой религіозно-художественной сторонѣ его дѣятельности [129]. Потому, нельзя, да и незачѣмъ — думать, что Удальрикъ и Сефридъ, люди образованные и столь близкіе къ бамбергскому епископу, оставались чужды художественнымъ интересамъ эпохи и своего патрона; они не могли быть имъ чужды даже и тогда, когда упорно пожелали бы этого: видимая дѣйствительность есть такая образовательная школа, отъ вліянія которой никто не бываетъ властенъ уклониться по своей прихоти или произволу. Эстетическое образованіе Удальрика и Сефрида для насъ — очень важно: оно служитъ порукою истины извѣстій ихъ о нѣкоторыхъ явленіяхъ и фактахъ славянской жизни, которые вызываютъ со стороны ихъ хвалу и признательное удивленіе. Образованный и развитой вкусъ нерѣдко можетъ найти грубость въ произведеніяхъ изящныхъ, но едва-ли когда назоветъ изящнымъ что нибудь дѣйствительно грубое.

Совершенно иное представляется намъ при оцѣнкѣ такихъ свидѣтельствъ и извѣстій нашихъ памятниковъ, которыя говорятъ о фактахъ и историческихъ явленіяхъ, выходившихъ изъ отношеній проповѣдниковъ къ туземцамъ. Здѣсь, чтобы стать на твердыя основанія — необходимо прежде прочаго войти въ образъ мыслей, интересы и взаимныя отношенія дѣйствующихъ сторонъ. Передъ нами въ отвѣтѣ двѣ собирательныя личности: бамбергскіе миссіонеры и туземцы — Поморяне. Нельзя ожидать, чтобы нѣмецкіе проповѣдники отправлялись въ дальній сѣверный край, къ варварамъ-язычникамъ безъ всякихъ предубѣжденій: общая молва вре-

128. Ф. Куглеръ: Руководство къ исторіи искусства, рус. переводъ 1869, стр. 429—30.

129. Ebonis Vita Ottonis, I, 4, 17, [18], 21, [22]; Herbordi Dialogus in prooem, I, 11, 13; 21—2, 26.

мени, разсказывавшая о предательскихъ нравахъ и невѣроятной звѣрской жестокости Славянъ, печальная судьба многихъ христіанскихъ проповѣдниковъ, нашедшихъ на сѣверѣ кончину мучениковъ, свидѣтельство Бернгарда о своей неудачѣ, наконецъ — самое письмо Болеслава III, гдѣ довольно ясно выдавалось боязливое нежеланіе польскаго духовенства итти на проповѣдь къ „грубымъ варварамъ", и отзывы Поляковъ, для которыхъ Поморяне были предметомъ ненависти и политическаго озлобленія — все это напередъ должно было породить въ умахъ бамбергскихъ проповѣдниковъ мрачные, непривѣтливые образы. Они шли въ страну ужаса и нечестія, въ развращенное царство діавола, шли, правда, съ рѣшимостью, но — едвали со спокойнымъ духомъ, едвали безъ тревожныхъ предубѣжденій. Естественно, что сужденіе ихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не могло быть правильнымъ: на многое они должны были глядѣть тк. скз. закупленными глазами, понимать и объяснять его по своимъ готовымъ понятіямъ, иногда вовсе не отвѣчавшимъ сущности предметовъ и явленій.. Сблизившись болѣе съ народомъ, они нерѣдко возвышаются надъ національными и религіозными предубѣжденіями, но вполнѣ освободиться отъ нихъ — не могутъ. Потому нерѣдко видятъ вражду, коварство, злой умыселъ тамъ, гдѣ ихъ вовсе не было и чудомъ объясняютъ самыя обыкновенныя, простыя явленія. Была и другая причина возможности неправильнаго взгляда и пониманія миссіонеровъ: чужеземцы, незнакомые съ славянскою рѣчью, они сносились съ народомъ и дѣйствовали чрезъ переводчиковъ и, такимъ образомъ, во многихъ воззрѣніяхъ и объясненіи предметовъ — находились въ зависимости отъ сторонняго толкованія. Мы не имѣемъ никакихъ основаній считать посредниковъ Оттона людьми, незаслуживающими довѣрія; но въ тоже время не можемъ думать, что ихъ передача сужденій и мыслей туземцевъ — была бы вполнѣ точна и вѣрна оригиналу, что ихъ объясненія предметовъ были всегда не личными толкованіями, а настоящимъ объясненіемъ знатоковъ дѣла. Польскіе переводчики [во время первой миссіи Оттона] слѣдили свою опредѣленную цѣль: они имѣли въ виду такъ или иначе успѣшно выполнить порученіе своего князя и потому старались по возможности уладить дѣло между Оттономъ и туземцами; понятно, что при этомъ они иногда могли давать иной смыслъ поступкамъ послѣднихъ и смягчать рѣзкость нѣкоторыхъ фактовъ. Съ своей стороны, положеніе туземцевъ было вовсе не таково, чтобы вызвать ихъ на прямодушныя, открытыя объясненія. Оттонъ явился въ ихъ землю тк. скз. непрошеннымъ вѣстникомъ ученія, внутренней потребности котораго они еще не почувствовали: нравственный смыслъ христіанства и

христіанскіе порядки жизни стояли выше понятій простаго народа; историческая необходимость принятія христіанства сознавалась очень немногими; напротивъ, привязанность къ исконнымъ формамъ жизни, лѣнивое довольство старой религіей — были явленіями общими. Поэтому, внутренно туземцы не могли иначе отнестись къ дѣлу Оттона, какъ съ подозрительнымъ нерасположеніемъ, какъ къ ненужному новшеству, за которымъ таились недобрыя цѣли и стремленія; ихъ зрѣнію и чувству не была доступна искра божественнаго огня, воодушевлявшая Оттона. Но послѣдній шелъ хотя и со знаменемъ мира, но подъ защитою грозной и памятной руки Болеслава III, посломъ его. Страхъ предъ польскою силою вынуждалъ Поморянъ покориться. Въ колебаніи между такими мыслями — поступки и рѣчи ихъ долгое время имѣютъ нерѣшительный, двуличный характеръ: они не желаютъ отказаться отъ старины, но въ тоже время не смѣютъ отвергнуть и новаго, они уступаютъ настоятельнымъ требованіямъ проповѣдниковъ, принимаютъ крещеніе; а въ глубинѣ души остаются прежними язычниками, или впадаютъ въ двоевѣріе, чтутъ старыхъ боговъ, не отвергая вполнѣ и новаго. Вообще, убѣжденіе въ превосходствѣ нѣмецкаго бога предъ богами родными — могло не иначе развиться и созрѣть, какъ процессомъ медленнымъ, для этого нужны были цѣлые годы благопріятныхъ условій; а пока такое убѣжденіе не пустило прочныхъ корней въ народѣ, до тѣхъ поръ въ немъ не могло быть полнаго довѣрія къ чужеземцамъ, вѣры въ чистоту и безкорыстіе дѣйствій ихъ и искренности поступковъ и рѣчей въ отношеніи къ нимъ. Такое естественное положеніе вещей, кажется, вовсе не сознавалось миссіонерами. Люди своего вѣка, они были не чужды нѣкотораго внѣшняго пониманія своей задачи, они считали дѣло поконченнымъ, когда народъ принималъ наружное крещеніе, уничтожалъ идоловъ и языческіе храмы и обѣщалъ слѣдовать порядкамъ христіанской жизни. Неудивительно, что они видѣли полный успѣхъ тамъ, гдѣ была только тѣнь его.. События, происшедшія въ промежутокъ времени между концомъ перваго и вторымъ путешествіемъ Оттона, вполнѣ подтверждаютъ эту мысль. Отсюда слѣдуетъ, что и всѣ торжественныя заявленія проповѣдниковъ о томъ, какъ охотно и радостно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ народъ принималъ Христіанство, должны быть въ значительной степени объясняемы личными воззрѣніями ихъ, удовлетворявшихся наружной стороной дѣла и не проникавшихъ до сущности его. Въ дѣйствительности это расположеніе къ христіанству объясняется политическими отношеніями къ Польшѣ и извѣстной долей терпимости, присущей языческой религіи. Неполное и преувеличенное

объясненіе событій, зависѣло не мало и отъ невольнаго стремленія прославить личность знаменитаго епископа. Шла ли эта апотеоза отъ непосредственныхъ свидѣтелей, или она принадлежала Эбону и Герборду, но слѣды ея въ „Жизнеописаніяхъ" — несомнѣнны, какъ несомнѣнно и ея вліяніе на изложеніе и объясненіе событій. Разсказы о великомъ уваженіи, чрезмѣрной любви и преданности народа Оттону вытекаютъ именно изъ этого личнаго источника.

Таковы думаемъ, были отношенія, въ которыхъ находились стороны, прикосновенныя къ дѣлу, и таковъ былъ образъ мыслей ихъ, выходившій изъ этихъ отношеній!

Попытаемся же на этихъ основаніяхъ обозначить степень исторической достовѣрности свидѣтельствъ, такъ—какъ отъ этого зависитъ и самая степень важности ихъ содержанія.

Факты славянскаго быта и исторіи, занесенные въ „Жизнеописанія" Оттона, не одинаково равны по достоинству достовѣрности.

Первое мѣсто занимаютъ тѣ изъ нихъ, которые были лично замѣчены и наблюдены бамбергскими проповѣдниками; а равно и тѣ событія, въ которыхъ они принимали непосредственное, прямое участіе.

Достовѣрность этого рода извѣстій — полная; ибо, не обращаясь уже къ правдивости характера свидѣтелей и ограничиваясь однимъ содержаніемъ показаній ихъ, мы не только не найдемъ никакихъ слѣдовъ вымысла, но даже не можемъ предположить и какихъ нибудь причинъ, или поводовъ къ нему. Мысль, что бамбергцы могли увлечься желаніемъ разсказать поболѣе о чудесахъ, видѣнныхъ ими въ землѣ язычниковъ, и о бѣдствіяхъ, ими тамъ вынесенныхъ — устраняется естественною простотою разсказа и отсутствіемъ всякихъ, особенно поразительныхъ, невѣроятныхъ и небывалыхъ явленій, особенно тяжкихъ бѣдствій и страданій. Хвастовство, даже и осторожное, не удержалось бы въ такихъ скромныхъ границахъ... Менѣе довѣрія внушаетъ форма, въ которую иногда бываютъ облечены эти извѣстія; въ скупомъ разсказѣ анахорета Эбона факты и событія глохнутъ, подъ изящнымъ классическимъ перомъ Герборда — они распространяются въ искусственныя картины; но освободивъ ихъ изъ этой внѣшней оболочки, мы найдемъ въ нихъ мало, почти ничего, что вызывало сомнѣніе или недоразумѣніе. Относительно формы — наши памятники мало чѣмъ отличаются отъ средневѣковыхъ историко — гагіографическихъ произведеній; потому, пользуясь ими, какъ историческими источниками, необходимо всегда отдѣлять слогъ писателей или способъ выраженія факта отъ самаго факта или его содержанія, — иначе

дѣйствительность легко можетъ получить ложное освѣщеніе, и гагіографическій миѳъ займетъ мѣсто дѣйствительной исторіи. Такъ-какъ событія въ „Жизнеописаніяхъ“ передаются по памяти, то и нельзя думать, чтобы они были изложены въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ. Отмѣченныя нами въ выноскахъ несогласія между Эбономъ и Гербордомъ подтверждаютъ это: но въ общемъ — разсказъ Герборда [т. е. Сефрида] для первой миссіи и разсказъ Эбона [т. е. Удальрика] для второй — представляются довольно послѣдовательными и согласуются съ географическими данными, т. е. съ размѣщеніемъ городовъ и путей сообщенія между ними.

Второй родъ фактовъ и событій составляютъ тѣ, которые стоятъ внѣ личнаго наблюденія и участія миссіонеровъ, которые стали имъ извѣстны изъ разсказовъ стороннихъ лицъ.

Здѣсь — почва уже не такъ прочна, какъ въ предыдущемъ: слухъ не имѣетъ достоинствъ личнаго наблюденія, онъ можетъ быть неоснователенъ, не точенъ, можетъ вывѣтриться до пустоты и растянуться до поэтической исторіи. Поэтому и факты, переданные по сообщеніямъ, со вторыхъ рукъ—требуютъ при употребленіи въ дѣло скорѣе осторожности, чѣмъ довѣрія. Мѣркою оцѣнки такихъ фактовъ должно служить согласіе ихъ съ прочими извѣстіями, неумышленность или тк. скз. — невинность ихъ и простота: чѣмъ естественнѣе и проще фактъ, чѣмъ менѣе происшествіе позволяетъ предполагать заднія мысли, чѣмъ менѣе оно заключаетъ признаковъ предвзятыхъ, хотя бы и неумышленныхъ — понятій и стремленій, тѣмъ болѣе оно имѣетъ права на вниманіе изслѣдователя. Разсматриваемый съ этой точки зрѣнія второй порядокъ фактовъ славянскаго быта и исторіи въ „Жизнеописаніяхъ“ содержитъ въ себѣ немного такаго, которое пришлось бы отвергнуть или оставить подъ сомнѣніемъ. Всего чаще — это не самый фактъ или событіе, а форма въ которой передается оно и подробности обстановки, въ которую ставитъ его настроенный къ чудесному умъ Эбона или драматическое авторство Герборда. Факты, переданные со слуховъ — двоякаго рода: одни касаются Польши и ея отношеній къ Поморянамъ, другіе относятся собственно къ Поморянамъ и нѣкоторымъ изъ ближайшихъ къ нимъ славянскихъ племенъ [Лютичамъ, Укранамъ и Руянамъ]. Источникомъ первыхъ свѣдѣній были, конечно, сами Поляки и поморскіе свидѣтели польскаго нашествія; источникомъ вторыхъ были туземные друзья Оттона и оставленныя въ Поморьѣ духовныя лица. Миссіонеры имѣли практическую необходимость въ достовѣрныхъ сообщеніяхъ: отъ нихъ нерѣдко зависѣлъ успѣхъ ихъ дѣла и вѣрность предпріятій,

потому они вообще должны были быть разборчивы въ отношеніи слуховъ, покрайней мѣрѣ — слуховъ болѣе важныхъ. Отсюда, въ значительномъ большинствѣ случаевъ извѣстія ихъ, взятыя изъ этихъ источниковъ — имѣютъ достовѣрный характеръ. За исключеніемъ нѣкоторой чудесной обстановки — они не заключаютъ въ себѣ ничего не вѣроятнаго, вполнѣ согласуются съ дѣйствительными событіями, объясняются ими и, въ свой чередъ — даютъ имъ немалое объясненіе.

По всему тому, что было выше замѣчено объ образѣ мыслей и взглядахъ миссіонеровъ, объ отношеніяхъ къ нимъ туземцевъ — трудно предполагать, чтобы мнѣнія, сужденія, выводы и объясненія явленій и происшествій, встрѣчающіяся нерѣдко въ нашихъ памятникахъ, — могли быть правильными, могли въ точности соотвѣтствовать дѣйствительности, и потому — всегда равно быть важны для изслѣдователя. Важны эти сужденія только въ тѣхъ случаяхъ, когда они просто передаютъ впечатлѣніе, произведенное на чужеземцевъ явленіями и порядками славянскаго быта; гдѣ же дѣло идетъ о причинахъ и слѣдствіяхъ явленій, тамъ мнѣніе нѣмецкихъ пришельцевъ имѣетъ силу не болѣе личнаго предположенія людей, которымъ открыта одна наружная сторона предмета: проницательный умъ можетъ иногда угадать, что находится внутри его; но безъ основательнаго ознакомленія съ дѣломъ — гораздо чаще можетъ впасть въ ошибку или пустое гаданіе.. Пусть-бы, однако, это были личныя мнѣнія и сужденія очевидцевъ и непосредственныхъ участниковъ: хотя и невѣрныя, они все же могутъ заключать въ себѣ извѣстную долю косвенной, посторонней истины и навести изслѣдователя на нѣкоторыя немаловажныя соображенія; но въ „Жизнеописаніяхъ“ Оттона они такъ слиты съ мыслями и литературною реторикою Эбона и Герборда, что нерѣдко нѣтъ никакой возможности распознать настоящій источникъ. При такихъ обстоятельствахъ — критика не можетъ допустить этого рода показаній даже въ качествѣ косвенныхъ свидѣтельствъ: они останутся для нея личными предположеніями и гаданіями, которыя она, по своимъ соображеніямъ, вольна признать или отвергнуть.

Такъ на нашъ взглядъ размѣщаются по степени достовѣрности и важности составныя части славянскаго матерьяла „Жизнеописаній“ Оттона!

Внутренній быть и историческія отношенія славянскаго Поморья.*

Край, гдѣ происходила дѣятельность Оттона, носить въ нашихъ источникахъ названіе Номорья: „tota Pomerania, prouincia Pomerania, terra, regio Pomeranorum[130]. Подъ этимъ именемъ аналистамъ X—XII вв. извѣстна часть славянской земли, лежавшая по побережью балтійскаго моря между рѣками Одрой и Вислой[131]. У біографовъ Оттона „Померанія" обозначаетъ не этнографическую единицу, а политическое соединеніе нѣсколькихъ славянскихъ племенъ, состоявшихъ подъ рукою поморскаго князя: Оттонъ самъ свидѣтельствуетъ, что онъ былъ въ Поморьѣ и нѣкоторыхъ городахъ земли Лютичей; и дѣйствительно онъ, во второе путешествіе, обходитъ Дыминъ, Гостьковъ, Волегощъ и Узноимъ, которые, лежа на западъ за Одрой—принадлежали собственно къ Лютичамъ, хотя и причисляются біографами къ городамъ поморской земли и стоятъ въ зависимыхъ отношеніяхъ отъ поморскаго князя[132]. Пространство и границы политическаго Поморья съ точностью неизвѣстны. Правда, Гербордъ довольно подробно обозначаетъ внѣшній видъ и предѣлы славянской „Помераніи"; но впадаетъ при

* Считаемъ напередъ необходимымъ замѣтить, что въ послѣдующихъ ссылкахъ—буквы: pag. обозначаютъ paginam, т. е. страницу нашего предыдущаго изложенія, nn. — notam, т. е. — примѣчаніе или выноску его.

130. Herb. II, 1, 5, 7, 10, 12, 30, 37; III, 10; Ebo II, 9, III, 2; pag. 29, 21, 26, 30, 46, 55, 78; 43, 63. nn. 38, 26, 35, 39, 68, 81, 105; 62, 89.

131. Adami brem. Gesta IV, 13; cf. II, 19 et schol. 15; Helmoldi Chron. I, 2. У польскихъ лѣтописцевъ кромѣ Pomorania встрѣчается переводъ „Maritima", см. Index nominum къ изданію Кадлубка г. Мулковскаго. Crac. 1864.

132. Ebo II, 12; III, 6; Herb. II, 24; pag. 59, 70; 39. nn. 86, 96; 57. См. объ этомъ предметѣ болѣе подробныя замѣчанія у Виггера, Meklenburgische Annalen, Schw. 1860, p. 114—15; и Квандта, Baltische Studien t. XXII. Schw. 1868, p. 149 sq.

этомъ въ такія преувеличенія и темноту, которыя ясно показываютъ, что его географія вышла не изъ опыта и дѣйствительнаго знакомства со страною, а изъ общихъ соображеній или глухихъ слуховъ [133]. Если справедлива мысль, что территорія поморскаго политическаго союза была исключительнымъ поприщемъ дѣятельности бамбергскихъ проповѣдниковъ, что Оттонъ не проповѣдывалъ и не имѣлъ въ виду проповѣдывать внѣ предѣловъ его [134], то пространство союза въ нѣкоторыхъ частяхъ можетъ быть обозначено слѣдующимъ образомъ: оно обнимало южное побережье балтійскаго моря, начиная отъ мѣста противъ острова Руяны, гдѣ впадала рѣка Гильда [нынѣш. Рыкъ] — на востокъ по рѣку Персанту съ двумя городами, лежавшими за нею [Колобрегой и Бѣлградомъ]; юговосточная граница края остается въ точности неизвѣстна; на югѣ же онъ непосредственно прилегалъ къ Польшѣ, отдѣляясь отъ нея рѣкою Нотецью и огромнымъ лѣсомъ; наконецъ—на западѣ граница шла по верховьямъ рѣки Пѣны отъ Дымина къ сѣверу по рѣку Гильду [135]. Дѣятельность Оттона сосредоточивалась преимущественно на сѣверной части страны, какъ болѣе населенной и важной; южной окраины онъ коснулся только мимоходомъ и, кромѣ того, во второе путешествіе прошелъ часть земли Лютичей [Долинцовъ] и Морачанъ [136].

133. Herb. II, 1; pag. 28. nn. 38.

134. Болеславъ приглашалъ Оттона на проповѣдь не вообще къ сѣвернымъ язычникамъ, а исключительно къ Поморянамъ, которые находились тогда въ зависимыхъ отношеніяхъ отъ Польши. Согласно съ этимъ Оттонъ опредѣляетъ цѣль своего предпріятія „проповѣдью въ Поморьѣ и нѣкоторыхъ городахъ земли Лютичей“, II. 12; pag. 59. nn. 86; и именно въ тѣхъ, на которыя распространялась власть поморскаго князя; онъ идетъ „litteris Wortizlai ducis Pomeranie euocatus... ad gentes sibi commissas“, Ebo III, 4, pag. 66. nn. 92; и потому отказываетъ въ проповѣди Морачанамъ, непринадлежавшимъ къ поморской власти, Ebo III, 4; pag. 66, nn. 92; нигдѣ не видно, чтобы онъ дѣйствовалъ внѣ владѣній поморскихъ и внѣ союза съ польскимъ княземъ [въ первую миссію] и съ поморскими князьями [во вторую]. Если Оттонъ, уступая просьбамъ Вирикинда, остановился для обличенія язычества Лютичей-Долинцовъ. Ebo III, 3; pag. 65. nn. 90, то онъ сдѣлалъ это на правахъ прохожаго проповѣдника, не входя въ городъ, не медля и не добиваясь успѣха, какъ дѣлалъ въ городахъ Поморья. Онъ желалъ, правда, итти еще къ Руянамъ, но не иначе, какъ съ согласія датскаго архіепископа, Herb. III, 30, pag. 91. nn. 126; да къ тому же это желаніе и осталось однимъ желаніемъ. Всѣ эти обстоятельства, думаемъ, достаточно указываютъ, что мѣстомъ апостольской дѣятельности Оттона было единственно Поморье въ смыслѣ политическаго союза.

135. Herb. II, 1, 10, 12; III, 1—2; Ebo II, 4; III, 5; pag. 28—30, 31, 65; 67; nn. 37—39, 41, 94; 93. Впрочемъ, принадлежность Бѣлграда и Колобреги къ поморско-лютичьскому союзу — еще вопросъ.

136. Ebo III, 3, 4; pag. 65, 66, nn. 90, 92.

Природа страны соединяла въ себѣ много условій для довольнаго существованія человѣка и поощренія труда его. Край представлялъ обширную равнину. Море, облегавшее сѣверъ ея, мѣстами глубоко врѣзывалось въ материкъ, образуя множество заливовъ, среди которыхъ возвышались значительные острова и полуострова [137]. Въ странѣ проходили многія рѣки: между ними первенствующее мѣсто занимала Одра, какъ по величинѣ, такъ и по удобности сообщенія съ моремъ; внутри — находилось довольно много большихъ и малыхъ озеръ. Мѣстность — равнина, почти лишенная горныхъ возвышенностей, покрайней мѣрѣ — такихъ, которыя могли бы имѣть замѣтное вліяніе на бытъ народа, во многихъ частяхъ была покрыта густыми и обширными лѣсами [138]. **Естественныя богатства края** засвидѣтельствованы Герборомъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя можно было бы назвать преувеличенными, еслибы справедливость ихъ не подтверждалась другими источниками. Воды страны были невѣроятно обильны рыбою, лѣса — дичью и полезными животными: оленями, зубрами, вепрями, медвѣдями и прочими звѣрями. Почва, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и имѣла болотистый характеръ, отличалась вообще необыкновеннымъ плодородіемъ, производила въ изобиліи лучшіе злаки, разнаго рода зелень, овощи, сѣмена, всякія полезныя растенія и деревья [139].

Столь богатая и разнообразная **природа должна была отозваться соотвѣтствующимъ вліяніемъ на бытѣ и образѣ жизни обитателей.** Ровный характеръ страны, отсутствіе внутри ея рѣзкихъ естественныхъ преградъ, сближая и связывая отдѣльныя части населенія, сообщало ему племенное однообразіе и нѣкотораго рода этнографическую цѣльность. Тогда — какъ на пространствѣ между Лабой и Одрой исторія замѣчаетъ множество дробныхъ славянскихъ племенъ, конечно — близкихъ между собою, но имѣвшихъ и свои бытовыя отличія, она — не знаетъ ничего подобнаго относительно собственнаго Поморья. Здѣсь живетъ одно цѣльное племя, безъ этнографическихъ подраздѣленій. Естественныя богатства страны и легкость путей сообщенія должны были отозваться не только на внутреннемъ благосостояніи жителей, но и на развитіи труда и обмѣнѣ его посредствомъ торговли, а вмѣстѣ съ этимъ, конечно, и на образованности ихъ. Разнообразіе природ-

137 Herb. II. 1. [illegible] pag. [illegible]

138 Herb. [illegible] pag. [illegible]

139 Herb. [illegible] pag. [illegible]

ныхъ условій сообщало странѣ и значительную внѣшнюю крѣпость и безопасность, поставляя естественныя преграды внезапнымъ вторженіямъ и дѣйствіямъ враговъ: огромные лѣса и рѣки тянулись по границамъ земли, города и другія осѣдлости, окруженные озерами и болотами, были трудно доступны для непріятеля, а по морскимъ заливамъ и озерамъ находилось много острововъ, на которыхъ, въ случаѣ вражьяго погрома, жители могли найти временное безопасное убѣжище [140]. Вообще природа Поморья представляла много простора и поощренія для успѣшнаго развитія просвѣщенія и гражданственности.. Если успѣхи въ этомъ отношеніи были вообще слабы, то причина этого зависѣла не отъ природы, а отъ человѣка и тѣхъ историческихъ обстоятельствъ, среди которыхъ ему выпало жить и дѣйствовать.

Населеніе страны было исключительно славянское. Нѣмецкіе проповѣдники въ два путешествія и съ двухъ разныхъ концовъ обходятъ всѣ важнѣйшія мѣста поморской земли и восточныхъ Лютичей, они находятся въ близкихъ непосредственныхъ сношеніяхъ и съ высшимъ сословіемъ и съ простымъ народомъ, и они не встрѣчаютъ ни малѣйшаго слѣда другой рѣчи, кромѣ славянской! Они окружены Славянами — и только одними Славянами; всѣ сношенія ихъ съ „варварами“ идутъ чрезъ переводчиковъ; чрезъ переводчика же и самъ Оттонъ говоритъ къ народу; языкъ туземцевъ они постоянно называютъ „sclauica“ или „barbarica lingua“ [141]. Правда, не всегда, не при каждомъ частномъ случаѣ сношеній Оттона съ Поморянами біографы указываютъ на участіе и посредство переводчиковъ; но это потому, что такое участіе само собою разумѣлось, что незачѣмъ было повторять фактъ извѣстный и незамѣчательный. Поэтому можно даже думать, что среди славянскаго населенія страны — не существовало никакихъ, сколько нибудь значительныхъ, инородческихъ поселковъ; иначе — они были бы замѣчены и указаны внимательными миссіонерами. Конечно, въ поморскихъ городахъ были и иноземцы, пришлые ли гости, случайные ли обитатели или плѣнные рабы; но такія одиночныя явленія могутъ быть оставлены безъ вниманія при опредѣленіи этнографіи населенія Поморья.

Степень заселенности края не можетъ быть съ точностью опредѣлена изъ показаній бамбергскихъ проповѣдниковъ: они шли

140. Herb. II, 5, 10, 24, 25; Ebo II, 18; III, 4; pag. 21, 30, 39, 41, 55, 66; nn. 26, 39, 57, 61, 82, 62.

141. Herb. II, 6, 9, 11, 15; III, 5, 7, 19; Ebo II, 3, 13; III, 5, 7, 12, 15, 16; pag. 25—27, 30, 34, 71, 75, 84; 26, 53, 68, 77, 83; nn. 33—4, 36, 40, 47, 97, 100, 78; 34, 94, 103, 113—114.

по свѣжему слѣду польскаго погрома; города и другія осѣдлости лежали въ развалинахъ; множество жителей погибло, много разбѣжалось и укрылось по островамъ, много было уведено плѣнными и поселено въ Польшѣ [142]. Судить о нормальномъ историческомъ состояніи по такому случайному, возмущенному положенію страны —невозможно. Есть, однако, въ нашихъ источникахъ въ этомъ отношеніи нѣкоторыя указанія, заслуживающія быть замѣченными, таковы извѣстія о значительномъ числѣ крестившихся въ Пырицѣ и Каминѣ, о многолюдномъ населеніи жупы волынской [143]. Принявъ въ разсчетъ и другія соображенія, можно полагать, что сѣверная часть края и бассейнъ Одры были заселены не бѣдно. Условія, благопріятныя для развитія жизни, промышленной и торговой дѣятельности, образовали въ этихъ мѣстахъ многолюдные города, которые, естественно, должны были притягивать населеніе съ востока и юга. Поэтому и дѣятельность Оттона не безъ причины сосредоточилась на сѣверѣ страны, гдѣ находился центръ поморской жизни, по мѣрѣ отдаленія отъ котораго населеніе рѣдѣло, и начинались пустоши [144].

Образъ жизни населенія былъ прочный, осѣдлый. Формы осѣдлости: деревни и села, крѣпости и города.

Деревни и села—uillae, uici, uiculi, rura — неоднократно упоминаются въ „Жизнеописаніяхъ" Оттона; но очень глухо [145]: изъ этихъ показаній нельзя составить никакаго опредѣленнаго понятія о формѣ поморской сельской осѣдлости. Кажется, что бамбергскіе проповѣдники не заходили въ эти мѣста, да и неимѣли въ томъ необходимости, такъ — какъ сельское населеніе часто само сходилось въ города. Деревни и села по большей части расположены были не вдалекѣ отъ торговыхъ и защитныхъ центровъ; и изъ того, что въ нихъ проживали иногда знатныя и богатыя лица [146] — можно заключать, что они были не незначительны.

Крѣпости — castra, castella, urbes, municiones — находились и внутри и по окраинамъ страны, въ мѣстахъ отъ природы удобныхъ для защиты, и были укрѣплены съ такимъ искусствомъ, что считались непобѣдимыми [147]. Нѣкоторыя, какъ Пырица, Градецъ и

142. Herb. II, 5, 13, 38; Ebo II, 18; III, 4; pag. 21, 31, 56, 55, 66; nn. 26, 42, 82, 92.
143. Herb. II, 17, 20, 34, 37; Ebo II, 11; pag. 34, 35, 51, 52; nn. 48, 52, 73, 77.
144. Ebo II, 4; Herb. II, 13; pag. 31. nn. 42.
145. Herb. II, 13, 14, 23, 26, 34,38, 39; III, 4, 29; Ebo II, 4, 13; III, 7; pag. 31, 32, 37, 44, 52, 50, 55—6, 72, 78, 90; 53, 72. nn. 42, 43, 56, 65, 82—83, 98, 73, 78, 87, 97.
146. Herb. II, 23; [Ebo II, 9]; pag. 37, 45; nn. 56, 66.
147. Herb. II, 5; III 10; pag. 21, 78; nn. 26, 105.

Любинъ имѣли кажется и постоянное обывательское населеніе [148]; въ другихъ — была одна стража; окрестные жители собирались въ нихъ съ своимъ имуществомъ только въ виду опасности непріятельскаго нападенія [149]. Хотя количество пограничныхъ крѣпостей въ Поморьѣ было довольно значительно [150], но самое положеніе ихъ не могло быть особенно благопріятно для развитія широкаго общежитія. Вотъ почему напр. южныя пограничныя крѣпости не разрослись, какъ на сѣверѣ, въ обширные города; Пырица была скорѣе сильною княжескою крѣпостью — castrum ducis, чѣмъ городомъ въ широкомъ значеніи этого слова: какъ политическое [и религіозное?] средоточіе окрестной области, она соединила подъ своими стѣнами, въ годовщину языческаго празднества, болѣе четырехъ тысячъ народа, но это не были ея постоянные обитатели, а деревенскіе пришельцы; и вообще изъ источниковъ не видно, чтобы Пырица имѣла устройство настоящаго города [151]. Пограничныя крѣпости стояли слишкомъ далеко отъ возможности движенія жизни и ея интересовъ, въ мѣстахъ постоянной опасности, среди пустынной, невоздѣланной и непривлекательной природы, они могли удовлетворять цѣлямъ защиты, но не могли стать центромъ развитаго общежитія.

Города — ciuitates, oppida, urbes. Выше мы имѣли случай замѣтить, что въ силу историко-географическихъ условій развитіе общественной жизни должно было сосредоточиться преимущественно на сѣверѣ страны, гдѣ море, съ своими безчисленными заливами и островами, не только давало обильный источникъ для промышленной дѣятельности, но и открывало свободный торговый путь къ иноземнымъ рынкамъ и предлагало довольно прочную защиту въ случаѣ нападенія непріятеля. Оттого самые значительные города Поморья возникаютъ нъ сѣверѣ страны, при морѣ, или вблизи его, на рѣкахъ, непосредственно въ него ведущихъ. Таковы:

а] Штетина; она лежала при впаденіи Одры въ озеро, образуемое морскимъ заливомъ. Хотя имя города становится въ первый разъ исторически извѣстно изъ „Жизнеописаній“ Оттона, но уже тогда онъ слылъ знаменитѣйшимъ и древнѣйшимъ городомъ поморской земли. По понятіямъ того времени городъ былъ очень обширенъ и многолюденъ: онъ вмѣщалъ въ себѣ три холма и имѣлъ жителей — девятьсотъ отцовъ семействъ, не считая женъ, дѣтей и множества про-

148. Herb. II, 14—17; 37; pag. 20, 32 sq., 34, 52. nn. 42 sq., 48, 49, 76.
149. Herb. II, 5; III, 10; pag. 21, 78, nn. 26, 105.
150. Herb. II, 5; pag. 20—21. nn. 26.
151. Herb. II, 14—17; pag. 32 sq., 34. nn. 43 sq., 48—49.

чаго люда. Окруженная со всѣхъ сторонъ водой и болотами и сильно укрѣпленная искусствомъ, Штетина была почти неприступна для непріятеля. Какъ старѣйшій и сильнѣйшій изъ поморскихъ городовъ, какъ средоточіе обширной торговой дѣятельности, наконецъ — какъ важный передовой постъ, стоявшій защитою у входа страны съ сѣвера, Штетина имѣла первенствующее политическое значеніе, признавалась метрополіей земли и матерью прочихъ городовъ ея; ей принадлежалъ починъ въ общественныхъ дѣлахъ и рѣшеніямъ ея покарялись младшіе сверстники [152].

б] Волынъ — Iulin — находился на сѣверъ отъ Штетины, на островѣ, обтекаемомъ широкимъ устьемъ Одры. Городъ былъ также великъ, сильно укрѣпленъ и многолюденъ. Значительность населенія его видна отчасти изъ того, что бамбергскіе проповѣдники положили на дѣло крещенія два мѣсяца — и все таки осталось много некрещеныхъ, ходившихъ за море по торговымъ дѣламъ. Важное значеніе Волына, какъ торговаго центра страны, побудило кн. Вартислава избрать его стольнымъ городомъ поморской епископіи [153].

в] Камина — на востокъ противъ острова Волына. Городъ, кажется образовался изъ княжьяго укрѣпленія и потому считался собственностью князя и былъ постояннымъ мѣстомъ его жительства. Здѣсь проживали законная жена Вартислава, его семейство и родственники. Оттонъ оставался въ Каминѣ около 50 дней, крестя народъ, который ежедневно приходилъ изъ того мѣста и окрестности [154].

г] Клодно. Судя по направленію пути бамбергской миссіи, Клодно должно было находиться между Волыномъ и Колобрегой, на лѣвомъ берегу рѣки [Реги?], среди лѣсной природы. Жители города занимались преимущественно торговлею въ чужихъ земляхъ, спускаясь для этого по рѣкѣ — въ море [155].

д] Неизвѣстно, какъ назывался тотъ обширный и пространный городъ, обгорѣлыя развалины котораго миссіонеры встрѣтили за рѣкой [Регой?] на пути отъ Волына къ Колобрегѣ [156].

152. Herb. II, 5, 25, 34; III, 25; Ebo II, 9, 11; III, 1. pag. 20, 21, 41, 50—51, 89, 43, 51, 62. nn. 26, 61, 73, 75, 122, 62, 75, 88.

153. Herb. II, 24, 37, 40; Ebo II, 7, 11, 15; III, 1; pag. 39, 52, 55, 57, 61, nn. 57, 81, 84, 80, 87.

154. Herb. II, 19—23; Ebo II, 5; III, 23; pag. 35sq. nn. 51, 52.

155. Herb. II, 38, 40; pag. 55, 57. nn. 82, 84.

156. Herb. II, 38; pag. 56. nn. 82.

е] **Колобрега** находилась на морскомъ берегу при устьѣ рѣки Персанты, на правой сторонѣ ея. Городъ былъ по преимуществу торговый: Оттонъ, прійдя въ него въ началѣ 1125 года, засталъ его почти пустымъ, ибо большинство жителей ушло торговать въ море, на острова[157].

ж] **Бѣлградъ** — также на правомъ берегу Персанты, на разстояніи одного дня пути отъ Колобреги[158].

За Одрой, въ области поморскихъ Лютичей, находились слѣдующіе города:

з] **Дыминъ** — на верховьѣ рѣки Пѣны. Городъ стоялъ на границѣ поморскихъ Лютичей и Долинцовъ, а потому имѣлъ преимущественно военно-оборонительное значеніе и былъ хорошо укрѣпленъ[159].

и] **Узноимъ** на островѣ того же имени. Городъ, какъ кажется, былъ не незначителенъ, иначе-едва ли Вартиславъ избралъ бы его въ 1127 г. мѣстомъ сейма всѣхъ волостителей и знатныхъ людей поморской земли[160].

к] **Волегощъ** находился на сѣверѣ страны поморскихъ Лютичей, противъ острова Узноима, на заливѣ, образуемомъ впаденіемъ р. Пѣны въ море. По отзыву бамбергскихъ миссіонеровъ — это былъ богатѣйшій [торговый] городъ[161]. Въ немъ находилось замѣчательное святилище Яровита.

л] **Гостьковъ** между Дыминымъ и Узноимомъ. Значительность города видна отчасти изъ того, что въ немъ находилось святилище удивительной величины и художественной отдѣлки[162]. Городъ велъ значительную торговлю.

Таковы главные города поморской земли. Кромѣ нихъ въ нашихъ источникахъ упоминаются еще: **Накла**, сильно укрѣпленная и твердая; она была разорена и сожжена Болеславомъ III въ 1121 г.[163]; княжеская крѣпость **Старьградъ**[164] и городъ Гаволянъ-неизвѣстнаго наименованія[165]. Города Поморья, какъ и вообще всѣ старинные славянскіе города — выросли и развились по большей части изъ небольшихъ защитныхъ городковъ или религі-

157. Herb. II, 39; pag. 56. nn. 83.
158. Herb. II, 39; pag. 56. nn. 83.
159. Herb. II, 39; III, 2; Ebo III, 5, 6; pag. 56, 67, 68. nn. 83, 93, 94.
160. Herb. III, 3; Ebo III, 6; pag. 70. nn. 96.
161. Herb. II, 39; III, 5, 6; Ebo III, 7, 8, 17; pag. 56, 71, 72, 74. nn. 83, 97, 98, 99.
162. Herb. II, 39; III, 7; Ebo III, 9—10; pag. 56, 75. nn. 100, 101.
163. Herb. II, 5, 30; pag. 20, 21, 46. nn. 26, 68.
164. Ebo II, 4; pag. 28. nn. 37.
165. Ebo III, 8; pag. 65. nn. 90.

озно-военныхъ укрѣпленій, подъ стѣнами которыхъ—ради удобствъ защиты и общежитія, садилось постоянное населеніе. Крѣпость тк. обр. образовала срединное ядро или центръ собственнаго города. Въ ней обыкновенно помѣщалось святилище, замокъ князя, обширныя прочныя зданія, къ нимъ принадлежавшія, и дворъ; все вмѣстѣ было обнесено твердыми стѣнами[166]. Жилъ ли кто постоянно въ этомъ мѣстѣ — изъ источниковъ не видно; но если и жили, то не простые, обыкновенные обыватели, а правительственныя лица и городская стража. Вокругъ стѣнъ крѣпости располагался городъ, гдѣ жило торговое и ремесленное и вообще все главное населеніе. Городъ имѣлъ улицы, по которымъ для удобства иногда лежали деревяные помосты; площади, на которыхъ происходили торги и совѣщанія объ общественныхъ дѣлахъ; вѣча, для послѣднихъ были устроены особыя возвышенныя мѣста, вѣчевыя степени, съ которыхъ говорили къ народу правительственныя лица и старѣйшины. Дома въ городѣ, иногда довольно высокія, были выстроены по большей части изъ дерева и тѣсно стояли другъ возлѣ друга. Самый городъ былъ также обнесенъ валомъ или стѣнами и имѣлъ входныя ворота[167]. За городомъ—помѣщалось предмѣстье, гдѣ находились различныя хозяйственныя зданія, житницы, амбары и тк. далѣе[168]. Не всѣ города имѣли такое развитое устройство, но всѣ — въ большей или меньшей степени, смотря по значительности и обширности города.

Такимъ образомъ — поморскій городъ соединялъ въ себѣ два назначенія: онъ былъ столько же мѣстомъ общежитія, взаимной обмѣны труда, религіознымъ и административно-экономическимъ центромъ; сколько и мѣстомъ защиты, пространною оборонительною крѣпостью[169].

Пути сообщенія. Сообщеніе между отдѣльными мѣстностями и частями страны, городами, крѣпостями и селами — про-

166. Ebo II, 7, 9, 24; III, 1, 16; Herb. II, 24, 26; Priefl. II. 5; pag. 39, 43, 61—62, 83. nn. 57, 58, 62, 87—88, 114.

167. Ebo II, 1; III, 1—3, 15, 18; Herb. II, 24, 26, 34; III, 17, 22; pag. 23, 61, 62, 81, 82, 87, 40, 41, 44, 51. nn. 29, 87, 88, 111—113, 114, 119, 58—60, 65, 73—4.

168. Herb. II, 24; pag. 41 nn. 60. Существованіе пригородей — suburbia изъ нашихъ источниковъ не совсѣмъ ясно, но оно не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, cf. Martini Galli Chronicon II, 28 у Бѣлёвскаго въ Monumenta Poloniae, I, p. 446—8 о пригородѣ въ Колобрегѣ.

169. Для ближайшаго ознакомленія съ устройствомъ и исторіею поморскихъ, городовъ можно обратиться къ превосходному сочиненію Кратца: Die Städte der Provinz Pommern. B. 1865; а равнымъ образомъ къ ст. Геринга: „Beiträge zur Topographie Stettins in älteren Zeit“ въ Baltische Studien X, 1, 1844, p. 1—86.

исходило безъ особыхъ затрудненій, столько же посредствомъ многихъ путей водныхъ, сколько и чрезъ твердыя дороги, которыя были достаточно устроены даже для движенія значительнаго количества людей. Миссія слѣдовала изъ города въ городъ то по рѣкамъ и озерамъ, то по твердому пути; тѣми же дорогами ходили войска и дружина князя Вартислава и, наконецъ — войска Болеслава III, разгромившія сѣверное Поморье. Затрудненія въ путяхъ сообщенія замѣчаются на южной и западной окраинахъ страны, гдѣ на большихъ пространствахъ тянулись огромные еще дикіе, дѣвственные лѣса и болота[170]. Впрочемъ, такъ-какъ путь миссіонеровъ и князей былъ строго опредѣленный, отъ одного значительнаго города къ другому, то и заключеніе объ особенно широкомъ развитіи путей сообщенія во всемъ Поморьѣ—не представляется необходимымъ. Вѣрно только, что важнѣйшіе города и мѣста жительства сообщались между собою легко и свободно. По болотистымъ топямъ, заливамъ и рѣкамъ находились мосты, правда—непрочные; но удовлетворявшіе первымъ потребностямъ сношеній[171].

Занятія населенія былъ довольно разнообразны:

Земледѣліемъ, огородничествомъ и садоводствомъ занималось преимущественно населеніе сельское и жители пригородей. Они воздѣлывали рожь, пшеницу, лёнъ и коноплю, макъ и многія другія огородныя и садовыя овощи. Жатвы отличались обиліемъ и производились посредствомъ серпа. Богатство плодовыхъ деревьевъ приводило бамбергскихъ миссіонеровъ въ изумленіе[172]. Само собою разумѣется, что успѣхи земледѣлія были не вездѣ одинаковы: они зависѣли и отъ характера почвы, неравномѣрно плодородной, покрытой еще во многихъ частяхъ топкими болотами, и отъ историческихъ обстоятельствъ: мѣста, открытыя для вражьихъ набѣговъ, представляли для земледѣльца мало прочной надежды на успѣхъ, и потому — немогли особенно поощрять и развивать трудъ его. Земледѣліе успѣвало только въ болѣе счастливыхъ, плодородныхъ и безопасныхъ мѣстностяхъ.. Тѣмъ не менѣе, говоря вообще о всемъ народѣ, характеръ занятій его былъ по преимуществу земледѣльческій; иначе—едвали бам-

170. Herb. II, 5, 10, 12, 21, 24, 26; III, 2, 14; Ebo II, 4; III, 3, 5, 15, 20; pag. 21, 30, 31, 36, 39, 43, 52, 64, 69, 81, 28, 67, 80, 89. nn. 26, 39, 41, 53, 57, 62, 95, 111, 37, 93, 109, 121.

171. Ebo III, 10, 18; Herb. II, 24; pag. 75, 88, 41. nn. 101, 119, 60.

172. Herb. II, 1, 23, 41; III, 4; Ebo II, 6; III, 22; pag. 29, 37, 58, 72, 90. nn. 38, 56, 85, 98, 123.

бергскіе миссіонеры воздали бы такую хвалу земледѣльческому обилію и богатству страны.

Скотоводство находилось въ цвѣтущемъ состояніи. Роды домашняго скота были: свиньи, овцы и бараны, козы, коровы и быки, составлявшіе вьючный скотъ; особенно же славны были огромные и сильные кони, цѣнившіеся очень высоко. Количествомъ ихъ измѣрялась сила и могущество знатныхъ людей[173]

Рыболовство, естественно, было однимъ изъ важнѣйшихъ занятій жителей, сидѣвшихъ по морскимъ заливамъ, озерамъ и рѣкамъ. Главный родъ рыбы составляли сельди, обиліе, величина и пріятный вкусъ которыхъ столь положительно засвидѣтельствованы Сефридомъ. Кромѣ сельдей ловилась и иная рыба; объ одномъ большомъ родѣ ея [камбола-ромбъ] миссіонеры сохранили почти полубаснословное воспоминаніе[174].

Пчеловодство, какъ особый промыселъ или занятіе, можетъ быть предполагаемо изъ существованія отличныхъ медовъ, о которыхъ разсказываетъ Сефридъ[175].

Ремесленныя занятія главнымъ образомъ обнимали предметы первой необходимости: постройку жилыхъ и хозяйственныхъ зданій, рѣчныхъ и морскихъ судовъ, выдѣлку оружія, домашней утвари, полотна и другихъ тканей для одеждъ, обуви...[176]. Впрочемъ, какъ кажется, ремесленная дѣятельность уже не ограничивалась однимъ этимъ, но распространялась и на нѣкоторые предметы роскоши, шитье золотомъ, художественныя скульптурныя и живописныя работы, литье или ковку изъ благородныхъ металловъ[177].

Война, или говоря вѣрнѣе — пиратство и грабежъ принадлежали къ обычному промыслу. Знатные, богатые люди, вожди собирали дружины и ходили на удалую грабить сосѣднія земли, преимущественно Данію и Польшу[178]. Добыча раздѣлялась между соучастниками похода; часть ея шла въ сокровищницы храмовъ. Пиратствомъ и разбоемъ занимались очень многіе изъ народа, по-крайней мѣрѣ о Поморянахъ шла общая молва, какъ о народѣ дикомъ, необузданомъ, привыкшемъ жить грабежомъ и войною, без-

173. Herb. II, 23, 41; III, 2, 27; Ebo III, 10, 21; pag. 37, 58, 69, 75. nn. 56, 85, 95, 101.

174. Herb. II, 1, 41; Ebo III, 4, 17; pag. 29, 58, 66, 87. nn. 38, 85, 92, 118.

175. Herb. II, 1, 41; pag. 29, 58. nn. 38, 85.

176. uide infra notas: 184, 180, 186, 187, 188.

177. Herb. II, 28, 32; III, 6; Ebo II, 13, III, 1, 8, 10; pag. 45, 47, 49, 74, 52, 61, 62, 75. nn. 66, 69 71, 99, 78, 87, 88, 101.

178. Ebo III, 2; pag. 63. nn. 89.

престанно разорявшемъ сосѣднія страны, нещадившемъ даже своихъ близкихъ соотечественниковъ [179].

Торговая дѣятельность — при естественной производительности страны и легкости путей сообщенія — была очень значительна. Это видно даже изъ случайныхъ показаній нашихъ источниковъ: многіе Волыняне ходили за море [въ Данію и Швецію?] по торговымъ дѣламъ, тоже дѣлали и жители Штетины и Клодны; Штетина торговала съ Руяной; обитатели Колобреги, при наступленіи зимы, почти всѣ отправлялись въ море на острова для торговли, такъ что Оттонъ нашелъ городъ опустѣлымъ; Гостьковцы вели торговыя дѣла съ Датчанами.. [180]. Для внутренней торговли по городамъ и большимъ деревнямъ въ опредѣленные дни открывались рынки, къ которымъ и сходился окрестный народъ [181]. Предметами торговли, можно полагать, были: рыба, соль, хлѣбъ, товары, шедшіе съ запада, а также и челядь—рабы. Торговля, можно думать, производилась и мѣною предметовъ и денежною куплею. Монета въ странѣ ходила чужеземная, польская и вѣроятно — датская и саксонская. Особою рѣдкостью она небыла, какъ видно изъ того, что ее въ большомъ количествѣ имѣли не только владѣтельныя и знатныя лица, но и обыкновенные горожане [182].

Общій экономическій бытъ Поморья представляется бамбергскими проповѣдниками въ состояніи довольства и богатства: въ странѣ, по ихъ словамъ, не было нищихъ, и бѣдняки вообще презирались. Наученный печальнымъ примѣромъ Бернгарда, отвергнутаго Волынцами ради его видимой бѣдности, Оттонъ особенно заботился о томъ, чтобы явиться къ варварамъ въ блескѣ, обиліи и богатствѣ и тѣмъ привлечь ихъ къ христіанству; этимъ обстоятельствомъ онъ объяснялъ потомъ часть успѣха своего дѣла [183]. Дѣйствительно, въ странѣ было много богатыхъ людей, они имѣли большое вліяніе и силу, но едвали можно сказать, что въ ней вовсе не было бѣдности, покрайней мѣрѣ — едвали наблюденія проповѣдниковъ и ихъ знаніе народнаго быта были столь многосторонне—обширны, чтобы мы могли принять отзывъ ихъ за полную правду: бамбергская миссія видѣла только города и не

179. Herb. II, 1, 32, 33; III, 2; Ebo III, 2, 13, 23; pag. 29, 47, 49, 68, 69, 63, 79, 90. nn. 38, 69, 72, 94, 95, 89, 107, 124.

180. Ebo II, 15, III, 12; Herb. II, 39, 40, III, 30; pag. 54, 76, 91, 56, 57. nn. 80, 103, 125, 83, 84.

181. Herb. II, 26; III, 4; pag. 44, 72. nn. 65, 98.

182. Herb. II, 9, 30, 41; III, 2; Ebo III, 9, 12, 13; pag. 27, 46, 58, 69, 75, 76—77, 79. nn. 36, 68, 85, 95, 100, 103—4, 107.

183. Herb. II, 7, 14; Ebo II, 2, 3, 13; III, 9; pag. 24, 26, 32, 22, 54, 76. nn. 31, 32, 35, 44, 28, 79, 102.

заглядывала въ тѣ глухія гнѣзда, гдѣ обитаетъ голь и суровая нищета.

Домашнее хозяйство, смотря по состоянію лицъ, было болѣе или менѣе обширно и благоустроено. Дома и другія зданія за недостаткомъ камня строились изъ дерева и имѣли иногда верхнее [горницы] и нижнее отдѣленія[184]. Яства и питья подавались въ изобиліи. Сефридъ особенно хвалитъ необыкновенный вкусъ медовъ и пива, необыкновенную чистоту и порядокъ стола[185]. Изъ домашнихъ вещей упоминаются: чаши, турьи рога, удобные для пѣнія, а равно и рога для питья меда, и другіе сосуды[186]. Одежда была проста, но едва ли особенно бѣдна, такъ—какъ она составляла предметъ воинской добычи. Какъ воины, такъ и простые люди носили плащи и шляпы, отличные по своей формѣ отъ подобныхъ нѣмецкихъ. Жрецы носили длинную одежду[187]. Обыкновенное вооруженіе состояло въ копьяхъ, между прочимъ метательныхъ, мечахъ, сѣкирахъ, ножахъ и щитахъ. Войска имѣли знамена[188].

Военное дѣло. По отзывамъ свидѣтелей Поморяне были опытны и искусны въ бояхъ на морѣ и твердой землѣ, усердно и ловко отправляли свои воинскія обязанности; каждый сражался безъ щитоносца и только князья и воеводы имѣли одного, много—двухъ слугъ[189]. Такому отзыву нельзя, впрочемъ, придавать большаго значенія: ихъ военнаго искусства и силъ хватало на борьбу съ такими сосѣдами, какъ Лютичи и Руяне; но не съ такими, каковы были Поляки. Погромы Болеслава III показываютъ, что поморскія полчища не могли выдержать борьбы съ правильно устроеннымъ войскомъ; потому всего ближе думать, что Поморяне пріобрѣли славу искусныхъ воиновъ своими удалыми пиратскими набѣгами, а не веденіемъ настоящей войны. Тоже или почти тоже должно сказать и о ихъ военномъ оборонительномъ искусствѣ: хотя свидѣтели и говорятъ о крѣпости ихъ городовъ и мѣстъ защиты, хотя сами туземцы очень надѣялись на ихъ неприступность и непобѣдимость; но эти надежды мало оправдывались дѣйстви-

184. Herb. II, 24, 31; III, 5; Ebo III, 7; pag. 40, 48, 71. nn. 58, 70, 97.

185. Herb. II, 1, 41; Ebo III, 7; pag. 29, 58, 71. nn. 88, 85, 97.

186. Herb. II, 32; pag. 47. nn. 69.

187. Herb. II, 23; III, 2; Ebo II, 13; III, 8; pag. 37, 69, 53, 72. nn. 56, 95, 78, 98.

188. Herb. II, 11, 23, 24, 32—3; III, 5, 6, 17—18, 22; Ebo III, 8, 15, 16, 18, 19; pag. 30, 37, 40, 47, 49, 50, 71. nn. 40, 56, 58, 69, 71, 72, 97, 74, 82, 99, 113.

189. Herb. II, 1, 23; pag. 28, 37; nn. 88, 56.

тельностью[190].. Войско Поморянъ состояло изъ пѣхоты и конницы. Послѣдняя была, какъ кажется, войскомъ постояннымъ, т. е. постоянными дружинами князей и знатныхъ людей земли[191].

Нравственное состояніе народа представляется на первый взглядъ полнымъ рѣзкаго противорѣчія: съ одной стороны свидѣтели хвалятъ его необыкновенную общительность, честность, гостепріимство и вѣжество, простое добродушіе, веселость и чистоту нравовъ [192]; — съ другой отзываются о немъ, какъ о народѣ дикомъ, свирѣпомъ и грубомъ, народѣ звѣрской жестокости, преданномъ грабежу и разбою [193]. Противорѣчіе исчезнетъ, если вспомнимъ, какую тяжелую школу жизни проходили Поморяне: тѣснимые отовсюду врагами, они неминуемо должны были огрубѣть въ борьбѣ за свободу и право существованія. Въ сферѣ домашней, среди мира, выходили наружу и дѣйствовали старые добрые нравы, привычки и инстинкты народа; но внѣ ея, въ отношеніи ко врагамъ — жажда добычи, ненависть и месть увлекала его въ другую, противуположную сторону. И нѣтъ ничего удивительнаго, что систематическій, закономъ церкви и государства освященный—разбой и жестокость своихъ враговъ онъ стремился вознаградить мелкимъ грабежомъ и равною жестокостью. Потому, въ нравственномъ отношеніи Поморяне едва-ли въ глазахъ историка станутъ ниже своихъ сосѣдей, Нѣмцовъ, Датчанъ и Поляковъ. Грубость и звѣрство было общею чертою быта всѣхъ ихъ. Что ожесточенная дикость Поморянъ зависѣла не отъ низкой степени умственнаго и и нравственнаго развитія, а была слѣдствіемъ историческихъ обстоятельствъ, это видно изъ ихъ обширныхъ торговыхъ сношеній и изъ того, что имъ вообще не остались чужды нѣкоторыя успѣхи образованности. Правда, они не пользовались искусствомъ письма, но зато понимали и цѣнили достоинство пластическаго искусства, имѣли художественно отдѣланные храмы и художественныя изображенія боговъ, приводившія въ изумленіе миссіонеровъ своею красотою [194].

Обычаи и преданія отцовъ были для народа закономъ, который дѣйствовалъ тѣмъ шире и сильнѣе, что государственная

190. Herb. II, 5; III, 10; pag. 21, 78; nn. 26, 105.
191. Herb. II, 11, 12, 21—3; III, 2, 5; Ebo III, 5; pag. 30—31, 35—7, 67, 73; nn. 39, 41, 53, 54, 56, 93, 94.
192. Herb. II, 12, 14, 41; Ebo III, 1, 7; pag. 31—33, 58, 60, 71; nn. 41, 43, 45—6, 85, 37, 97.
193. Herb. II, 1, 4, 24, 37; III, 30; Ebo II, 1, 7; III, 3, 13, 14, 23; pag. 20, 22, 28, 39—40, 55, 91; 64, 78—9, 80, 90; nn. 25, 27, 38, 57, 58, 59, 81, 126; 90, 107, 108, 124.
194. Herb. II, 32; III, 7; Ebo III, 9, 10; pag. 47, 75; nn. 69, 100, 101.

власть едва начиналась.. Въ сферѣ религіозной и домашней частной жизни господство обычнаго права было полновластное, въ области же общественныхъ отношеній оно уже ограничивалось, или вѣрнѣе — пополнялось нѣкоторыми распоряженіями правительства, князя и старѣйшинъ земли[195].

Семейный бытъ и его условія — не вполнѣ ясны. Народъ жилъ семействами, а не родами[196]. Власть отца, можно думать, была очень велика, но уже не имѣла той абсолютной безпредѣльности и суровости, какою обыкновенно отличаются чисто патріархальныя семьи. Покрайней мѣрѣ — этого не видно. Единственный остатокъ быта такой отдаленной, грубой эпохи уцѣлѣлъ въ обычаѣ предавать смерти новорожденныхъ дѣвочекъ. Миссіонеры замѣчаютъ, что обычай былъ сильно распространенъ въ народѣ, они приписываютъ его власти материнской и объясняютъ его тѣмъ, что туземцы, умерщвляя однихъ дѣтей, хотѣли доставить болѣе присмотра и призора другимъ[197]. Наблюденіе и объясненіе — поверхностныя: гораздо вѣрнѣе будетъ полагать, что обычай истекалъ изъ власти отцовской, что онъ не имѣлъ особенно широкаго распространенія и держался изстари въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не въ силу педагогическаго убѣжденія, а потому что при тревогахъ воинскаго быта излишество дѣтей слабаго женскаго пола — представлялось тяжелымъ бременемъ для семьи. Населеніе жило въ формѣ единожества, только князь и знатныя богатыя лица пользовались старымъ правомъ многоженства; но при этомъ одна жена считалась законною, остальныя же — наложницами[198]. Многоженство тк. обр. не имѣло правной силы и разсматривалось какъ фактъ дозволенный, но не узаконенный. Положеніе женщины — не было низкимъ: въ качествѣ жены она пользовалась въ семьѣ и обществѣ значительнымъ нравственнымъ вліяніемъ, а по смерти мужа могла получить даже и нѣкоторую юридическую власть и стать правительницею семейнаго имущества, такова была напр. знатная вдова, мать большой семьи, управлявшая всѣмъ домомъ, о которой разсказываетъ Гербордъ[199]. Начала семейнаго наслѣдованія не видны.

О собственности въ нашихъ источникахъ находимъ очень немногое: извѣстны только предметы ея, но не условія владѣнія

195. Herb. II, 21, 23, 24, 26, 32; Ebo II, 7, 11; III, 6; pag. 36, 37, 38, 43, 47, 51, 70; nn. 54, 56, 57, 58, 63, 69, 75, 96.
196. Herb. II, 30, 34, 41; pag. 46, 51, 58; nn. 66, 73, 85.
197. Herb. II, 18, 33; Ebo II, 5, 12; pag. 35, 50, 59; nn. 50, 72, 86.
198. Herb. II, 18, 19, 22, 34; Ebo II, 12; pag. 35, 36, 50, 59; nn. 50—1, 54, 73, 86.
199. Herb. II, 19, 23, 28; Ebo III, 7; pag. 35, 37, 44, 71; nn. 51, 56, 66, 97.

ими. Племя осѣдлое, земледѣльческое, Поморяне — естественно, должны были имѣть недвижимую, т. е. поземельную собственность [200]. Предметами собственности движимой были домашній скотъ, произведенія земли и водъ, вещи, добытыя по праву войны и грабежа, предметы домашняго обихода, одежда и вооруженіе [201].

Договоры и обязательства при довольно развитыхъ общественныхъ отношеніяхъ и торговой дѣятельности — должны были имѣть не малое значеніе и силу. Въ политическіе договоры и обязательства Поморяне вступали съ Руянами и Польшею [202]. Частныя долговыя обязательства обезпечивались залогомъ или вѣрнѣе — заложниками, которые, при неуплатѣ долга, подвергались тяжелому темничному заключенію [203]. Договорные акты скрѣплялись символическимъ дѣйствіемъ рукобитья и поцалуя [204].

Состоянія, По общему историческому закону времени самымъ нисшимъ состояніемъ было рабское.

Рабами становились военноплѣнные, взятые по праву войны или грабежа. Они, вѣроятно, употреблялись на болѣе тяжелыя работы или поступали въ продажу, как всякій другой предметъ собственности; потому въ рабѣ цѣнились прежде всего сила и способность къ работѣ. Хотя изъ нѣкоторыхъ показаній нашихъ источниковъ явствуетъ что положеніе плѣнниковъ — рабовъ у Поморянъ было очень тяжкое и мучительное, но нѣтъ сомнѣнія, это зависѣло отъ желанія получить скорѣйшій и большій выкупъ [205]. Таково ли было состояніе рабовъ натурализированныхъ, остававшихся на работѣ-службѣ въ странѣ — можно сомнѣваться; иначе, конечно христіанскіе проповѣдники не преминули бы попытаться улучшить и смягчить ихъ положеніе. Самое существованіе натурализированныхъ рабовъ въ Поморьѣ — изъ „Жизнеописаній“ не вполнѣ ясно [206]; но оно можетъ быть предполагаемо съ достаточными основаніями.

Народъ, какъ кажется—пользовался правомъ личной свободы: нигдѣ и не изъ чего не видно, чтобы служебныя несвободныя от-

200. Herb. II, 12, 21, 22, 23; pag. 31, 36, 37; nn. 41, 53, 55.

201. См. выше, notae 172, 173, 176, 179, 184, 186, 187, 188; pag. 110, 111, 112, 113.

202. Ebo III, 13, 23; Herb. II, 26, 30; III, 10; pag. 79, 90—1, 43, 45—6, 78 nn. 107, 125, 64, 68, 106.

203. Ebo III, 12; Herb. III, 9; pag. 76—77; nn. 103, 104.

204. Ebo III, 13, 23; pag. 79, 90; nn. 107, 124.

205. Herb. II. 29, 33; III, 2; Ebo III, 12; pag. 45, 49, 69, 76—7; nn. 67, 72, 95, 103, 104.

206. „Clientulli“, о которыхъ говорится у Герборда II, 38 pag. 55; nn. 82. были кажется не рабы, а просто слуги.

ношенія его опредѣлялись правами рожденія и состоянія, а не правами добровольнаго взаимнаго обязательства или договора. У богатыхъ и знатныхъ людей мы находимъ слугъ и служебную дружину, но не видимъ крѣпостныхъ въ собственномъ смыслѣ[207]. Вполнѣ не свободное состояніе вытекало только изъ нарушенія обязательствъ[208]. Народъ имѣлъ право носить оружіе[209]. Имѣлъ ли онъ право земельной собственности—не извѣстно, есть только примѣры, что онъ пользовался правомъ владѣнія землею[210]. Въ какой степени народу принадлежало право участія и голоса въ рѣшеніи общественныхъ дѣлъ — съ опредѣлительною точностью сказать трудно: изъ нѣкоторыхъ указаній бамбергскихъ проповѣдниковъ видно, что это участіе было прямое, непосредственное; изъ другихъ — что онъ участвовалъ посредствомъ своихъ представителей и только утверждалъ или принималъ рѣшеніе послѣднихъ[211]. Одно достовѣрно, что самъ народъ не могъ принять или постановить что-нибудь безъ совѣта и рѣшенія старѣйшинъ и лучшихъ людей и стало быть не пользовался полнымъ правомъ участія въ рѣшеніи дѣлъ[212]. Изъ земскихъ повинностей его ясно упоминается повинность военной службы, при чемъ ему принадлежало право на часть военной добычи[213]. Нѣтъ сомнѣнія также, что и всѣ работы по общественному благоустройству, постройка, укрѣпленіе и починка мѣстъ защиты [крѣпостей], постройка мостовъ и общественныхъ зданій—были общенародною повинностью.

Знатные люди или высшее сословіе земли было благородное т. е. отличалось отъ прочаго народа правами по рожденію[214]. Оно имѣло право поземельной собственности и право непосредственнаго участія и голоса въ рѣшеніи общественныхъ дѣлъ и управленіи страною, составляло высшій правительственный

207. „plebs, populus". Herb. II, 23, 25, 26, 30, 38; Ebo II, 9; III, 7; pag. 37, 41, 44, 45, 55, 71; nn. 56, 61, 65, 68, 82, 66, 97.

208. Ebo III, 12; Herb. III, 9; pag. 76—7; nn. 103, 104.

209. Herb. II, 24; III, 5, 18; Ebo III, 15, 16, 18; pag. 39, 71, 81, 83, 84; nn. 57, 97, 111, 114, 115.

210. Herb. III, 22; Ebo III, 18; pag. 87; nn. 119.

211. Herb. II, 14, 30; III, 20; Ebo II, 1; III, 16; pag. 32, 46, 85, 23, 86; nn. 45, 68, 116, 29, 117.

212. Ebo II, 5, 11; pag. 51; nn. 49, 75.

213. Herb. II, 30, III, 2; pag. 46, 69; nn. 68, 95.

214. „nobiles, nobilitate generis eminentissimi, primates, primores, magnates, principes, barones, eximii ciues". Herb. II, 7, 14, 23; 25, 26, 30, 32, 37; III, 3, 4, 9, 15; Ebo II, 5, 9, 11, 13; III, 5, 6, 7, 9, 12, 13, 16, 17; pag. 26, 32, 33, 34, 37, 41, 43, 47, 55, 69, 76, 82, 44, 51, 54, 66, 67, 70, 78, 85, 87; nn. 35, 42, 45, 56, 61, 63, 68, 69, 81, 96, 98, 103, 112, 49, 66, 75, 79, 93, 97 102, 106, 117, 118.

совѣтъ[215]. Обязанностью его, можно думать, была конная военная служба. Дружина князя, вѣроятно, состояла изъ такихъ благородныхъ людей; да и сами они имѣли право содержать собственныя дружины[216]. Поморская знать была многочисленна и богата, она имѣла очень значительное вліяніе на ходъ общественныхъ дѣлъ[217]. Ограниченіе власти ея со стороны народа представляется болѣе номинальнымъ, чѣмъ дѣйствительнымъ; гораздо болѣе дѣйствительнымъ было ограниченіе власти князя посредствомъ власти знатныхъ людей.

Князь. Княжескую власть мы застаемъ въ Поморьѣ въ неразвитомъ состояніи. Князь, кажется, былъ только первый, болѣе богатый и могущественный изъ знатиыхъ людей земли. Согласно съ этимъ и права его немногимъ были выше правъ прочихъ знатныхъ. Онъ владѣлъ большими помѣстьями и сильными крѣпостями[218], ему принадлежало право почина въ общественныхъ дѣлахъ, т. е. назначеніе и созваніе сеймовъ знатныхъ людей для обсужденія и рѣшенія дѣлъ[219], онъ былъ главнымъ воеводою ополченія земли[220] и представителемъ ея при договорахъ о мирѣ[221] съ его мѣстомъ жительства-наконецъ, соединено было право убѣжища для преступниковъ и вообще людей, угрожаемыхъ насильственною смертью[222]... Но при всемъ томъ, власть князя была не только слаба фактически, но и основывалась на весьма шаткихъ правахъ. Едва ли что значительное въ отношеніи всей земли могъ предпринять онъ по своему благоусмотрѣнію, безъ согласія прочихъ знатныхъ людей, бывшихъ также своего рода князьями. Вотъ почему-такъ незначительна въ дѣйствительности была его личная помощь бамбергскимъ проповѣдникамъ. Его авторитетъ, какъ видно, былъ очень слабъ въ большихъ городахъ: Штетиняне стояли какъ-то независимо отъ него, раздорили съ нимъ и грабили его владѣнія, Волыняне ни во что вмѣняли его право убѣжища[223];

215. Herb. II, 14, 23, 25; III, 3, 20, Ebo II, 1, 5, 9; III, 5, 6. 16; pag. 32, 37, 41, 69—70, 85, 23, 44, 66; nn. 45, 56, 61, 96, 116—7, 29, 49, 66, 93.
216. Herb. II, 11, 12, 21—23; Ebo III, 2; pag. 30, 35, 36, 37, 63; nn. 39, 53, 54, 56, 89.
217. Ebo II, 8, 9; pag. III, 2; Herb. III, 15, 17, 20; 42, 44, 63, 82, 85; nn. 62, 66, 89, 112, 113, 116.
218. „dux terrae, dux Pomeranorum, princeps terrae"; Herb. II, 12, 19, 21—24; Ebo II, 4; pag. 28, 31, 35, 36; nn. 37, 41, 51, 53, 55.
219. Ebo III, 6; Herb. III, 3; pag. 69—70; nn. 96.
220. Ebo III, 5; Herb. III, 1, 2; pag. 67—69; nn. 93, 94, 95.
221. Ebo III, 13; pag. 79; nn. 107.
222. Herb. II, 24, 26; Ebo II, 7; Priefl. II, 5; pag. 38—40, 42; nn. 57, 58, 62.
223. Ebo II, 7; III, 20, 23; Herb. II, 24; pag. 39, 40, 88—9, 90; nn. 58, 121, 124.

самъ Оттонъ побѣждаетъ упорство-язычниковъ, прибѣгая не къ силѣ и власти туземнаго князя, а къ силѣ князя польскаго[224]. Кромѣ главнаго князя всей земли, были и мѣстные князья[225]. Они, вѣроятно, входили въ составъ высшаго благороднаго сословія и ни чѣмъ существенно не отличались отъ прочихъ знатныхъ лицъ земли.

Чужеземцы. Народъ стоявшій въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ чужими странами, не могъ не быть терпимымъ къ людямъ захожимъ, чужеземцамъ. Они необходимо должны были у него пользоваться правомъ безопасности. Примѣры противнаго, указываемые нашими источниками[226], находятъ объясненіе въ исторіи: въ чужеземцахъ народъ часто видѣлъ и встрѣчалъ враговъ, посягавшихъ на его свободу и миръ, относившихся къ нему съ корыстными цѣлями, оскорблявшихъ его вѣрованія и святыню. Подъ дѣйствіемъ подозрительно-непріязненнаго взгляда на такихъ враговъ-чужеземцевъ и Оттону съ его спутниками пришлось нѣсколько разъ испытать дѣйствительную опасность[227]; но тамъ, гдѣ на нихъ глядѣли иначе, т. е. безъ недовѣрія и подозрѣнія, тамъ и отношенія къ нимъ туземцевъ становились иныя. Тамъ дѣйствовалъ старый патріархальный обычай гостепріимства, въ силу котораго личность гостя-странника не только находилась въ полной безопасности, но и имѣла право на уваженіе и обязывала къ дружественному пріему и угощенію. Съ удивленіемъ встрѣчали проповѣдники дѣйствіе такаго добраго обычая: его существованіе казалось имъ страннымъ у язычниковъ, „въ царствѣ діавола“[228]. Потому, устранивъ случайную возможность непріязненныхъ отношеній къ чужеземцамъ и выходившей отсюда опасности или гибели для нихъ, мы должны будемъ признать, что законъ-обычай въ Поморьѣ предоставлялъ имъ и право безопасности и право гостепріимства.

Управленіе. Земля раздѣлялась на области или жупы[229]. Средоточіемъ каждой жупы былъ городъ, къ нему принадлежало или

224. Herb. II, 25—6, 30; pag. 41, 43; nn. 61, 64.
225. Herb. II, 15, 37; III, 6, 9; Ebo III, 12, 16; pag. 55, 70, 76—7, cf. nn. 214; nn. 81, 96, 103, 115.
226. Ebo II, 1—2, 7; III, 6, 7, 13, 14; Herb. III, 24; pag. 22—3, 70, 71, 79, 80, 40—1; nn. 28, 9, 96, 97, 107, 108, 58, 59.
227. Herb. II, 24; III, 5, 6, 14, 18, 22; Ebo II, 7, 8; III, 7, 8, 15, 16, 18, 19, 20; pag. 39—40, 41, 71, 72—74, 81, 83, 84, 87, 88, 89; nn. 58, 59, 97, 98, 99, 111, 114, 115, 119, 120, 121.
228. Ebo III, 7; Herb. II, 41; III, 5; pag. 31, 58, 71; nn. 41, 85, 97.
229. „prouincia, pagus“. Herb. II, 14, 20, 26, 36, 37, 39; Ebo II, 13; III, 1; pag. 35, 43, 52, 56, 53, 60; nn. 52, 65, 74, 76, 77, 83, 78, 87.

совѣтъ[215]. Обязанностью его, можно думать, была конная военная служба. Дружина князя, вѣроятно, состояла изъ такихъ благородныхъ людей; да и сами они имѣли право содержать собственныя дружины[216]. Поморская знать была многочисленна и богата, она имѣла очень значительное вліяніе на ходъ общественныхъ дѣлъ[217]. Ограниченіе власти ея со стороны народа представляется болѣе номинальнымъ, чѣмъ дѣйствительнымъ; гораздо болѣе дѣйствительнымъ было ограниченіе власти князя посредствомъ власти знатныхъ людей.

Князь. Княжескую власть мы застаемъ въ Поморьѣ въ неразвитомъ состояніи. Князь, кажется, былъ только первый, болѣе богатый и могущественный изъ знатныхъ людей земли. Согласно съ этимъ и права его немногимъ были выше правъ прочихъ знатныхъ. Онъ владѣлъ большими помѣстьями и сильными крѣпостями[218], ему принадлежало право почина въ общественныхъ дѣлахъ, т. е. назначеніе и созваніе сеймовъ знатныхъ людей для обсужденія и рѣшенія дѣлъ[219], онъ былъ главнымъ воеводою ополченія земли[220] и представителемъ ея при договорахъ о мирѣ[221] съ его мѣстомъ жительства-наконецъ, соединено было право убѣжища для преступниковъ и вообще людей, угрожаемыхъ насильственною смертью[222]... Но при всемъ томъ, власть князя была не только слаба фактически, но и основывалась на весьма шаткихъ правахъ. Едва ли что значительное въ отношеніи всей земли могъ предпринять онъ по своему благоусмотрѣнію, безъ согласія прочихъ знатныхъ людей, бывшихъ также своего рода князьями. Вотъ почему-такъ незначительна въ дѣйствительности была его личная помощь бамбергскимъ проповѣдникамъ. Его авторитетъ, какъ видно, былъ очень слабъ въ большихъ городахъ: Штетиняне стояли какъ-то независимо отъ него, раздорили съ нимъ и грабили его владѣнія, Волыняне ни во что вмѣняли его право убѣжища[223];

215. Herb. II, 14, 23, 26; III, 3, 20. Ebo II. 1, 5. 9; III, 5, 6. 16; pag. 32, 37, 41, 69-70, 85, 23, 44, 66; nn. 45, 56. 61, 96, 116—7, 29, 49, 66, 93.
216. Herb. II, 11, 12, 21—23; Ebo III, 2; pag. 30, 35, 36, 37, 63; nn. 39, 53, 54, 56, 89.
217. Ebo II, 8, 9; pag. III, 2; Herb. III, 15, 17, 30; 42, 44, 63, 82, 86; nn. 62, 68, 89, 112, 113, 116.
218. „dux terrae, dux Pomeranorum, princeps terrae"; Herb. II, 12, 19. 21—24; Ebo II, 4; pag. 28, 31, 33, 36; nn. 37, 41, 51, 53, 55.
219. Ebo III, 6; Herb. III, 8; pag. 69—70; nn. 96.
220. Ebo III, 8; Herb. III. 1, 2; pag. 67—69; nn. 93, 94, 95.
221. Ebo III, 13; pag. 79; nn. 107.
222. Herb. II, 24, 26; Ebo II, 7; Pried. II. 5; pag. 38—40, 42; nn. 57, 58, 62.
223. Ebo II, 7; III, 20, 25; Herb. II, 24; pag. 39, 40, 88—9, 90; nn. 58, 121 124.

самъ Оттонъ побѣждаетъ упорство-язычниковъ, прибѣгая не къ силѣ и власти туземнаго князя, а къ силѣ князя польскаго [224]. Кромѣ главнаго князя всей земли, были и мѣстные князья [225]. Они, вѣроятно, входили въ составъ высшаго благороднаго сословія и ни чѣмъ существенно не отличались отъ прочихъ знатныхъ лицъ земли.

Чужеземцы. Народъ стоявшій въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ чужими странами, не могъ не быть терпимымъ къ людямъ захожимъ, чужеземцамъ. Они необходимо должны были у него пользоваться правомъ безопасности. Примѣры противнаго, указываемые нашими источниками [226], находятъ объясненіе въ исторіи: въ чужеземцахъ народъ часто видѣлъ и встрѣчалъ враговъ, посягавшихъ на его свободу и миръ, относившихся къ нему съ корыстными цѣлями, оскорблявшихъ его вѣрованія и святыню. Подъ дѣйствіемъ подозрительно-непріязненнаго взгляда на такихъ враговъ-чужеземцевъ и Оттону съ его спутниками пришлось нѣсколько разъ испытать дѣйствительную опасность [227]; но тамъ, гдѣ на нихъ глядѣли иначе, т. е. безъ недовѣрія и подозрѣнія, тамъ и отношенія къ нимъ туземцевъ становились иныя. Тамъ дѣйствовалъ старый патріархальный обычай гостепріимства, въ силу котораго личность гостя-странника не только находилась въ полной безопасности, но и имѣла право на уваженіе и обязывала къ дружественному пріему и угощенію. Съ удивленіемъ встрѣчали проповѣдники дѣйствіе такаго добраго обычая: его существованіе казалось имъ страннымъ у язычниковъ, „въ царствѣ діавола" [228]. Потому, устранивъ случайную возможность непріязненныхъ отношеній къ чужеземцамъ и выходившей отсюда опасности или гибели для нихъ, мы должны будемъ признать, что законъ-обычай въ Поморьѣ предоставлялъ имъ и право безопасности и право гостепріимства.

Управленіе. Земля раздѣлялась на области или жупы [229]. Средоточіемъ каждой жупы былъ городъ, къ нему принадлежало или

224. Herb. II, 25—6, 30; pag. 41, 43; nn. 61, 64.
225. Herb. II, 15, 37; III, 6, 9; Ebo III, 12, 16; pag. 55, 70, 76—7, cf. nn. 214; nn. 81, 96, 103, 115.
226. Ebo II, 1—2, 7; III, 6, 7, 13, 14; Herb. III, 24; pag. 22—3, 70, 71, 79, 80, 40—1; nn. 28, 9, 96, 97, 107, 108, 58, 59.
227. Herb. II, 24; III, 5, 6, 14, 18, 22; Ebo II, 7, 8; III, 7, 8, 15, 16, 18, 19, 20; pag. 39—40, 41, 71, 72—74, 81, 83, 84, 87, 88, 89; nn. 58, 59, 97, 98, 99, 111, 114, 115, 119, 120, 121.
228. Ebo III, 7; Herb. II, 41; III, 5; pag. 31, 58, 71; nn. 41, 85, 97.
229. „prouincia, pagus". Herb. II, 14, 20, 26, 36, 37, 39; Ebo II, 13; III, 1; pag. 35, 43, 52, 56, 53, 60; nn. 52, 65, 74, 76, 77, 83, 78, 87.

вѣрнеѣ — тяготѣло большее или меньшее число крѣпостей и другихъ мѣстъ осѣдлости [230]. Всѣ они вмѣстѣ составляли въ административно-юридическомъ отношеніи — одно цѣлое: городъ былъ только центральнымъ мѣстомъ управленія жупы и не имѣлъ, какъ кажется, своего особаго, отдѣльнаго отъ прочихъ частей ея, юридическаго устройства и управленія; потому — и не существовало въ правномъ смыслѣ различія между бытомъ города и всей жупы, не видно сословія городскаго, и понятіе „горожанина“ было скорѣе понятіемъ мѣстнымъ, чѣмъ юридическимъ. Такое устройство — понятно тамъ, гдѣ городъ образовался не вслѣдствіе намѣренія отдѣлить свои интересы отъ интересовъ прочихъ мѣстъ страны, а единственно по естественному стремленію къ удобствамъ общежитія и безопасности. Онъ сталъ центромъ страны, но не обособился отъ нея въ самостоятельно-отдѣльную единицу и жилъ съ нею одною общею жизнью. Изъ правительственныхъ лицъ въ „Жизнеописаніяхъ“ упоминаются: старѣйшины народа, знатные, лучшіе, первые люди, князья [231], т. е. благородные дворяне; начальники городовъ или кастелланы [232]; наконецъ — воеводы [233]. Всѣ эти лица составляли городской совѣтъ, обсуждавшій и рѣшавшій дѣла, касавшіяся города и всей жупы [234]. Упоминаются также еще: вѣстники, которые объявляли народу рѣшенія правительственнаго совѣта, стража начальника города и деревенскій староста, управлявшій княжьими имѣніями [235]. Въ дѣлахъ, касающихся религіи или связанныхъ съ нею — принимали участіе и жрецы [236]. Способъ рѣшенія дѣлъ происходилъ посредствомъ совѣщаній: вѣчей и сеймовъ. Вѣче было двухъ родовъ:

230. Herb. Ц, 14, 20, 26, 36, 37; III, 4; Ebo III, 1, 18; pag. 31, 35, 43, 52, 56, 53, 60, 87; nn. 43, 52, 65, 74, 76—7, 93, 83, 87, 119.

231. „maiores natu, seniores plebis, eximii ciues, principes“. etc. Ebo II, 1, 5, 11, 13; III, 5, 6, 7, 13, 16; Herb. II, 14, 20, 23, 30, 37; III, 3; pag. 23, 32, 51, 54, 67, 69—71, 78, 85, 32—3, 37, 46, 55; nn. 29, 44, 49, 75, 79, 93, 96, 97, 106, 116, 44, 45, 56, 68, 81; см. также nn. 214.

232. „princeps loci, — ciuitatis, prefectus ciuitatis, — urbis, dominus loci“. Herb. III, 1, 2, 3, 9; Ebo III, 3, 7, 12; pag. 64, 67, 68, 69, 71, 76; nn. 90, 93, 94, 96, 97, 103.

233. „Capitanaei“ Herb. II, 23; III, 3; pag. 37, 69; nn. 56, 96.

234. magistratus ciuitatis“. Ebo III, 7, 8; Herb. III, 17; pag. 71, 72, 82; nn. 97, 98, 113; были-ли между правительственными лицами и старцы изъ народа, по роду непринадлежавшіе къ знати, рѣшить трудно. Латинская терминологія источниковъ не позволяетъ никакаго твердаго заключенія, а изъ самихъ обстоятельствъ дѣла не открывается ничего положительнаго.

235. „precones“, „milites principis“, „satellites prefecti urbis“, „uillicus“. Herb. III, 17, 2; Ebo III, 12; Herb. Ц, 21; pag. 82, 68, 77, 36; nn. 113, 94, 104, 53

236. Ebo III, 16; pag. 85; nn. 117.

одно — открытое всенародное, имѣвшее мѣсто sub ioue на площадяхъ или особыхъ вѣчевыхъ мѣстахъ, гдѣ были устроены въ Штетинѣ для этого вѣчевыя ступени или возвышенія, съ которыхъ можно было говорить къ народу [237]; другой родъ вѣча — частный или закрытый — происходилъ въ особыхъ помѣщеніяхъ или въ зданіяхъ, принадлежащихъ святилищу и называвшихся континами [въ Штетинѣ]; здѣсь участвовали только члены правительства, старѣйшины, знатные люди земли, вообще — правительственный совѣтъ. Обсудивъ дѣло, они предлагали свое рѣшеніе на утвержденіе народа и къ исполненію [238]. Сеймы собирались въ случаѣ важныхъ дѣлъ, касающихся интересовъ всей страны; князь назначалъ время и мѣсто, знатные люди, воеводы и жупаны съѣзжались, обсуждали предстоявшія дѣла и постановляли свое рѣшеніе [239].

Преступленіе и наказаніе. Преступнымъ дѣйствіемъ считались: нарушеніе сдѣланнаго обязательства, нарушеніе установленныхъ законовъ и обычаевъ отцовъ, которыми держалась страна; а равно и — неисполненіе постановленій городскаго совѣта и народа [240]. Наказаніями были: лишеніе свободы и тяжелое заключеніе въ тюрьму — за первый родъ преступленій; потокъ или разграбленіе и сожженіе дома преступника — за послѣдній [241]. Существовали-ли наказанія увѣчьемъ членовъ и смертная казнь? Судя по тому, что было сказано Штетинцами на предложенія Оттона принять христіанство, можно подумать, что ихъ не было. Для увѣчья, дѣйствительно, мы не находимъ примѣровъ въ нашихъ источникахъ, но что Поморяне предавали позорной смерти не только христіанскихъ проповѣдниковъ, но и своихъ — на это указанія существуютъ [242]; а потому едва-ли и слѣдуетъ заключать изъ словъ Штетинцевъ объ отсутствіи смертной казни. Существованіе какъ ея, такъ и правнаго увѣчья — доказывается другими источниками, которыхъ мы здѣсь не касаемся.

Судъ. Какимъ образомъ и чрезъ кого производился судъ и и расправа на это нѣтъ никакихъ указаній. Все, что мы можемъ отмѣтить въ этомъ отношеніи — есть существованіе княжья права убѣжища [ius asyli]: угрожаемый смертью убѣгалъ въ княжье мѣсто

237. Ebo III, 1, 5, 7, 15; Herb. II, 30; III, 15, 17; pag. 62, 66, 71, 82—3, 46; nn. 88, 93, 97, 112, 113, 114, 68.
238. Ebo II, 5. III, 1, 6; Herb. II, 14, 32; III, 20, pag. 32, 47, 85, 70; nn. 45, 32, 116, 96.
239. Ebo III, 6; Herb. III, 3, cf. II, 37; pag. 69—70, cf. 55; nn. 96, cf. 81.
240. Ebo II, 7; III, 7, 12; Herb. III, 9; pag. 71, 76; nn. 58, 97, 103, 104.
241. ibidem.
242. Ebo III, 6, 13, cf. c. 20; Herb. II, 26; pag. 70, 79; 43; nn. 96, 107, 63; cf. въ „Приложеніяхъ“.

и былъ тамъ безопасенъ до разбора дѣла. Если преступленіе его доказывалось — князь выдавалъ его на расправу. Конечно такое учрежденіе явилось вслѣдствіе потребности ограничить дѣйствіе личной расправы или кровной мести. Какъ показываетъ случай съ бамбергскими проповѣдниками — право княжьяго убѣжища мало уважалось волынской вольницей [243].

Международныя отношенія. При томъ распространеніи въ какомъ мы находимъ у Поморянъ пиратство и грабежъ сосѣдей — международныя отношенія едва-ли могли быть опредѣленны и тверды; но интересы торговли и потребность безопасной жизни все же вызывали необходимость договоровъ и союзовъ съ другими племенами, основанныхъ на взаимныхъ обязательствахъ. Въ такомъ союзѣ стояли Поморяне съ Руянами, такіе договоры заключали они съ Польшей, обязываясь ими къ дани и военной помощи [244]. Договоры заключались посредствомъ уполномоченныхъ нарочитыхъ людей или посланниковъ и скрѣплялись, какъ мы замѣтили выше, символическимъ дѣйствіемъ рукобитья и поцалуя, знаменовавшимъ миръ, согласіе и любовь [245].

Внутреннія отношенія т. е. отношенія другъ къ другу отдѣльныхъ областей страны, кажется тоже основывались на взаимныхъ обязательствахъ, покрайней мѣрѣ — при нападеніи Лютичей на Дыминъ князь съ войсками явился на помощь послѣднему. Отношенія Волина и др. городовъ къ Штетинѣ были чисто филіальныя [246].

Религія представляла вѣрный нравственный образъ быта и культуры народа. Мы находимъ въ ней тоже раздвоеніе, какъ и въ жизни: съ одной стороны—это религія мирнаго земледѣльца, боготворящаго силы природы, чтущаго добрыхъ, дружественныхъ боговъ, надѣлающихъ людей всякимъ обиліемъ и земнымъ богатствомъ; съ другой — это религія воина или пирата, исполненная грозныхъ образовъ и страха, карающая гибелью, погромами и разореніемъ. Религія Поморянъ перешла за черту простаго естественнаго народнаго вѣрованія и поклоненія: она была въ вѣдѣньи развитой жреческой іерархіи и изъ этой школы выходила въ формѣ доктрины, вѣроученія, богослужебнаго ритуала. Божества воплотились въ опредѣленные внѣшніе образы [идолы], размѣстились

243. Herb. II, 24, 26; Ebo II, 7, 8; Prief. II, 5; pag. 38—40, 42; nn. 57, 62
244. Ebo III, 23; Herb. II, 30; III, 30; pag. 90, 91, 45—6; nn. 125, 68.
245. Herb. II, 26, 30; III, 10; Ebo II, 11; III, 18, 20, 23; pag. 43, 44, 46, 78, 79, 88, 90, 51; nn. 64, 65, 68, 106, 107, 121, 124, 75.
246. Ebo III, 5; Herb. III, 2; Ebo II, 9, 11; Herb. II, 25; III, 15, 25; pag. 66—7, 51, 41, 89; nn. 93, 94, 62, 75, 60, 122.

въ опредѣленномъ порядкѣ по храмамъ, получили опредѣленный образъ чествованія. Насколько въ всемъ этомъ участвовала объяснительная, систематизирующая богословская работа жрецовъ—сказать трудно; но присутствіе ея здѣсь несомнѣнно.

Народъ, жившій въ довольствѣ и благосостояніи, и съ понятіемъ божества соединялъ мысль о матерьяльномъ обиліи и богатствѣ: оно было для него источникомъ всякихъ благъ земныхъ, оно одѣвало зеленью и плодами поля и лѣса, дарило людямъ стада и всякія другія богатства[247].

Слѣды древнѣйшихъ вѣрованій видны въ обожаніи деревьевъ, орѣшника и дуба [посвященныхъ богу громовнику?] и воднаго источника, гдѣ обитало какое-то стихійное божество[248]. Воинственное направленіе народнаго быта ясно и довольно грубо выразилось въ обожаніи оружія, копья, которое высилось на огромномъ столбѣ или колоннѣ среди Волина[249]. Божествъ было много. Верховный изъ нихъ [Свантовитъ?] имѣлъ тк. скз. главное мѣстопребываніе въ Штетинѣ, въ святилищѣ на высокой горѣ, находившейся въ срединѣ города. Большой идолъ его былъ представленъ въ формѣ человѣка съ тремя смежными головами, почему и назывался Триглавомъ; золотая повязка покрывала его глаза и губы. По ученію жрецовъ, кажется, впрочемъ, произвольному — три головы обозначали, что богъ властвуетъ надъ тремя областями: небомъ, землей и преисподней, а повязка обозначала будто бы, что онъ необращаетъ вниманія на грѣхи людей, какъ бы невидитъ и молчитъ о нихъ. Верховный богъ былъ воинъ-наѣздникъ: однимъ изъ атрибутовъ его святилища была сѣдло; онъ помогалъ людямъ въ опасныхъ предпріятіяхъ. Кромѣ большаго изображенія его существовали и малыя. Объ одномъ подобномъ, сдѣланномъ изъ золота, упоминается, что оно помѣщалось въ дуплѣ древеснаго пня[250]. Въ Волегощѣ и у Гаволянъ чтился Яровитъ, весеннее [земледѣльческое] божество, ставшее главнымъ богомъ войны: на стѣнѣ его святилища висѣлъ огромный щитъ, обтянутый золотомъ; прикасаться къ нему не дерзалъ никто изъ смертныхъ, суевѣрный народъ соединялъ съ такимъ дѣйствіемъ какое то недоброе предзнаменованіе, это значило б. м.—пробудить къ дѣятельности браннаго бога, навлечь гибель.. Но во время войны громадный щитъ вы-

247. Herb. II, 23; III, 4; Ebo II, 1; pag. 37, 22—3; nn. 56, 98, 28.
248. Herb. II, 32; Ebo III, 18; pag. 49, 87; nn. 71, 119.
249. Ebo II, 1; III, 1; Herb. III, 26; Priefl. II, 6; pag. 23, 60, 89; nn. 30, 87, 123, 61.
250. Ebo II, 13; III, 1; Herb. II, 32; III, 20; Priefl. II, 11; pag. 52—3, 61 48; nn. 78, 88, 71, 69.

носили и вѣрили, что подъ его покровомъ они останутся побѣдителями[251].. О многочисленныхъ идолахъ другихъ боговъ, стоявшихъ по разнымъ святилищамъ въ Волынѣ, Гостьковѣ, Штетинѣ.. ипр. наши источники отзываются довольно глухо, они замѣчаютъ только необыкновенно художественную, красивую отдѣлку ихъ; что даетъ понятіе о довольно развитомъ религіозно-естетическомъ чувствѣ и вкусѣ народа[252].

Храмы или святилища, въ которыхъ помѣщались изображенія боговъ и гдѣ происходило служеніе имъ — находились и въ городахъ и въ отдѣльныхъ укрѣпленіяхъ. Проповѣдники говорятъ съ удивленіемъ о красотѣ и богатствѣ ихъ. Въ Штетинѣ стояло четыре контины [кхшта, кхтъ]; главная изъ была отстроена съ удивительнымъ художествомъ: внутри и снаружи на стѣнахъ находились рѣзныя выпуклыя изображенія людей, птицъ и звѣрей, представленныя такъ живо и согласно съ природой, что можно было подумать—они живутъ и дышатъ. Краски изображеній были такъ прочны, что имъ вовсе невредили ни снѣгъ, ни дожди[253]. Въ Гостьковѣ находились также великолѣпной отдѣлки художественные храмы; жители потратили на нихъ значительную сумму денегъ и славились ими, какъ знаменитымъ украшеніемъ своего города[254]. Нельзя, конечно утверждать, что эти памятники поморскаго искусства были произведеніемъ туземной культуры и туземныхъ художниковъ; скорѣе здѣсь можно видѣть работу европейскихъ мастеровъ романскаго стиля, столь любившаго скульптурныя изображенія звѣрей, птицъ и людей; но во всякомъ случаѣ самый фактъ существованія художественныхъ произведеній въ Поморьѣ представляетъ не малое свидѣтельство въ пользу образованности, если не всего народа, то лучшихъ изъ него. Торговыя сношенія въ этомъ случаѣ не прошли даромъ. Въ храмы — въ честь и украшеніе боговъ — по старому обычаю приносилась часть добычи, награбленныя богатства и оружіе враговъ; здѣсь сохранялись золотыя и серебряныя чаши, огромные позолоченные и украшенные драгоцѣнными камнями рога звѣрей, пригодные для питья, и другіе рога, на которыхъ можно было играть, ножи и кинжалы и вообще всякія рѣдкія и художественныя драгоцѣнности[255]. Подъ

251. Ebo III, 3, 8; Herb. III, 4, 6; pag. 64, 73—4, 72; nn. 90, 99, 98.
252. Herb. II, 30; III, 26; Ebo II, 13; III, 1, 10, 16; pag. 48, 89, 52, 61, 75, 86; nn. 70, 123, 78, 87, 101.
253. Ebo II, 13; III, 8, 18; Herb. II, 30—33; III, 6; Prief. II, 11, 16; pag. 52, 87, 48, 47, 73, 52; nn. 78, 119, 70, 69, 99, 77.
254. Ebo III, 9; Herb. III, 7; pag. 75; nn. 100.
255. Herb. II, 32; pag. 47; nn. 69.

покровомъ боговъ въ зданіяхъ, принадлежащихъ къ храмамъ, въ урочное время, происходили собранія гражданъ: они сходились сюда играть, веселиться или обсуждать свои дѣла. Три прочія штетинскія контины, менѣе украшенныя, чѣмъ главная, служили именно для этой цѣли: въ нихъ кругомъ были устроены скамьи и столы, за которые и садились приходящіе. Религіозное значеніе трехъ меньшихъ континъ — не подлежитъ сомнѣнію, иначе Оттонъ не предалъ бы ихъ разрушенію[256]. Служителями боговъ и блюстителями святилищъ ихъ были жрецы. Они совершали богослуженіе и всякіе обряды, связанные съ религіей, они же служили истолкователями воли божества. Каждое святилище — кажется имѣло своего жреца; въ Штетинѣ, по числу континъ, ихъ было четыре; изъ нихъ одинъ главный. Отъ прочаго народа жрецы отличались особой, длинной одеждой. Власть и вліяніе ихъ на народъ едва ли были особенно значительны, по крайней мѣрѣ — ихъ противодѣйствіе введенію христіанства находило весьма слабую поддержку и отзывъ со стороны лучшихъ людей и всего народа[257]. Мы замѣчали уже, что въ сокровищницы святилищъ, въ видѣ жертвъ, приносилась часть добычи; въ источникахъ упоминаются еще обрядовыя жертвоприношенія, совершавшіяся подъ орѣшникомъ, гдѣ обитало божество; а равно и другія умилостивляющія и благодарственныя жертвы Триглаву[258]. Воля божества узнавалась посредствомъ гаданій. Въ Штетинѣ находился огромный и быстрый конь вороной масти; круглый годъ на него никто не садился, онъ считался священнымъ и за нимъ ухаживалъ одинъ изъ жрецовъ. Когда задумывался какой нибудь набѣгъ или военный походъ, народъ гадалъ объ исходѣ предпріятія слѣдующимъ образомъ: на землю полагались рядомъ девять копій, каждое въ разстояніи локтя одно отъ другаго; сѣдлали и взнуздывали священнаго коня, и жрецъ, смотрѣвшій за нимъ, провождалъ подъ уздцы его трижды взадъ и впередъ по простертымъ копьямъ. Если конь проходилъ, не задѣвъ ногами и не смѣшавъ копій, то предвѣщалась удача предпріятію, и полчище выходило въ походъ; въ противномъ случаѣ знаменовалась неудача, и предпріятіе оставлялось[259]. По другому извѣстію отлагалось не самое предпріятіе, а только способъ его: думали, что божество, чрезъ своего коня, такимъ

256. Ibidem.

257. Herb. II, 33, 34; III, 4, 14; Ebo II, 1, 7, 13; III, 1, 2, 6, 8, 15, 16, 20; pag. 49, 51, 72, 82, 23, 52—3, 62, 63, 70, 80, 84, 83, 85, 88; nn. 72, 78, 98 112, 29, 78, 88, 89, 96, 109, 115, 114, 117, 121.

258. Ebo II, 13, 15; III, 1, 18; pag. 58, 54, 60, 62, 87; nn. 78, 80, 87, 88 119; cf. nn. 255.

259. Herb. II, 33; pag. 49; nn. 72.

знаменіемъ воспрещаетъ отправленіе въ походъ конный и потому прибѣгали къ жребіямъ, чтобы посредствомъ ихъ узнать, что слѣдуетъ предпринять: пѣшій ли набѣгъ или морской[260]. Во всякомъ случаѣ — основная мысль гаданія ясна: проходя свободно чрезъ рядъ копій впередъ и назадъ, невидимый божественный всадникъ тѣмъ какъ бы указывалъ на свободный, безпрепятственный проходъ чрезъ опасности предпріятія, на свободное возвращеніе домой, стало быть — на удачу. Какое значеніе имѣло число девяти копій — неизвѣстно, но что оно не было случайнымъ — это ясно. Кромѣ этого способа гаданія, наши источники говорятъ еще о гаданіяхъ жребіями и чашами, которыя хранились въ святилищахъ и употреблялись при торжественныхъ случаяхъ. Быть можетъ гаданіе чашами заключалось въ простомъ возліяніи напитка въ честь божества и молитвы къ нему о счастіи, благополучіи и удачѣ[261]. Религіозныя празднества совершались въ земледѣльческія урочныя времена. Таково было празднество, совершавшееся въ началѣ лѣта въ Пырицѣ [въ Іюнѣ], на которое стекался народъ изъ всей окрестной области и проводилъ время въ пирахъ, играхъ, пляскѣ и пѣніи. Гаволяне торжествовали празднество Яровита въ срединѣ Апрѣля т. е. при возвратѣ солнечной силы и возрожденіи природы. Съ полевымъ, земледѣльческимъ характеромъ праздникъ соединялъ характеръ воинскій: онъ совершался окруженный отовсюду священными знаменами. Въ Волынѣ празднованіе божеству [Свантовиту?] происходило въ началѣ лѣта; къ торжеству стекалось множество народа изъ области. Сверхъ этихъ большихъ праздниковъ были, кажется, и меньшіе, мѣстомъ дѣйствія которыхъ служили контины[262].

Изъ языческихъ суевѣрныхъ обычаевъ источники упоминаютъ еще погребеніе усопшихъ по лѣсамъ и полямъ и прибѣганіе къ вѣдуньямъ за помощью. Къ числу такихъ „вѣщихъ женокъ“ принадлежала, быть можетъ, та женщина-вдова, которой жрецы поручили храненіе скрытаго ими Триглава[263].

Характеръ поморскаго язычества — насколько онъ открывается изъ „Жизнеописаній“ — не отличался рѣзкой, упорной религіозной исключительностью. Несмотря на повидимому твердо установившіяся, доктриной закрѣпленныя формы языческаго вѣроученія и культа, несмотря на существованіе во главѣ ихъ ревнивой жреческой іера-

260. Priefl. mon. II, 11; nn. 72.
261. Herb. II, 32, 33; Ebo II, 12; Prief. II, 11; pag. 47, 49, 59; nn. 69, 72, 86.
262. Herb. II, 14, 32; Ebo III, 1, 3; pag. 31—2, 47, 60, 64; nn. 43, 69, 87, 90.
263. Ebo II, 12, 13; pag. 59, 52—3; nn. 86, 78.

рхіи и на то, что религія приняла и усвоила политическій элементъ страстной народной вражды, она не въ-конецъ утратила и терпимость, присущую наивному язычеству, не перешла въ фанатизмъ. Зависѣло ли это отъ свойствъ народнаго характера или отъ степени образованія, сказать трудно; но то вѣрно, что религіозными фанатиками въ настоящемъ смыслѣ Поморяне не были, и случаи нетерпимости ихъ вытекали не столько изъ религіи, сколько изъ историческихъ отношеній и обстоятельствъ. Этимъ объясняется съ одной стороны довольно легкій внѣшній успѣхъ проповѣди Оттона, съ другой — знаменательное явленіе двоевѣрнаго поклоненія въ Штетинѣ[264]. Но хотя темная сила жреческаго язычества и не была у Поморянъ тѣмъ подавляющимъ бременемъ, какимъ являлась она у ихъ ближайшихъ родственниковъ, все же она была темною силою; она могла еще вызвать и поддержать дѣятельность народа, но была рѣшительно не въ состояніи вести его впередъ, по стезѣ развитія и прогресса.

Историческія отношенія. Изъ того, что было доселѣ сказано о бытѣ и образѣ жизни поморскаго народа, можно заключать, что онъ издавна не оставался чуждъ движенію сѣверной политической исторіи. Народъ съ такими развитыми торговыми сношеніями, преданный постоянному занятію морскихъ и сухопутныхъ войнъ и грабежа, былъ, конечно, дѣятельнымъ участникомъ событій времени. Напрасно, однако, мы будемъ искать въ источникахъ какихъ нибудь опредѣленныхъ объ этомъ извѣстій и указаній: политическая исторія славянскаго Поморья остается совершенно темна до самаго конца XI вѣка. Правда, грамоты папъ и нѣмецкихъ императоровъ еще прежде указываютъ на часть поморской земли, лежавшую между рр. Пѣной и Одрой[265], но собственнаго Поморья онѣ не знаютъ: сюда, какъ видно, не проникало еще римско-нѣмецкое оружіе креста и меча, а вмѣстѣ съ ними — и притязанія духовныхъ и свѣтскихъ властителей.. Поморье была для нихъ „terra incognita, Christo et Imperatori adhuc non subiugata.“

Первыми засвидѣтельствованными событіями поморской исторіи были:

а] войны Поляковъ съ Поморянами при Болеславѣ I, Казимирѣ, Болеславѣ II и Владиславѣ Германѣ,

264. Ebo III, 1, 3, 4; Herb. II, 15, 20; pag. 62, 64, 66, 33, 35; nn. 88, 90, 92, 47, 52.

265. Codex Pomeraniae diplomaticus ed. Hasselbach et Cosegarten, Pr. 1843—62, Nro. 8, 9, 10; Pommersches Urkundenbuch, hrsg. v. Klempin I, St. 1868, Nro. 17, 19, 20, 21.

б] борьба Поморья съ Болеславомъ III, Кривоустымъ, и слѣдовавшее за нею

в] введеніе Христіанства чрезъ бамбергскую миссію.

О войнахъ Поморянъ съ первыми князьями Пястова рода „Жизнеописанія" Оттона вовсе не упоминаютъ: имъ извѣстны только отношенія Поморья къ Польшѣ при Болеславѣ III. Чтобы уяснить эти отношенія необходимо поставить ихъ въ связь съ предшествовавшимъ. Средства къ тому даетъ старшій польскій анналистъ, Мартинъ Галлъ и отчасти — Кадлубекъ.

Племя „необузданое и ненавистное", Поморяне издавна, тревожили польскія земли безпрестанными набѣгами, разореніемъ и грабежомъ; потому — естественно, одною изъ важныхъ заботъ слагавшагося польскаго государства была забота объ укрощеніи, буйныхъ сосѣдей. Какъ ни глухи извѣстія польскихъ лѣтописцовъ [и схоліаста Адама бременскаго] о предпріятіяхъ Болеслава I и Казимира въ отношеніи Поморья, но изъ нихъ все таки видно, что польскіе князья, дѣйствительно или номинально, владѣли страною по праву завоеванія. Гданскъ былъ въ концѣ x в. польскимъ городомъ, въ Колобрегѣ Болеславъ I основалъ даже епископство [266]. По словамъ Мартина Галла Болеславъ II въ началѣ своего правленія владычествовалъ надъ Поморянами, но вскорѣ—несмотря на одну выигранную битву, утратилъ власть [267]; такъ что при Владиславѣ Германѣ Поморье является свободнымъ и вызываетъ противъ себя рядъ военныхъ предпріятій со стороны Поляковъ. Еще до 1091 г. Владиславъ, поразивъ Поморянъ, взялъ многіе города и крѣпости внутри страны и на побережьи моря, посадилъ по важнѣйшимъ укрѣпленнымъ мѣстамъ своихъ воеводъ и посадниковъ и, желая отнять у язычниковъ всякія средства къ возстанію, велѣлъ за одинъ разъ сжечь всѣ крѣпости, находившіяся въ центрѣ страны. Мѣра не принесла ожидаемой пользы. Поморяне вскорѣ поднялись снова, избили болѣе строгихъ и жестокихъ польскихъ посадниковъ, прогнали другихъ, образъ дѣйствій которыхъ

266. Martini Galli Chronicon I, 6, 19, 21 — у Бѣлёвскаго въ Monumenta Poloniae historica, I, Lw. 1864, pag. 400, 416, 418; Win. Kadlubkonis Chronicon II, 12 — у Бѣлевскаго въ Monumenta II, Lw. 1872, pag. 279. О принадлежности Гданска Польшѣ и объ основаніи Болеславомъ колобрегской епископіи, см. замѣчанія: Röppel'a: Geschichte Polens, Hamb. 1840, I, p. 106—7 in notis, Adami Brem. Gesta II, 33, schol.; cf. Helmoldi Chronica I, 15.

267. Mart. Galli Chronicon I, 22, 25 [Monum. I, p. 419—420]; Kadlubkonis Chronicon II, 18 [Monum. II, p. 294]

былъ мягче и благороднѣе, и снова стали свободны[268]. Владиславъ не могъ оставить безъ возмездія такой обиды: въ началѣ 1091 г. онъ съ сильнымъ войскомъ вторгся въ поморскіе предѣлы, проникъ до богатой и многолюдной Штетины, взялъ огромную добычу и безчисленное количество плѣнныхъ и отошелъ къ своимъ предѣламъ. Поморяне, однако, шли по слѣдамъ и настигли его у рѣки Наклы [? Нотеци]. Битва, кажется, имѣла нерѣшительный исходъ: обѣ враждующія стороны разошлись не причемъ[269]. Слѣдовавшая въ томъ же году попытка Владислава овладѣть поморскою крѣпостью Накломъ [на р. Нотецѣ] окончилась для Поляковъ — безплодно. Осажденнымъ удалось отвлечь непріятеля всторону и сжечь осадныя орудія его и часть лагеря; къ тому же войска, особенно союзныхъ Чеховъ — начинали терпѣть недостатокъ въ продовольствіи. Это обстоятельства побудили князя снять осаду и уйти домой[270]. Между тѣмъ подросли дѣти Владислава, Сбигнѣвъ и Болеславъ; престарѣлый князь передалъ имъ начальство надъ войскомъ и отправилъ ихъ въ походъ противъ Поморянъ. Мартинъ Галлъ разсказываетъ, что при этомъ особенно отличился Болеславъ: онъ принудилъ къ сдачѣ находившуюся въ ихъ власти крѣпость Межирѣчье, овладѣлъ другою какою-то знаменитою крѣпостью Поморянъ, причемъ взялъ богатую добычу и множество плѣнныхъ, а воиновъ предалъ смерти, и заставилъ, наконецъ—Поморянъ разрушить ихъ собственное сильное укрѣпленіе, которое они возвели насупротивъ польской крѣпости Зантока и которое столь тщетно осаждалъ братъ его Сбигнѣвъ. Вообще „желая покорить страну варваровъ, онъ стремился не столько за добычею, сколько за тѣмъ, чтобы овладѣть городами и укрѣпленіями и разорить ихъ[271]. Таковы были отношенія Поморья къ Польшѣ до вступленія на престолъ Болеслава III, Кривоустаго.

Не смотря на то, что польско-поморскія войны имѣли характеръ неправильной и случайной пограничной борьбы и недостигали никакихъ прочныхъ результатовъ, — со стороны Поляковъ онѣ, какъ кажется, не были только одними набѣгами съ цѣлью грабежа, укрощенія и возмездія за обиды, но имѣли и политическую задачу распространенія польскаго государства пріобрѣтеніемъ или усвоеніемъ богатыхъ земель Поморья. Укрощеніе буйныхъ сосѣдей и

268 Martini Galli Chronicon II, 1 [Monum. I, p. 429]; Kadlubkonis Chronicon II, 22 [Monum. II, p. 303].

269. Martini Galli Chron. II, 2 [Monum. I, p. 429—430].

270. Martini Galli Chronicon II, 3 [Monum. I, p. 430—1].

271. Martini Galli Chronicon II, 7, 14, 15, 17 [Monum. I, p. 434, 436, 439—40]; Kadlubkonis Chron. II, 24 [Monum. II, 311—12].

месть имъ, по взглядамъ времени, вполнѣ достигались разореніемъ, грабежомъ страны, плѣномъ и наложеніемъ тяжелаго трибута; но болѣе прочное завладѣніе требовало иныхъ мѣръ — и потому Владиславъ Германъ занимаетъ войскомъ важнѣйшія поморскія крѣпости и ставитъ тамъ своихъ посадниковъ, потому и Болеславъ III, желая покорить страну, стремился овладѣть городами и укрѣпленіями ея. Со стороны польскихъ князей было естественно стремленіе возвратить то, что, по ихъ мысли, добыто оружіемъ Болеслава I, чѣмъ владѣли онъ и Казимиръ. Этого требовалъ долгъ семейно-государственной традиціи.

Хотя мѣры къ утвержденію польскаго владычества въ Поморьѣ оказались слабыми и малодѣйствительными, но политическая задача осталась въ полной силѣ и въ лицѣ Болеслава III нашла себѣ неутомимаго поборника и отчасти исполнителя.

Однимъ изъ первыхъ предпріятій Болеслава III, по вступленіи его на престолъ [1102], былъ походъ въ Поморье. Съ отборнымъ небольшимъ войскомъ онъ проникъ въ самую средину земли язычниковъ, до главнаго города ихъ, богатаго и многолюднаго Бѣлграда, взялъ его въ тотъ же день приступомъ, разрушилъ и сравнялъ съ землею укрѣпленія и съ богатою добычею возвратился домой. Дальнѣйшія послѣдствія этого дѣла заключались главнымъ образомъ въ устрашеніи Поморянъ: другихъ, покрайней мѣрѣ, лѣтописецъ не указываетъ[271]. Въ 1107 г., не успѣвъ довести къ концу походъ противъ Моравцевъ, Болеславъ съ конницей устремился противъ Колобреги, „города обильнаго богатствами и укрѣпленнаго". Въ пять дней непрестаннаго пути чрезъ пустыни, онъ достигъ мѣста, перешелъ рѣку [Персанту] и неожиданно напалъ на городъ. „Если бы—говоритъ Мартинъ Галлъ, нападеніе сталось съ одинаковымъ единодушіемъ, Поляки, безъ сомнѣнія, овладѣли бы знаменитымъ и главнымъ городомъ Поморянъ. Но добыча и богатства, находившіяся въ „подгороди" — ослѣпили отвагу воиновъ, и судьба спасла городъ отъ Поляковъ". Войско бросилось грабить подгородь; пока оно выводило и вязало плѣнныхъ, дѣтей и плѣнницъ, брало „морскія богатства", граждане, несмотря на то, что вождь ихъ убѣжалъ другими воротами при первомъ извѣстіи о появленіи врага, успѣли приготовиться къ отпору. Городъ остался нетронутымъ, разграблена и сожжена была одна подгородь. Чувствуя недостаточность силъ своихъ, Болеславъ немедленно вышелъ за стѣны ея и отправился въ возвратный путь[272]. Вѣсть объ этомъ событіи сильно устрашила все „племя варваровъ", такъ что,

271. Mart. Galli Chronicon II, 22 [Monum. I, p. 443].
272. Martini Galli Chron. II, 28 [Monum. I, p. 446—7].

когда Болеславъ снова поднялся на защиту какаго-то своего родича Сватобора, котораго Поморяне лишили власти и заключили въ тюрьму, они поспѣшили отвратить грозу немедленною выдачею узника[273]. Войны, однако, далеко не кончились. Кромѣ самаго Болеслава въ тоже время ихъ дѣятельно велъ и воевода его Скарбимиръ. Онъ взялъ двѣ поморскія крѣпости [одна изъ нихъ называлась Битомъ], разрушилъ ихъ, причемъ—овладѣлъ большою добычею и плѣнными[274]. Съ своей стороны Поморяне, хотя и стѣсненные, не оставляли своихъ опустошительныхъ набѣговъ на Польшу, грабили и уводили въ плѣнъ жителей, жгли селенія ихъ[275]. Болеславъ неутомимо преслѣдовалъ врага. Однажды, находясь на охотѣ, онъ съ немногими отроками своими попалъ въ засаду и едва было не погибъ. Подоспѣвшая помощь спасла его; Поморяне ушли, „обремененные болѣе печалью, чѣмъ добычею[276]". Отмстивъ за такую обиду разоряющимъ походомъ, Болеславъ въ зимнее время [1107—1108 г.] предпринялъ новый, болѣе рѣшительный. Намѣреніе его было овладѣть такими поморскими крѣпостями, которыя, находясь среди болотъ, были почти неприступны лѣтомъ. Онъ направился снова къ средоточію страны, Бѣлграду, осадилъ его и сталъ готовиться къ приступу. Городъ—сдался; князь оставилъ здѣсь часть своихъ воиновъ и поспѣшилъ на побережье, къ Колобрегѣ. Онъ еще не подошелъ къ городу и имѣлъ намѣреніе сначала взять крѣпость, лежавшую у моря, какъ граждане вышли къ нему на встрѣчу, отдали себя во власть его, предлагая „миръ и службу". Пріѣхалъ съ покорою и какой-то поморскій князь и также обязался къ службѣ и военной повинности Полякамъ. Все Поморье, казалось, было покорено: пять недѣль ходилъ Болеславъ по странѣ и нигдѣ не нашелъ противодѣйствія[277]. Но эта покорность—была только наружная, вынужденная обстоятельствами. Неуспѣлъ Болеславъ уйти, какъ Поморяне снова ополчились и поднялись, по обычаю, на грабежъ польской земли: они внезапно напали на церковь въ Спицимирѣ, ограбили ее, взяли въ плѣнъ какаго-то священника, принятаго ими за архіепископа [гнѣзденскаго, Мартина], и ушли[278]. Въ Поморьѣ находилось еще много

273. Mart. Galli Chronicon II, 29 [Monum. I, p. 447—8].
274. Mart. Galli Chronicon II, 30, 31 [Monum. I, 448].
275. Martini Galli Chron. II, 33, 43 [Monum. I, 449, 445—6]; Kadlubkonis Chronicon II, 26; III, 8 [Monum. II, 314, 335].
276. Mart. Galli Chron. II, 33 [Monum. I, 449].
277. Martini Galli Chronicon II, 34, 39 [Monum. I, p. 450, 453—4]; Kadlubkonis Chron. III, 2 [Monum. H, 329—331].
278. Martini Galli Chron. II, 43 [Monum. I, 455—6]; Kadlubkonis Chronicon III, 10 [Monum. II, 336 sq.].

городовъ и крѣпостей, которые сохраняли независимость и непріязненныя отношенія къ Польшѣ. Противъ одной изъ такихъ, Чарнкова, [надъ р. Нотецью] выступилъ Болеславъ съ большими силами. Осада длилась довольно долго, но наконецъ крѣпость отдалась въ власть Польшѣ. Многіе были при этомъ убиты, другіе — крещены и между ними начальникъ укрѣпленія Гнѣвомиръ[279]. И это пріобрѣтеніе Болеслава было непрочно и безъ послѣдствій: въ то время [1108], какъ онъ былъ занятъ войной съ Моравами и Чехами, Поморяне, чрезъ измѣну Гнѣвомира—овладѣли польскою крѣпостью Устьемъ [Uscze на р. Нотеци]. Болеславъ долженъ былъ спѣшить на выручку; его появленіе возстановило, правда, прежній порядокъ[280], но ничего не измѣнило къ лучшему въ отношеніи къ поморскимъ дѣламъ; такъ что, давъ краткій отдыхъ воинамъ и лошадямъ, онъ снова вторгается въ Поморье и, пренебрегая сборомъ добычи, прямо осаждаетъ крѣпость Велунъ. Поморяне защищались отчаянно: они не надѣялись на пощаду. Пока осаждающіе приготовляли осадныя орудія, они исправили укрѣпленія, огородили ворота и заготовили камни. Борьба длилась долго, потери были велики съ обѣихъ сторонъ. Наконецъ, истомленные и доведенные до крайности Поморяне, получивъ отъ Болеслава въ залогъ неприкосновенности его перчатку, рѣшились сдаться. Разсвирѣпѣлые побѣдители не исполнили уговора: вопреки приказу князя, они избили всѣхъ, не пощадивъ ни единого. Крѣпость была исправлена и занята польскимъ войскомъ[281]. Бѣдствія не образумили, однако, Поморянъ: на слѣдующее же лѣто [1109] большее полчище ихъ вторглось въ предѣлы Мазовіи, жгло, грабило и плѣнило жителей. Мазовшане собрались подъ начальствомъ воеводы Магнуса, разбили и разсѣяли толпу грабителей[282]. Славная побѣда Болеслава III надъ Поморянами сталась въ томъ же году [1109] у Накеля. Крѣпость стояла на границѣ Польши и Поморья, среди болотъ и была сильно укрѣплена. Поляки обложили ее и готовились къ приступу, когда осажденные попросили перемирія на срокъ, съ условіемъ, что если къ тому времени они не получатъ помощи, то сдадутъ крѣпость. Перемиріе имъ было дано; но осадныя работы не были сняты. Между тѣмъ вѣстники подняли поморское войско, оно поспѣшило на выручку, давъ клятву или

279. Mart. Galli Chron. II, 44 [Monum. I, 456—7].

280. Martini Galli Chronicon II, 47 [Monum. I, 457]; Kadlubkonis Chron. III, 4 [Monum. II, p. 383].

281. Mart. Galli Chronicon II, 48 [Monum. I, 458].

282. Martini Galli Chronicon II, 49 [Monum. I, 459]; Kadlubkonis Chron. III, 8 [Monum. II, 334—5].

умереть за родину, или одержать побѣду; съ этою цѣлью они отпустили лошадей и „неготовыми“ дорогами, по лѣсамъ, пробирались къ Накелю. Имъ удалось напасть на Поляковъ неожиданно: срокъ перемирія еще не кончился, многіе воины были въ отсутствіи за продовольствіемъ себѣ и скоту, другіе на разныхъ развѣдкахъ движеній непріятелей. Болеславъ, раздѣливъ свое небольшое войско на два полка, одинъ повелъ лично, другой поручилъ начальству Скарбимира, и битва началась. Поморяне стояли толпою, поставивъ копья на землю и обративъ ихъ противъ врага, какъ сплошную щетину, такъ что подступъ къ нимъ былъ почти невозможенъ. Въ то время, когда Болеславъ нападалъ спереди, Скарбимиръ обошелъ съ тылу и нашелъ случай проникнуть въ средину толпы. Раздѣленные и окруженные, Поморяне еще долго сопротивлялись, но потомъ обратились въ бѣгство. Изъ сорока тысячъ едва спаслось десять, остальные погибли въ битвѣ или въ болотахъ. Крѣпость сдалась на условіи пощады; ея примѣру вскорѣ послѣдовали и какія-то другія шесть поморскихъ укрѣпленій [283].. Среди серьезной борьбы съ Гейнрихомъ V и Чехами Болеславъ не упускалъ изъ виду и Поморянъ: въ началѣ 1110 г. онъ еще разъ предпринялъ походъ противъ нихъ, взялъ снова три крѣпости, сжегъ и сравнялъ ихъ съ землею, съ добычею и плѣнными возвратился домой, желая отдохнуть и укрѣпить города, пострадавшіе во время борьбы съ нѣмецкимъ Императоромъ [284]. Въ 1111 г. мы снова находимъ польскаго князя среди войнъ съ Поморянами. Посадникъ его въ Пакелѣ и другихъ городахъ, поморянинъ Святополкъ, б. м. одинъ изъ князей страны — не исполнялъ данныхъ обязательствъ, дѣйствовалъ самостоятельно и даже относился враждебно къ Польшѣ. Это побудило Болеслава осадить Накель. Осада шла неуспѣшно; у Поляковъ не было осадныхъ орудій: болотистая мѣстность не допускала привоза ихъ; сверхъ того, крѣпость была сильно укрѣплена и хорошо снабжена войскомъ и всякими запасами, она могла выдержать долгую осаду. Потому, когда Святополкъ предложилъ миръ, заложниковъ — между ними и собственнаго сына — и значительную сумму денегъ, Болеславъ согласился и снялъ осаду [285]. Неисполненіе условій со стороны Святополка было причиною, что на слѣдующій же годъ Поляки неожиданно осадили поморскую крѣпость Вышеградъ и принудили ее къ сдачѣ. Оставивъ тамъ часть воиновъ, какъ стражу, Болеславъ появился у дру-

283. Mart. Galli Chron. III, 1 [Monum. I, p. 463—5], Kadlubkonis Chronicon, III, 14 [Monum. II, 340—342].

284. Mart. Galli Chron. III, 18 [Monum. I, p. 473].

285. Mart. Galli Chron. III, 26 [Monum. 482—3].

гой, гораздо болѣе сильной крѣпости [Накеля?] и повелъ осаду. Осажденные защищались храбро: они знали, что ихъ ожидала гибель въ случаѣ торжества Поляковъ. Наконецъ, видя успѣхи польской осады и потерявъ надежду на помощь со стороны Святополка, крѣпость сдалась на условіяхъ неприкосновенности жизни и свободнаго выхода жителей. На этотъ разъ Поляки точно сдержали слово[286]...

Извѣстіемъ объ этомъ дѣлѣ оканчивается Хроника Мартина Галла. О дальнѣйшихъ отношеніяхъ Польши къ Поморью уже говорятъ „Жизнеописанія“ Оттона. Но прежде чѣмъ разсмотримъ ихъ показанія, считаемъ необходимымъ сдѣлать общій историческій выводъ изъ всѣхъ доселѣ переданныхъ фактовъ.

Болеславъ, несомнѣнно, продолжалъ и отчасти привелъ въ исполненіе политическую задачу своихъ предшественниковъ. Нѣкоторыя дѣйствія его въ отношеніи Поморянъ объясняются, конечно, лишь чувствомъ личнаго раздраженія и справедливаго возмездія, но вообще всѣ его походы направлены къ одной цѣли подчиненія поморской земли своей власти. Это ясно, когда взглянемъ на мѣста, противъ которыхъ направлены были его удары: прежде прочаго, чтобы открыть страну и тк. скз. соединить ее съ Польшею — ему необходимо было овладѣть пограничною полосою земли по рѣкѣ Нотеци. Противъ сильныхъ поморскихъ крѣпостей, здѣсь стоявшихъ, устремлены главныя усилія его. Затѣмъ онъ направляется въ центръ страны и беретъ главные города ея, Бѣлградъ и Колобрегу, очевидно не ради наказанія или случайной добычи, а ради прочнаго завладѣнія землею. Враждебныя политическія отношенія къ инымъ народамъ, Нѣмцамъ, Чехамъ, Моравамъ, а отчасти дѣла внутреннія и поморская сила — были причиною, что войны съ Поморянами велись съ перерывами и достигли своей цѣли не прежде окончательнаго взятія крѣпости Накеля и вторичнаго покоренія Бѣлграда, но тѣмъ не менѣе этой цѣли они достигли: все досточное Поморье, около 1110—1112, поступило во власть Польши, стало страною польскаго государства[286a]. Съ того времени источники не говорятъ болѣе о походахъ Болеслава противъ Поморянъ, обитавшихъ между р. Персантою и Вислою: такихъ походовъ, по всему вѣроятію — не было, потому что въ нихъ небыло нужды. Мѣсто дѣйствія его оружія переносится теперь на Одру, т. е. въ страну западнаго Поморья, еще свободнаго, столько

286. Ibidem.

286a] Коломанъ въ своемъ письмѣ къ Болеславу титулуетъ его: „Maritorum monarchus“, Kadlubconis Chronicon III, 4 [Monum II, p. 332].

необузданнаго и безпокойнаго, какъ и ихъ восточные соплеменники.

Возвратимся къ нашимъ „Жизнеописаніямъ". Соберемъ въ одно ихъ извѣстія объ отношеніяхъ западнаго Поморья къ Польшѣ, попытаемся затѣмъ привести ихъ въ порядокъ и связь съ вышеприведенными польскими свидѣтельствами.

Безпрестанно тревожимый поморскими набѣгами и грабежами, Болеславъ старался или совершенно уничтожить язычниковъ, или мечомъ привести ихъ къ покою и игу христіанства: нѣсколько разъ вторгался онъ съ своими полчищами въ Поморье и страшно опустошалъ его; такъ, устроивъ свои отношенія къ Руси, незадолго до прихода въ страну бамбергской миссіи, онъ овладѣлъ Штетиною, взялъ приступомъ, разорилъ и сжегъ сильную Наклу и иные города и крѣпости, избилъ и расточилъ множество жителей, множество ихъ увелъ плѣнными и поселилъ въ Польшѣ. Поморяне должны были покориться, они обязались къ мирнымъ отношеніямъ, военной помощи Полякамъ, платежу дани и къ принятію христіанства [287]. Обязательства, какъ видно, были ими плохо выполняемы. Собравшись съ силами, оправившись отъ пораженія, Поморяне снова принимались за прежнее удалое ремесло набѣговъ и грабежей въ польскихъ окраинахъ. Требовалось принятіе мѣръ рѣшительныхъ: для собственнаго спокойствія Поляки должны были держать въ постоянномъ страхѣ неугомонныхъ сосѣдей, вести съ ними почти непрерывную войну. Но исполнить это было не легко, чтобъ не сказать—невозможно. Поморяне имѣли сильно укрѣпленные города и крѣпости по границамъ и внутри земли, овладѣть ими требовалось и времени и не малаго труда; сверхъ того — частые походы большаго войска въ Поморье были очень тяжелы и затруднительны — и по характеру страны, покрытой лѣсами, болотами и пустошами, и потому, что они ослабляли, дробили и отвлекали польскія силы, столь нужныя какъ для поддержанія порядка внутри страны, такъ и для защиты прочихъ границъ государства, съ разныхъ сторонъ угрожаемаго врагами [288]. Болеславъ III видѣлъ, что путемъ войны и разоренія онъ не достигнетъ прочнаго успѣха; а между тѣмъ ему необходимы были мирныя отношенія къ Поморью, необходимо было сдѣлать свирѣпыхъ и безпокойныхъ сосѣдей данниками и надежными союзниками. Ближайшимъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ къ тому представлялось введеніе и распространеніе между ними христіанства. Не встрѣтивъ дѣятельнаго сочувствія къ такому дѣлу въ средѣ своего духовенства

287. Herbordi Dialogus II, 5, 6, 10, 13, 30; Ebo: III, 4. pag. 21, 29, 31, 45, 65—6; nn. 26, 33, 39, 42, 68; 92.

288. Herbordi Dialogus II, 3—5, 10; pag. 19, 20—1, 29, nn. 24, 26. 39.

и потерпѣвъ неудачу съ Бернгардомъ, князь польскій, вѣроятно — съ вѣдома поморскаго князя — вызвалъ на это дѣло Оттона, знаменитаго и своими христіанскими добродѣтелями и дарами практическаго разума[289]. Оттонъ принялъ приглашеніе. Уполномоченный Болеславомъ, въ сопровожденіи его посланниковъ, онъ ограничиваетъ свою дѣятельность во время перваго путешествія — мѣстами собственнаго Поморья, т. е. городами, лежавшими между Одрой и Персантой. Въ Пырицѣ, Каминѣ, Клоднѣ, Колобрегѣ и Бѣлградѣ онъ не встрѣчаетъ никакаго противорѣчія своей проповѣди[290]; но въ Волынѣ и Штетинѣ терпитъ сначала неудачу и, только послѣ новаго угрожающаго заступничества князя польскаго, водружаетъ въ этихъ мѣстахъ знамя христіанства[291]. Успѣхъ проповѣди Оттона въ первое „хожденіе“ его былъ далеко не полный. Кажется, что въ слѣдующемъ же году [1126] Штетина и Волынъ“ возвратились къ язычеству[292]; Поморяне отстроили разрушенныя Болеславомъ крѣпости, укрѣпили другія, и понадѣясь на свои силы, перестали платить дань и возобновили свои набѣги и непріязненныя отношенія къ Польшѣ; послѣдними, можно думать, руководилъ самъ поморскій князь Вартиславъ[293]. Узнавъ объ отпаденіи Штетины и Волына въ язычество и, быть можетъ, вызванный христіаниномъ Вартиславомъ[294], Оттонъ отправился снова Поморянамъ. На этотъ разъ его дѣятельность сосредоточивается главнымъ образомъ въ городахъ земли Лютичей-Чрезпѣнянъ и Штетинѣ. Она вѣнчается дѣйствительнымъ успѣхомъ: христіанство принимается прочно, при посредничествѣ Оттона утишается и вражда Вартислава съ Болеславомъ, который уже вторгся было въ Поморье для новаго наказанія буйныхъ и вѣроломныхъ сосѣдей[295].

Уже выше мы имѣли поводъ замѣтить, что извѣстіе „Жизнеописаніи“ Оттона о походахъ Болеслава въ Поморье не имѣетъ точнаго хронологическаго характера и представляетъ простое припоминаніе о событіяхъ съ цѣлью объясненія послѣдующаго[296]. Всматриваясь въ него ближе, нельзя не видѣть, что главнымъ источникомъ здѣсь были сообщенія Поляковъ. Они разсказывали миссіонерамъ, что знали о Поморянахъ и, конечно, по чувству на-

289. Ebo II, 1; Herb. II, 5, 6. pag. 20, 22, 24—5; nn. 26, 28—9, 33, cf. Helmoldi Chron. I, 40.

290. Herb. II, 14, 19, 38, 39; pag. 33, 35, 55, 56; nn. 45, 51, 82, 83.

291. Herb. II, 24, 26, 30, 37; pag. 40, 43, 45—6, 51; nn. 58, 63—64, 68, 76.

292. Ebo III, 1; pag. 60—62; nn. 87, 88.

293. Ebo III, 13; Herb. III, 10; pag. 78, 79; nn. 105, 106, 107.

294. Ebo III, 4; pag. 66; nn. 92.

295. Ebo III, 13; Herb. III, 10; pag. 78, 79; nn. 105, 106, 107.

296. pag. 21; nn. 26.

ціональной гордости, не могли умолчать о славныхъ подвигахъ своего князя. Отъ такихъ разсказовъ нельзя требовать исторической послѣдовательности и точности: они — припоминанія общія. Потому намъ кажется, что нѣтъ никакой надобности относить съ новѣйшими изслѣдователями взятіе Наклы ко времени 1119—20 г. и ради этого полагать, что Накла была совсѣмъ другая крѣпость, чѣмъ Накель Мартина Галла и будто бы лежала неподалеку отъ Колобреги[297]. Для подтвержденія такой догадки—нѣтъ надежныхъ данныхъ; напротивъ, зная характеръ разсказа, основаннаго на воспоминаніи, гораздо ближе думать, что Накло „Жизнеописаній" и Накель польскаго анналиста—тожественны, что оба источника говорятъ хотя и различно, но объ одномъ и томъ же событіи.

Управившись съ восточнымъ Поморьемъ, Болеславъ обратилъ оружіе противъ западнаго. Изъ словъ нашихъ памятниковъ можно заключать, что онъ нѣсколько разъ вторгался въ страну, но объ этихъ походахъ его у насъ нѣтъ никакихъ подробныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній. Въ строгомъ смыслѣ исторически засвидѣтельствованнымъ представляется только походъ 1120—1 г., когда Болеславу удалось взять Штетину, разорить нѣсколько крѣпостей и городовъ. Бамбергскіе проповѣдники имѣли случай лично видѣть страшные слѣды польскаго погрома[298]. Сколь далеко прошло польское оружіе— остается неизвѣстнымъ; можно думать, что оно не переходило за Одру, равнымъ образомъ, какъ кажется, Волынъ остался нетронутымъ[299]. Если дать силу случайнымъ показаніямъ „Жизнеописаній" и мнѣнію самихъ Поляковъ, то результатомъ этой войны было покореніе Поморья[300]; но происшествія указываютъ иное; изъ нихъ видно, что зависимость Поморянъ отъ Поляковъ не шла далѣе обѣщаній дани, военной помощи и принятія христіанства. Хотя и сильно пораженное, Поморье стоитъ независимо съ своимъ народнымъ княземъ и своимъ правительствомъ; польскій

297. Квандтъ, Кэпке и Бѣлевскій, см. Monumenta Poloniae historica II, Lw. 1872, pag. 75—76, nn. 3. Думать, что видѣнный бамбергскими проповѣдниками разрушенный городъ [Herb. II, 38; pag. 55, nn. 82] былъ именно Накло—нельзя. Имя Накло и самое событіе имъ было хорошо извѣстно, и они не замедлили бы это замѣтить.

298. Herb. II, 13, 38; pag. 31, 55; nn. 42, 82.

299. Реппель, Gesch. Polens I, p. 268, думаетъ что Болеславъ проникъ далеко за Одру до озера Морича, на томъ, конечно, основаніи, что бамбергская миссія во второе хожденіе свое—встрѣтила на этомъ озерѣ рыболова, который „capta a duce Polonie eadem prouincia" бѣжалъ сюда отъ польскаго погрома [Ebo III, 4, pag. 65—6; nn. 92]; но eadem prouiucia — здѣсь очевидно значитъ Поморье; а что рыболовъ зашелъ такъ далеко, то должно вспомнить, что отъ бѣжалъ не отъ Поляковъ только, но и отъ голода.

300. Herb. II, 10, 30; pag. 46; nn. 39, 68.

авторитетъ, въ виду недавнихъ бѣдствій, имѣетъ значительную внушающую силу, но это—сила страха[301], а не политической зависимости или подчиненія; притомъ же свободный и сильный Волынъ знать не хочетъ ни миссіонеровъ, ни посланниковъ польскаго князя и относится къ нимъ съ грубымъ неуваженіемъ[302]. Изъ всѣхъ обязательствъ поморскій князь, какъ христіанинъ, расположенъ исполнить только обязательство принятія христіанства, да и здѣсь, м. б. недовѣряя призванному Поляками миссіонеру, онъ оказываетъ ему мало помощи, и вначалѣ предоставляетъ его — собственнымъ его силамъ. Такія непрочныя отношенія къ Поморью были нескрыты отъ Болеслава: затрудняясь б. м. новыми войнами, онъ рѣшился испытать средство, къ которому кромѣ того обязывало его и званіе христіанскаго монарха, къ введенію христіанства. Онъ вызвалъ на этотъ подвигъ Оттона[303].

Что побудило бамбергскаго епископа принять на себя такое трудное и опасное дѣло? Біографы его даютъ разумѣть, что это было внутреннее призваніе, чуждое всякихъ стороннихъ цѣлей и намѣреній. Оттонъ хотѣлъ достойно завершить свои многолѣтніе труды и старанія на пользу христіанства и церкви. Дѣйствительно, разсматривая внимательно всѣ его дѣйствія въ Поморьѣ въ періодъ перваго путешествія — нельзя открыть въ нихъ ничего, кромѣ самой чистой ревности о спасеніи народовъ, ходившихъ во тмѣ и сѣни смертнѣй, ни слѣда какаго нибудь затаеннаго политическаго замысла. Было ли это дѣйствительно чистое воодушевленіе христіанина, или политическое благоразуміе и слѣдствіе убѣжденія, что только при такомъ образѣ дѣйствія возможенъ успѣхъ — рѣшить трудно. Одно представляется достовѣрнымъ, что если Оттонъ, какъ человѣкъ практическаго, дальновиднаго ума и не оставался чуждъ нѣкоторымъ политическимъ стремленіямъ, то они въ началѣ направлены были въ пользу польскаго, но отнюдь не нѣмецкаго интереса. Онъ твердо вѣрилъ въ торжество христіанства подъ державою польскаго князя и дѣйствовалъ въ этомъ духѣ, вовсе не помышляя о выгодахъ нѣмецкихъ. Въ союзѣ съ Болеславомъ, поддерживаемый его помощью и силою Оттонъ во время первой миссіи обходитъ только ту область, которая хотя и узнала грозу польскаго оружія, но не пришла еще въ прочныя зависимыя отношенія къ Польшѣ; проповѣдь бамбергскаго апостола, по мысли Болеслава, кажется, должна была, посредствомъ утвержденія и распространенія истинной религіи, утвердить и упрочить политичес-

301. Herb. II, 26; III, 10; Ebo III, 13; pag. 43, 78; nn. 64, 106.
302. Herb. II, 24; pag. 39—40; nn. 58.
303. Herb. II, 6; pag. 25, nn. 33; Helmoldi Chronica Slauorum I, 40.

кую зависимость страны отъ Польши. Тамъ, гдѣ эта зависимость стояла твердо и не подвергалась колебаніямъ — не было особой необходимости и въ дѣйствіяхъ Оттона: распространеніе христіанства могло быть приведено въ исполненіе и туземнымъ, польскимъ духовенствомъ. Этимъ, по нашему мнѣнію, объясняется, почему бамбергскій проповѣдникъ вовсе не коснулся политически обезсиленнаго восточнаго Поморья и въ Бѣлградѣ положилъ предѣлъ своей евангельской дѣятельности. Страна принадлежала къ гнѣзденской епархіи, дѣло христіанства здѣсь предоставлено было уже заботѣ архіепископа гнѣзденскаго. Намъ совершенно неизвѣстны взгляды и мысли Оттона на счетъ того, въ какой мѣрѣ Польша могла упрочить насажденное имъ Христіанство, организовать и утвердить церковь. Изъ личнаго опыта и знакомства съ поморскими обстоятельствами онъ, кажется, могъ убѣдиться въ относительной слабости польской власти. Самое намѣреніе Вартислава и знатныхъ земли устроить въ Волынѣ самостоятельную епископскую каѳедру [304] указывало на отношенія довольно независимыя отъ Поляковъ; но какъ бы то ни было, за недостаткомъ времени или по инымъ соображеніямъ, только Оттонъ совершенно устранился отъ дѣла устройства поморской церкви и предоставилъ его Болеславу. Чрезъ три года Оттонъ узналъ о возвращеніи къ язычеству двухъ главнѣйшихъ городовъ страны, Штетины и Волына. Его извѣстилъ объ этомъ, кажется, самъ поморскій князь Вартиславъ и просилъ о помощи [305]. Оттонъ обсуждаетъ предстоящее предпріятіе съ нѣкоторыми славянскими князьями во время государственнаго съѣзда въ Межиборьѣ [306] и отправляется въ путь; но уже не чрезъ Польшу, а чрезъ земли нѣмецкой церкви, именно — магдебурской епархіи. Главнымъ мѣстомъ дѣйствій его служатъ теперь страны, издавна номинально причисляемыя къ римско-нѣмецкимъ владѣніямъ [307], но въ дѣйствительности — еще язычествующія и признающія власть поморскаго князя, т. е. страны Лютичей-Чрезпѣнянъ, лежавшія между рр. Пѣной и Одрой [307a]. Въ Узноимѣ Вартиславъ наз-

304. Herb. II, 7; pag. 55; nn. 81.

305. Ebo III, 4; pag. 66; nn. 92.

306. Это ясно изъ его переговоровъ съ Вирикиндомъ. Ebo III, 3; pag. 65; nn. 91.

307. Cosegarten: Codex Pomeraniae Diplomaticus I, Nro. 8—10; Klempin: Pomm. Urkundenbuch I, 17, 19, 20, 21.

307 a] Когда и вслѣдствіе чего образовался союзъ Поморянъ съ Чрезпѣнянами — на это не указываетъ прямо ни одно историческое свидѣтельство. Существуетъ указаніе косвенное: Гельмольдъ, Chronica Slauorum I, 36, говоритъ, что землею Лютичей-Чрезпѣнянъ владѣлъ князь Оботритовъ Гейнрихъ; въ 1113 г. онъ предпринималъ вмѣстѣ съ ними изъ Волегоща походъ

начаетъ общій съѣздъ волостителей, земли на которомъ постановляется общее принятіе христіанства [308]. Съ этого времени Оттонъ дѣйствуетъ рука объ руку съ Вартиславомъ и поморскою знатью; съ ихъ помощью онъ приводитъ въ крестную вѣру Чрезпѣнянъ, отвращаетъ новую польскую грозу, готовую разразиться [309], улаживаетъ раздоръ между поморскимъ княземъ и Штетиною [310], возвращаетъ къ христіанству послѣднюю [311]. При всемъ этомъ польскій авторитетъ остается какъ-бы всторонѣ, покрайней мѣрѣ — въ отношеніи христіанства и церкви. Очевидно, что наученный опытомъ Оттонъ перестал опираться на непрочную польскую силу и перешелъ на сторону туземныхъ поморскихъ интересовъ.. Но однихъ-ли туземныхъ? Нисколько не отрицая чистоты намѣреній и дѣйствій поморскаго апостола, мы полагаемъ, что мысль его не оставалась чужда и нѣкотораго разсчета, что онъ дѣйствовалъ съ яснымъ сознаніемъ конечной цѣли, къ которой должна была привести насажденная его рукою новая религія, именно къ пріобрѣтенію благодатной страны не только для христіанства вообще, но и для **нѣмецкой** церкви и народности. Дальнѣйшія событія вполнѣ оправдываютъ эту мысль. Плодами обращенія Поморянъ въ христіанство воспользовался вовсе не тотъ, кто думалъ, кто началъ и кто такъ старался объ этомъ, кто ожидалъ отъ этого добрыхъ для себя послѣдствій. Болеславъ на дѣлѣ остался не причомъ: „тевтонскій богъ" покорилъ Поморянъ не для него, а для своихъ кровныхъ соплеменниковъ, „ad usum proprium". Съ введеніемъ христіанства въ Поморьѣ прочною ногою утвердилась нѣмецкая церковь; а съ нею — нѣмецкое начало становится основнымъ руководящимъ началомъ государственной власти и народнаго образованія. Княжеская власть, поднятая и усиленная новой религіей, постепенно усвояетъ нѣмецкую политику, княжескій родъ и знать мало по малу отдаляются отъ родной славянской національности и переходятъ въ нѣмецкую; нѣмецкое духовенство и монашество распространяются по всей странѣ, за ними вслѣдъ идутъ густыя толпы нѣмецкихъ переселенцевъ, привлеченныя и

противъ Руянъ [ibid 38]. Гейнрихъ скончался въ началѣ 1119 г. стало быть можно полагать, что политическій союзъ Чрезпѣнянъ съ Поморянами состоялся послѣ этого времени, можетъ быть въ ту пору, когда сыновья Гейнриха были заняты усобицами, Helm. Chr. I, 46, 48. Условія союза неизвѣстны, изъ „Жизнеописаній" Оттона открывается только, что въ ихъ число входило обязательство взаимной помощи или защиты.

308. Ebo III, 6; pag. 69—70; nn. 97.

309. Ebo III, 13; Herb. III, 10; pag. 78-9; nn. 105—107.

310. Ebo III, 20, 23; pag. 88, 90; nn. 121, 124.

311. Ebo III, 15 sq.; Herb. III, 13 sq.; pag. 81 sq.; nn. 109 sq.

природными богатствами края и разными льготами и привиллегіями, которыя давались имъ свѣтскими и духовными властями. Словомъ, водвореніе христіанства чрезъ нѣмецкую миссію неизбѣжно повлекло за собою утвержденіе и дальнѣйшее господство нѣмецкаго начала. Въ высшихъ сѳерахъ, въ области церковной, политической и правительственной дѣятельности — славянское Поморье скоро становится нѣмецкимъ герцогствомъ; а въ то время только въ этихъ сѳерахъ и совершалось собственно историческое движеніе...

Дальнѣйшія отношенія Польши къ западному Поморью—неизвѣстны. Тѣнь польской власти исчезаетъ здѣсь, когда, чрезъ полстолѣтіе, Гейнрихъ Левъ, Свендъ и Вальдемаръ обращаютъ на эту страну свои тяжелые удары. Поморье съ тѣхъ поръ становится ленною землею то Датчанъ, то Нѣмцевъ — попеременно.

Оттонъ еще находился въ живыхъ, когда Поморье, по видимому, снова уклонилось на путь язычества. По смерти Вартислава произошла реакція въ пользу стараго порядка вещей, ее, какъ можно думать, велъ Ратиборъ, братъ и преемникъ власти Вартислава. Успѣхъ ея былъ непродолжителенъ: нѣмецкая церковь успѣла уже пустить слишкомъ твердые корни и могла легко вынести мимолетное потрясеніе.

Пробѣгая мыслью все доселѣ изложенное, нравы, обычаи и порядки быта славянскаго Поморья — немогу не коснуться двухъ, близкихъ вопросовъ изъ отечественной, русской древности.

Давно, одинъ почтенный ученый, память котораго заслуживала бы большаго уваженія потомковъ, случайно обронилъ гипотезу о о заселеніи новгородской области съ балтійскаго Поморья. Свѣтлая мысль не нашла отголоска и не была признана, какъ не были признаны и многія другія его свѣтлыя мысли, только теперь находящія признаніе и справедливую оцѣнку; но пора, кажется, воздать ей должное, пора сказать, что она имѣетъ всѣ условія основательнаго, глубокомысленнаго и плодотворнаго историческаго предположенія.

Недавно другой, почтенный ученый, разувѣрившись въ непогрѣшимости канонической гипотезы о происхожденіи Руси и призваніи первыхъ князей отъ Норманновъ, высказалъ не менѣе свѣтлую и плодотворную мысль о призваніи ихъ отъ Славянъ, съ балтійскаго Поморья... Мысль осталась также мало признана наукою..

Ни пок. Каченовскій, ни г. Гедеоновъ не доказали своихъ догадокъ, не успѣли, да и не могли — сообщить имъ значеніе уче-

ной истины. Скудость матерьяла не допускала ничего иного, кромѣ догадки.

Пройдя съ такими надежными руководителями, каковы жизнеописатели Оттона, весь наличный запасъ свѣдѣній о бытѣ славянскаго Поморья, принявъ въ соображеніе и нѣкоторыя указанія поморскихъ грамотъ, я не задумываюсь высказать, что изъ всѣхъ догадокъ о первоначальной колонизаціи Новгорода и призваніи первыхъ князей—догадки Каченовскаго и г. Гедеонова представляются самыми основательными и правдоподобными. Онѣ стоятъ между собою въ причинной связи: заселеніе новгородской области съ балтійскаго Поморья дѣлаетъ вполнѣ вѣроятнымъ призваніе и князей оттуда-же и тѣми же Новгородцами. Имя Новгорода становится совершенно понятно, когда вспомнить о Старьградѣ [даже не одномъ, а двухъ], находившемся на балтійскомъ Поморьѣ; имя Славьно кажется противнемъ такаго же балтійскаго Славна [slauna, slauene]; характеръ новгородской вольницы и торговой знати точно тотъ же, что и поморской; характеръ вѣча [cf. Thietm. Chr. VI, 18], вѣчеваго устройства и вѣчевой „степени" сходенъ до подробностей; одинаково и устройство „княжьяго двора.." Такихъ фактовъ — еще мало, чтобы догадкѣ сообщить значеніе истины, но для вѣроятности исторической догадки они имѣютъ вѣское значеніе..

Если въ сказаніи о происхожденіи Руси и призваніи князей изъ-за моря должно признать дѣйствительное историческое основаніе или самый фактъ, то нѣтъ ничего естественнѣе, какъ прійти къ мысли, что Новгородъ, стоявшій въ постоянныхъ торговыхъ связяхъ съ поморскими Славянами, родственный или покрайней мѣрѣ—близко знакомый съ ними, всего скорѣе долженъ былъ обратиться къ нимъ, а не чужеязычнымъ Норманнамъ или Пруссамъ. Сужденно ли этимъ догадкамъ остаться только вѣроятными догадками, откроется ли новый матерьялъ, который устранитъ ихъ или подтвердитъ ихъ истину, оставаясь въ предѣлахъ исполнимаго — мнѣ кажется, что вопросъ значительно подвинулся бы впередъ, еслибы: во первыхъ — былъ сличенъ мѣстный славянскій именословъ [по грамотамъ] съ новгородскимъ, во вторыхъ — еслибы были разобраны особенности языка поморскихъ Славянъ, насколько онѣ видны изъ латинскихъ грамотъ, сравнительно съ особенностями древняго новгородскаго нарѣчія.

Приложенія.

I.

Отрывокъ неизвѣстнаго автора о нравахъ Поморянъ.

„Pomerani slaui est gens indomita. pugnax et praeda uiuens. et danorum maxime terram depopulans. Hic usus et hic uictus et nichil pace molestius. Pyratico apparatu praedas exercent. Occidere ut occidi fortunam credunt et iudicium dei non metuunt. De nouo Christiani adhuc poganizant. uicinisque gentibus pacem non tenentes. Horum insolentias in suis dampnis cum Dani ferre non possent. arma conclamant et ad urbem praedonum adunati. nemine excusato. miles et rusticus. rex et sacerdos simul in unum diues et pauperi pugnaturi conueniunt. Et archiepiscopus affuit ultor iniquitatis. terre defensor. uindex ecclesie. uisor denique miraculi, quod retulit ipse. Duo inquit corpora pendebant patibula non collotenus ut solent fures suspendi, sed ut canes aut lupi calcaneis appensi. uisi tam horridi, ut non possent causae illorum pro horrore non discuti uel inquiri. Responsum est ab indigenis. iuste illos sic passos fures fuisse pessimos. diu et cum dampno ciuium latuisse non ab homine sed a deo perditos fuisse“.

Представленный отрывокъ сообщенъ А. В. Мацѣіовскимъ въ VI т. его „исторіи славянскихъ законодательствъ [Historya prawodawstw słowiańskich, W. 1858 t. VI p. 390—1]“. Онъ взятъ изъ пергаменной рукописи XIII столѣтія, находящейся въ библіотекѣ графовъ Рачыньскихъ въ Познани. Отрывокъ находится въ статьѣ „epistola de leproso per ignem mundato“. Онъ замѣчателенъ не только, какъ живое, современное изображеніе воинственныхъ нравовъ Поморянъ, но и какъ свидѣтельство о существованіи у нихъ смертной казни, въ чемъ можно было-бы сомнѣваться, положившись на слова

„Жизнеописаній“ Оттона [supra, pag. 43, nn. 63]. Откуда взятъ этотъ отрывокъ—до сихъ поръ неизвѣстно. По характеру своему онъ всего ближе подходитъ къ повѣствованію Саксона Грамматика, хотя существенно отличается отъ него по слогу. Впрочемъ, датское происхожденіе его едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію: едва-ли въ особѣ „архіепископа, мстителя отчизны и защитника церкви“ можно разумѣть кого инаго, а не знаменитаго Абсалона, архіепископа Лундскаго, непосредственнаго вождя датскихъ походовъ противъ Руянъ, Поморянъ и Лютичей. Со временемъ воинской дѣятельности Абсалона вполнѣ совпадаетъ и извѣстіе, что Поморяне „de nouo Christiani adhuc poganizant“. Но какой походъ Датчанъ противъ Поморянъ разумѣется здѣсь? Всего ближе подходитъ сюда Вальдемаровъ походъ 1169 г. [?], предпринятый вскорѣ по конечномъ паденіи Руяны и подробно описанный Саксономъ Грамматикомъ [Hist. danica, l. XIV, ed. Müller, p. 856 sq.].

II.

Извѣстія Мартина Галла о бытѣ Поморянъ.

Излагая войны Пястовичей съ Поморянами [выше, стр. 128—134], мы слѣдовали главнымъ образомъ Мартину Галлу, но ограничились извлеченіемъ изъ его Хроники однихъ историческихъ данныхъ и простыми библіографическими ссылками на источникъ. Между тѣмъ подробности разсказа польскаго лѣтописца имѣютъ значительную цѣнность и въ бытовомъ, археологическомъ отношеніи: онѣ представляютъ довольно крупныя черты поморской культуры и нравовъ и въ этомъ отношеніи могутъ служить немаловажнымъ дополненіемъ къ тому, что сообщается „Жизнеописаніями“ Оттона. Такое обстоятельство побуждаетъ насъ представить здѣсь нѣкоторыя выдержки изъ польско-латинской хроники, именно- извлеченіе всего, что можетъ имѣть значеніе въ отношеніи разъясненія поморскаго быта и древностей. Реторическія фигуры и изліянія политико-патріотическаго энтузіасма хрониста мы, конечно, по возможности устраняемъ изъ текстовъ. Въ заключеніи даемъ мѣсто общему обозрѣнію матерьяла и нѣкоторымъ поясненіямъ его, съ цѣлью дополнить нашу предшествующую картину поморскаго быта. Извлеченія изъ Хроники магистра Викентія, обыкновенно называемаго Кадлубкомъ — не представляются необходимыми. Въ этомъ произведеніи изслѣдователь не найдетъ ничего, или почти что ничего, для поясненія

поморскаго быта и древностей: надутая реторика здѣсь вконецъ сгубила чувство исторической дѣйствительности и уваженіе къ ней.

Текстъ Мартина Галла приводится по рецензіи А. Бѣлёвскаго, изъ его „Monumenta Poloniae historica“ t. I, Lw. 1864.

1. „Quibus [id est Pomeranis] uictis, ciuitates eorum et municipia infra terram et circa maritima uiolenter occupauit [dux Wladizlauus], suosque uastaldiones et comites in locis principalibus et munitioribus ordinauit. Et quia perfidiae paganorum omnino uoluit insurgenti fiduciam amputare, suosmet praelatos iussit nominato die in hora constituta omnes in meditullio regni munitiones concremare“. II, 1.
2. „At Wladizlauus dux.. cum forti manu terram eorum [sc. Pomeranorum].. introiuit... Stetin, urbem terrae populosiorem et opulentiorem, ex improuiso intrauit, indeque praedam inmensam et captiuos innumerabiles congregauit. Cumque iam cum sua praeda nichil dubitans remearet, iamque securus sui regni finibus propinquaret, Pomorani subito subsequentes eum super fluuium Nacla [?] inuaserunt, bellumque cum eo pridie palmarum cruentum et luctuosum partibus utrisque commiserunt“. II, 2.
3. „Qui [Boleslauus] regionem barbarorum subiugare concupiscens, praedas agere prius uel incendia facere non conatur, sed eorum munitiones uel ciuitates obtinere uel destruere meditatur. Igitur gressu concito quoddam nobile satis ac forte castrum obsessurus inuasit, quod tamen eius primum impetum non euasit, unde praedam multam et captiuos egit, bellatores uero sententiae bellicae redegit“. II, 15.
4. „.. nunciatum est eis Pomoranos exiuisse, eosque contra Zutok regni custodiam et clauem, castrum oppositum erexisse. Erat enim castrum nouum ita altum et ita proximum christianis quod ea quae dicebantur et fiebant in Zutok et audiri et uideri bene poterant a paganis.. Puer Boleslauus aduenit.. et pontem inuadendo castellanis abstulit, et in portam prosequendo suos enses intulit“. II, 17.
5. Conuocata multitudine bellatorum, cum paucis electis penetrauit [Bolezlauus] meditullium patriae paganorum. Cumque ad urbem regiam et egregiam Albam nomine peruenisset.. equo descendens uiolenter ac mirabiliter urbem opulentam et populosam die qua uenerat expugnauit. Dicunt etiam quidam eum primum inuasisse, cumque primum propugnacula conscendisse.. De ciuitate autem praedam innumerabilem asportauit, municionem uero planiciei coaequauit“. II, 22.

6. „Conuocato exercitu... [Boleslauus et milites] Cholbreg ueniunt ductu sidereo... ad urbem Cholbreg propinquantes, fluuiumque proximum sine ponte uel uado, ne praescirentur a paganis, cum periculo transeuntes, agminibus ordinatis, aciebusque retro duabus in subsidio collocatis, ne forte Pomorani hoc praescirent eosque incautos adirent, urbem opulentam diuitiis munitamque praesidiis unanimiter inuadere concupiscunt.. Quidam tantum praedam, quidam urbem capere meditantur. Et si cuncti sicut quidam unanimiter inuasissent, illa die procul dubio gloriosam Pomoranorum urbem et praecipuam habuissent; sed copia diuitiarum praedaque suburbii militum audaciam excecauit, sicque fortuna ciuitatem suam a Polonis liberauit. Pauci tantum probi milites gloriam diuitiis praeferentes, emissis lanceis, pontem extractis gladiis transierunt portamque ciuitatis intrauerunt, sed a ciuium multitudine coarctati, uix tandem retrocedere sunt coacti. Ipse dux etiam Pomoranus illis aduenientibus intus erat, timensque totum exercitum aduenire, per aliam portam effugerat... Interea alii aliam portam et alii aliam inuadebant, alii captiuos ligabant, alii marinas diuitias colligebant, alii pueros et puellas educebant. Igitur Bolezlauus milites suos, quamuis tota die fatigatos assultando, uix tandem eos circa uesperem reuocare potuit commorando. Militibus itaque reuocatis ac suburbio spoliato, recessit inde Bolezlauus.. extra muros, omni prius aedificio concremato. Ex quo facto natio tota barbarorum concussa uehementer exhorruit, famaque Bolezlaui longe lateque dilatata procrebuit. Vnde etiam in prouerbium cantilena componitur, ubi satis illa probitas et audacia conuenienter extollitur in haec uerba:

„Pisces salsos et foetentes apportabant alii,
Palpitantes et recentes nunc apportant filii.
Ciuitates inuadebant patres nostri primitus,
Hii procellas non uerentur neque maris sonitus,
Agitabant patres nostri ceruos, apros, capreas.
Hii uenantur monstra maris et opes aequoreas". II, 28.

7. „Rursus hiemali tempore Pomoraniam inuasuri Poloni congregantur, ut facilius munitiones congelatis palludibus capiantur... Adueniens Bolezlauus ad urbem [Albam] quae quasi centrum terrae medium reputatur, castra ponit, instrumenta parat, quibus leuius et minori periculo capiatur. Quibus partibus assidue armis et ingeniis laborauit, quod paucis diebus urbem ciues reddere coartauit. Qua recepta, suos ibi milites collocauit, signoque dato, motisque castris ad maritima properauit. Cumque iam ad urbem Cholbreg declinaret, et castrum mari proximum expugnare

priusquam ad urbem accederet cogitaret, ecce, ciues et oppidanos pronis ceruicibus obuiam Bolezlauo procedentes, semet ipsos et fidem et servitium proferentes. Ipse quoque dux Pomeranorum adueniens Bolezlauo inclinauit, eiusque, residens equo, se seruicio et militiae deputauit". II, 39.

8. „Bolezlauus iterum Pomoraniam est ingressus, et castellum obsessurus Carnkou magnis uiribus est agressus; machinis diuersi generis praeparatis, turribusque castellana munitione praeeminentioribus eleuatis, armis tamdiu ac instrumentis oppidum impugnauit, donec illud facta deditione suo dominio mancipauit. Insuper etiam ad fidem multos ab infidelitate reuocauit, ipsumque dominum castelli de fonte baptismatis eleuauit. Audientes autem hoc pagani ipseque dominus paganorum, sic facile uidelicet corruisse contumaciam Charncorum, ipse dux Bolezlawo primus omnium inclinauit, sed eorum neuter longo tempore confidelitatem obseruauit". II, 44.

9. „Hostium terram [Pomoraniam] ingrediens, non praedas sequitur uel armenta, sed castrum Velun obsidens machinas praeparat ac diuersi generis instrumenta. At contra castellani, uitae diffidentes solummodo in armis confidentes, propugnacula releuant, destructa reparant, sudes praeoccupatas et lapides sursum eleuant, obstruere portas festinant... Ad extremum tamen Pomorani.. sese castellumque, recepta Bolezlaui ciroteca pro pignore, reddiderunt". II, 48.

10. „Quoddam castrum nomine Nakel in confinio Poloniae ac Pomoraniae paludibus et opere firmum constat, ad quod capiendum dux belliger cum exercitu suo sedens, armis et machinis laborabat. Cumque oppidani non posse tantae multitudini resistere se uidissent, et cum tamen a suis auxilium principibus expectassent, inducias quaesierunt, diemque certum indiderunt, infra quem, si sui eos non iuuarent, in potestatem hostium et oppidum et se darent. Induciae quidem eos assultandi conceduntur, sed apparatus tamen expugnandi minime differuntur. Interim oppidanorum nuntii Pomoranorum exercitum conuenerunt, eisque pactionem suorum factam cum hostibus retulerunt. Tunc uero Pomorani, audita legatione stupefacti, coniurant insimul pro patria uel se mori uel uictoriam de Polonis adipisci. Dimissis igitur equis, ut adaequato periculo fiducia cunctis et audacia maior esset, nullam uiam uel semitam gradientes, sed ferarum lustra condensaque siluarum irrumpentes, non in die statuto sed in S. Laurentii sacrosancto quasi sorices de latibulis emerserunt.. [Bolezlauus] cepit hostes in circuitu transgirare, quia sic in terra hastas suas uersis cuspidibus in hostes affixerant, seseque simul

constipauerant, quod nullus poterat ad eos uirtute nisi cum ingenio penetrare. Erant enim.. pedites fere cuncti, nec ad proelium more christianorum ordinati, sed.. in terra poplitibus recuruati. Dumque magis impiger Bolezlauus circumquaque uolitare uideretur quam currere, transuersis in eum hostibus, Scarbimirus intrandi locum inueniens, ex aduerso non differt in cuneos diutius confertissimos penetrare. Penetratis itaque barbaris ac uallatis, arciter imprimis resistunt, sed coacti tandem fugam petunt.. Oppidani uero uidentes se totam spem amisisse, nec auxilium aliunde uel a quolibet expectare, ciuitatem uita donata reddiderunt. Audientes autem haec de sex aliis castellis oppidani, consilium itidem inierunt, se ipsos uidelicet munitionesque tradiderunt". III, 1.

11. „Castrum Nakel.. Bolezlauus cuidam Pomorano genere sibi propinquo, Suatopolc uocabulo concesserat cum aliis castellis pluribus sub tali fidelatis conditione retinere, quod nunquam deberet ei suum seruitium uel castella causa pro qualibet prohibere; sed postea nunquam iuratam sibi fidelitatem retinuit, neque ueniens unquam promissam seruitutem exhibuit, nec uenientibus portas castellorum aperuit, immo, sicut perfidus hostis et traditor, uiribus et armis sua seseque prohibuit. Vnde Bolezlauus dux septentrionalis ad iracundiam concitatus, conuocatis bellatorum cohortibus castrum Nakel fortissimum obsedit. Ibique.. laborem suum in uanum penitus expendebat, quia humidum per locum, aquosum et paludosum, machinas et instrumenta ducere non sinebat. Insuper castellum erat et uiris et rebus necessariis sic firmatum, quod non esset armis uel necessitate rei cuiuslibet per annum continuum expugnatum". III, 26.

12. „inde [sc. a castello Wysehrad] progrediens, obsidione castrum aliud circumiuit. Illud namque castrum cum maiori labore prolixiorique dilatione Bolezlauus expugnauit, quia plures et fortiores ibi pugnatores locumque munitiorem assultu bellico exprobauit. Paratis igitur a Polonis instrumentis ac machinationibus expugnandi, Pomorani similiter instrumenta modis omnibus repugnandi fecerunt; Poloni foueas acquant, terram lignaque comportant, quo leuius ac planius ad castrum cum turribus ligneis accedant; Pomorani contra lardum lignaque picea parant, quibus paulatim congeriem illam comburant. Tribus enim castellani uicibus instrumenta omnia de muro descendentes furtiue combusserunt, tribusque uicibus iterum illa Poloni construxerunt. Ita nempe turres ligneae Bolezlaui castello uicinae stabant, quod castellani de propugnaculis cum eis armis et ignibus repugnabant. Si quan-

doque Polloni castellum armis, igne, lapidibus stratis impetebant, castellani similiter modis omnibus uicem contrariam repugnabant. De Polonis multos castellani sagittis et lapidibus uulnerabant; de castellanis uero Poloni plures cottidie perimebant.. Interdum tamen cum Bolezlauo pactum facere castrumque reddere cogitabant, interdum inducias petentes, uel auxilium expectantes illud consilium differebant. Interea Poloni.. tot laboribus et uigiliis fatigati desistebant, sed castrum capere uel insidiis insistebant. Pomorani uero talem Bolezlaui mentem et intentionem cognoscebant, quod nullatenus euadere manus ipsius nisi castro reddito praeualebant, et ex hoc maxime diffidebant, quia de Suatopolc suo domino nullum auxilium expectabant. Vnde pro tempore consilium partibus utrisque satis idoneum inierunt, castellum uidelicet fide recepta tradiderunt, ipsique sani cum suis omnibus, incolumes, quo sibi libuit, abierunt". III, 26.

Разсмартивая извѣстія Мартина Галла о Поморянахъ, нельзя прежде прочаго не замѣтить одной важной этнографической черты: несмотря на близость своей рѣчи къ польской, Поморяне считаются совершенно особымъ племенемъ; въ противуположность Полякамъ они были „barbari", „natio barbarorum". Въ образованіи такаго понятія несомнѣнно участвовали политическія и религіозныя причины: Поморяне были „hostes Polonorum", „pagani„; но кажется— не одни эти причины, а и нѣкоторыя отличія въ обычаяхъ; польскій лѣтописецъ отмѣчаетъ напр., что ихъ военные обычаи были иные, чѣмъ у Поляковъ, они сражались не отдѣльными строями, а въ густой толпѣ, устремивъ свои копья щетиной противъ врага и присѣвъ къ землѣ, вѣроятно затѣмъ, чтобы удобнѣе защититься щитами [III, 1, cf. Saxo Gram. p. 751].

Свидѣтельство Сефрида [p. 20—1, 78 nn. 26, 105], что Поморяне имѣли много, какъ внутри земли, такъ и по границамъ ея, природою и искусствомъ укрѣпленныхъ крѣпостей, находитъ полное подтвержденіе въ извѣстіяхъ Мартина Галла: „municipia, munitiones, castra, castella" Поморянъ находились въ срединѣ страны, на побережьи моря и южной границѣ, онѣ были сильно укрѣплены, имѣли высокія стѣны, защищенные частоколомъ, были окружены, рвами, чрезъ которые лежали мосты, имѣли, кажется, и боевыя башни [II, 1, 15, 17, 22, 39; III, 1, 26]. Помѣщенныя среди болотъ и топкихъ мѣстъ [II, 39, III, 26], поморскія укрѣпленія были трудно доступны для непріятеля: послѣдній долженъ былъ выжидать зимняго времени, чтобы имѣть возможность подвезти осадныя орудія. Несмотря, однако, на свою крѣпость, поморскія мѣста

защиты почти всегда уступали Полякамъ; причина заключалась не только въ превосходствѣ правильно организованнаго польскаго войска, но и въ превосходствѣ польскихъ осадныхъ средствъ, которымъ Поморяне могли противупоставить только личную отвагу и мужество. Тамъ, гдѣ Поляки были лишены этихъ средствъ—крѣпости были въ состояніи выдержать долгую осаду [III, 26].

Было-ли въ крѣпостяхъ, кромѣ постоянной стражи, и постоянное не-военное населеніе—изъ показаній польскаго лѣтописца не ясно; оно едвали могло быть въ укрѣпленіяхъ пограничныхъ, но внутри страны существованіе его предположить можно, такъ какъ изъ крѣпостей здѣсь выростали уже города, „ciuitates". Въ одной изъ такихъ сильныхъ крѣпостей Болеславъ предалъ смерти всѣхъ воиновъ, жителей же увелъ плѣнными [II, 15].

Объ устройствѣ поморскаго города даетъ нѣкоторое понятіе разсказъ лѣтописца о взятіи Колобреги [II, 28]: перейдя рѣку, войско Болеслава бросилось грабить suburbium, торговую пригородь, отдѣленную отъ собственнаго города стѣнами его и рвомъ, чрезъ который проходилъ мостъ. Пригородь также была обнесена валомъ [II, 28].

Восточное Поморье, составляя въ этнографическомъ отношеніи одно цѣлое, въ политическомъ состояло изъ отдѣльныхъ областей, находившихся подъ властью отдѣльныхъ князей. „Dux, princeps terrae" вовсе неизвѣстенъ Мартину Галлу; онъ знаетъ только отдѣльныхъ князей, воеводъ и правителей, таковы: „dux pomoranus", убѣжавшій изъ Колобреги при вѣсти о появленіи Поляковъ [II 28] и явившійся потомъ съ покорою [II, 39]; „dux" или „dominus paganorum", покорившійся по взятіи крѣпости Чарнкова [II, 44]; Святополкъ „pomoranus", родственникъ Болеслава, владѣвшій крѣпостью Накелемъ и многими другими укрѣпленіями; „principes", отъ которыхъ тщетно ожидали помощи осажденные въ Наклѣ [III, 1]. Отсюда можно заключать, что въ эпоху Болеслава въ восточномъ Поморьѣ еще не было единодержавной княжеской власти, и это, б. м., было причиною успѣха польскаго оружія.

Бѣлградъ, по словамъ Мартина Галла, былъ „urbs regia, praecipua, quae quasi centrum terrae medium reputatur" [II, 22, 39], т. е. столица, средоточіе земли. Удальрикъ и Сефридъ называютъ такимъ городомъ Штетину [Ebo II, 9, III, 2; Herb. II, 5, 25; pag. 41, 61, 20, nn. 61, 62, 26, 88]. Понимая такія наименованія не въ политическомъ, а въ нравственномъ смыслѣ [а иначе ихъ понимать нельзя, такъ-какъ страна не имѣла государственно-политическаго единства], мы не найдемъ никакаго противорѣчія между этими показаніями: Штетина считалась первымъ городомъ, метрополіей западнаго Поморья, Бѣлградъ же — восточнаго.

Остановимся въ заключеніе на выраженіяхъ „diuitiae marinae“, opes aequoreae“ [II, 28]. Въ чемъ заключались они? Судя по контексту, можно подумать, что эта добыча Поляковъ заключалась въ соленыхъ и свѣжихъ рыбахъ, которыми торговали жители Колобреги; но позволительно также полагать, что этимъ именемъ польскій лѣтописецъ хотѣлъ обозначить вообще богатства, добываемыя изъ моря и путемъ моря, всякіе товары и м. б. янтарь. Послѣднее предположеніе даже нѣсколько вѣроятнѣе, такъ—какъ конница Болеслава могла взять рыбы только въ той мѣрѣ, въ какой нуждалась въ ней для своего продовольствія. „Diuitiae marinae“ скорѣе были нѣчто болѣе цѣнное и менѣе обременительное!

III.

Слѣды Оттоновой проповѣди въ грамотахъ.

Въ поясненіе и пополненіе къ предыдущему—представимъ краткія регесты нѣкоторыхъ грамотъ, заключающихъ въ себѣ указанія на миссію Оттона или ея послѣдствія.

а] Грамота, данная въ 1136 г. Императоромъ Лотаромъ Оттону и бамбергской церкви. По просьбѣ Оттона, въ награду за то, что онъ первый потрудился надъ разрушеніемъ язычества и обращеніемъ варварства Славянъ — Императоръ даруетъ ему и его преемникамъ, съ согласія маркграфа Адальберта, дань съ четырехъ областей славянской земли: Гросвины съ Руховымъ, Лѣсной, Межирѣчья и Ситной. Кромѣ этого бамбергской церкви отдается еще область Требуша. Codex Pomer. diplom. № 14; Klempin, Pommersch. Urk. Buch № 27.

б] Грамота 1139—1147 г., данная аббатомъ монастыра св. Михаила Германомъ одному изъ поморскихъ спутниковъ Оттона—Берону. Аббатъ освобождаетъ его жену и дѣтей отъ подвѣдомственнаго подчиненія своимъ чиновникамъ. Klempin Pom. Urk. B. № 29.

в] Грамота 1139, данная папой Иннокентіемъ II бамбергскому епископу Эгильберту. Иннокентій постановляетъ, чтобы всѣ церкви, находящіяся въ странахъ варваровъ, обращенныхъ къ христіанству Оттономъ, подлежали бы вѣдѣнію бамбергскаго епископа до той поры, пока не получатъ своего особаго. Codex Pom. dipl. № 15, Klempin, Urk. B. № 28.

г] Грамота 1140 г. Папа Иннокентій II, по просьбѣ перваго поморскаго еп. Адальберта, принимаетъ новую поморскую епис-

копію подъ свой покровъ, установляетъ главнымъ мѣстомъ ея — церковь св. Адальберта въ Волынѣ, опредѣляетъ владѣнія и доходы ея, именно: городъ Волынъ съ рынкомъ и корчмою, крѣпости — города́: Дыминъ, Требошу, Гостьковъ, Волегощь, Уседомъ, Гросвину, Пырицу, Старьградъ съ принадлежащими къ нимъ деревнями; Штетину, Камину съ корчмой, рынкомъ, деревнями и другими принадлежностями; Колобрегу съ соловарней, мытомъ, рынкомъ, корчмой и всѣми принадлежностями; сверхъ того опредѣляетъ дань со всего Поморья до рѣки Лебы съ каждаго пахаря — двѣ мѣры хлѣба и пять денаровъ; а также десятину съ рынка Ситемъ [?]. Cod. Pom. dipl. № 16: Klempin, Urk. b. № 30.

д] Грамота Адальберта поморскаго епископа, 1153 г., монастырю въ Столпѣ. Адальбертъ упоминаетъ, что поморскій народъ, благочестивымъ стараніемъ Болеслава, славнаго польскаго князя и проповѣдью Оттона былъ приведенъ въ Христіанство при князѣ Вартиславѣ; что первымъ епископомъ по общему выбору князей и съ утвержденія папы былъ избранъ онъ, Адальбертъ. Cod. Pom. dipl. № 11, Klempin, Pom. Urk. b. № 43.

Какъ ни незначительны повидимому эти указанія, но они не мало подтверждаютъ высказанное нами [стр. 140] предположеніе объ устраненіи Поляковъ отъ вліянія и участія въ судьбахъ поморской церкви и о томъ, что проповѣдь Оттона немедленно положила первое прочное начало зависимымъ отношеніямъ Поморья отъ Нѣмцовъ. Старанія Болеслава по обращенію Поморянъ сохраяются, какъ признательное воспоминаніе [cf. Helmoldi Chronica I, c. 40], но остаются безъ политическихъ для него послѣдствій, покрайней мѣрѣ — послѣднія ни изъ чего не видны; напротивъ — связь съ нѣмецкою церковью и зависимость отъ нея начинается съ первыхъ шаговъ христіанской жизни страны.

Не безъ значенія и то обстоятельство, что стольнымъ мѣстомъ первой поморской епископіи сталъ г. Волынъ: рѣшеніе Вартислава и прочихъ князей [выше, стр. 55], какъ видно, приведено было въ исполненіе.

Число сотрудниковъ Оттона [см. выше, nn. 10] пополняется новымъ именемъ Берона.

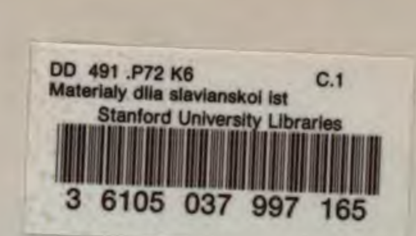
Обозрѣніе содержанія.

Опечатки.

Счетъ строкъ идетъ сверху, отдѣльно для текста и примѣчаній.

Страница:	примѣчанія:	строки:	напечатано:	читай:
10	12	4	apud nos	apud uos
11	12	5	въ монастыръ шестъ	въ монастырь шесть
14		19	и со свею	и со всею
23		4	безнадеждный	безнадежный
23	28	4	reuertuere	reuertere
23	29	12	eniam	enim
28	36	6	разказываетъ	разсказываетъ
35	51	17	sedes duci est	sedes ducis est
37	56	6	multam haben	multam habens
39	57	2	per lacus refusiones	per lacus et refusiones
39	57	26	nihil at quoquam	nihil a quoquam
42	61	8	tractabant; diligenter	tractabant diligenter
45	66	13	regenrationis	regenerationis
46	68	11	fidei sacramentia	fidei sacramenta
ibid.	ibid.	25	consentientis	consentientes
51	74	11	inuestir	inuestire
54	79	34	confrancta	confracta
55	82	17	addit	adiit
56	83	22	ucdelicet	uidelicet
57	84	4	perigrinati	peregrinati
58		10	платье	платье
61	87	25	omnimo	omnino
62	88	7	posentissima	potentissima
ib.	ib.	18	aquntur	aguntur

Страница:	примѣчанія:	строки:	напечатано:	читай:
65	90	12	ciutati	ciuitati
66	92	6	et atqua	et aqua
69	95	11	fide	fide
70	96	7	porterat	poterat
71	97	16	contremiut	contremuit
75	100	5	abdicaiut	abdicauit
82		22	деревяннныя	деревянныя
85		7	совѣщалисъ	совѣщались
86		1	ръшеніе	рѣшеніе
90	124	22	necassariis	necessariis
92		14	въ образѣ и одеждѣ	въ образѣ жизни и одеждѣ
98		15	занесенныя	занесенные
106		29	возникаютъ нъ сѣверѣ	возникаютъ на сѣверѣ
120		1	вѣрнеѣ	вѣрнѣе
122		29	надѣлающихъ	надѣляющихъ
124		12	главная изъ была	главная изъ нихъ была

DD 491 .P72 K6 C.1
Materialy dlia slavianskoi ist
Stanford University Libraries
3 6105 037 997 165

